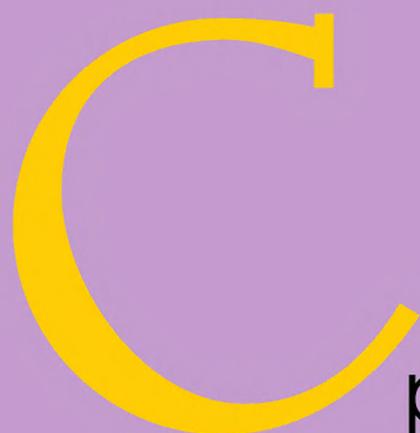

история / география / этнография

Леонид Васильев

редневековый
Восток

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Леонид Васильев

Средневековый
Восток

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2019

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
В19

Составитель серии Владислав Петров

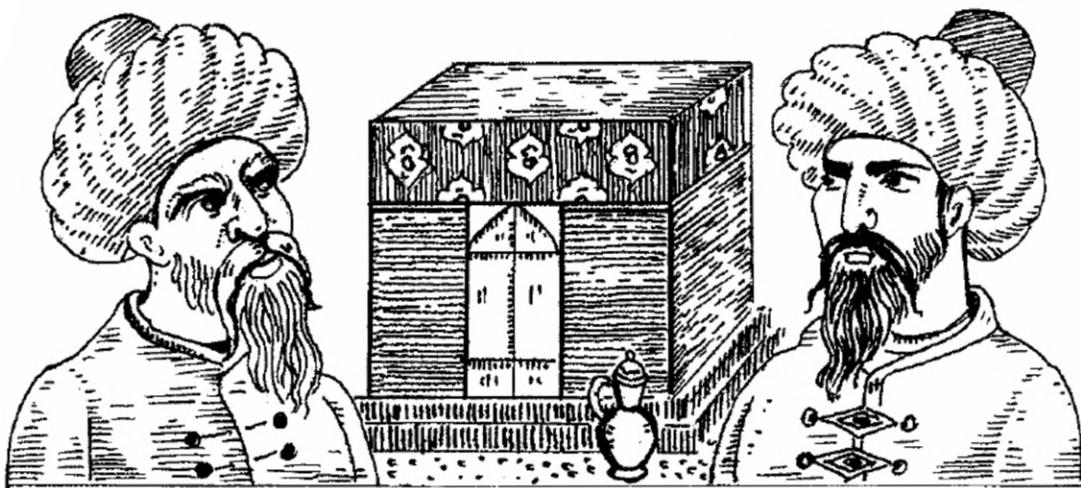
Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-511-1

© Васильев Л., 2019

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2019

Глава 1

Средневековье как этап истории Востока

Деление истории на несходные друг с другом хронологические этапы появилось в европейской историографии с началом развития буржуазного общества, причем поводом для этого стала необходимость понятийно-терминологически выделить Новое время, противопоставив его прошлому. Прошлое же в истории Европы отчетливо делилось на античную древность и эпоху феодальной раздробленности, за которой следовал абсолютизм, то есть период преодоления феодальной раздробленности. Блеск Античности с ее высокими культурными стандартами, развитой частнособственнической экономикой, гражданскими правами и демократией, свободомыслием мудрецов импонировал идеологам нарождавшейся европейской буржуазии, а казавшаяся на этом фоне мрачной и убогой эпоха, разделявшая Античность и Новое время с его дефеодализацией, была названа Средневековьем.

Сам термин был призван подчеркнуть преемственно-сущностную связь древности с возродившим ее традиции Новым временем. Позже, когда более четко обозначилась связь Античности с рабовладением, раздробленности с феодализмом, а Нового времени с буржуазным развитием, в европейской

историографии утвердилась трехчленная схема: «рабовладение — феодализм — капитализм».

Итак, античное рабовладение, средневековый феодализм и современный капитализм. Все было четко, ясно и до предела понятно любому грамотному европейцу еще два столетия назад. Одно не вписывалось в эту стройную схему — история всего остального, неевропейского мира.

Для истории Европы, где впервые стал применяться термин «Средневековье», смысл этого термина понятен и легко объясним. Европейское Средневековье — это, по сути, синоним феодализма. Семантический же подтекст слова в том, чтобы подчеркнуть, что динамика исторического развития Европы в Средние века шла по линии преодоления феодализма. Логика этой динамики привела после Возрождения к вызреванию капитализма как качественно новой, но сущностно близкой Античности структуры, поднявшей на принципиально новый уровень священный принцип частной собственности.

В истории Востока, где Античности, как и капитализма, в качестве граней для Средневековья нет, дело обстоит иначе. Уже не раз шла речь о том, что Восток в принципе развивался иначе, чем Европа, шел по иному пути, что динамика его истории отличалась от линейно-прогрессивной европейской своей цикличностью. Говорилось и о том, что и в рамках спиральных циклов Восток все же развивался поступательно, причем это развитие проявлялось и в усовершенствовании технологии, и в использовании новых ресурсов, и в развитии новых идей, включая научные, и в распространении накопленных знаний и культурного опыта в сторону первобытной периферии, и в совершенствовании социально-политической структуры общества, и во многом другом. Достаточно напомнить, что к эпохе Великих географических открытий на рубеже XV — XVI веков именно богатый Восток представлялся европейцам сказочным царством роскоши — да и действительно восточные города и резиденции правителей были богаты. А ведь богатство — это объективный показатель развития и процветания структуры.

Восток развивался, временами даже достигал уровня зажиточности, а то и процветания. Хотя, конечно, не стоит преувеличивать: богаты были отнюдь не все. Но не было и чересчур

кричащей имущественной разницы вне пределов причастных к власти. Главное же было в том, что каждый имел столько, сколько ему положено, соответствовало его положению в государстве и обществе. Зарвавшиеся собственники, нарушавшие эту неписаную норму, сравнительно легко ставились на место.

Такой стереотип существования сформировался еще в глубокой древности и затем в достаточно устоявшемся виде стал привычной нормой. Норма продолжала существовать на протяжении долгих веков и почти дожила до наших дней, хотя с эпохи колониализма начались ее современные изменения. Смены формаций традиционный Восток не знал, и перед специалистами невольно встает вопрос, что же брать за основу периодизации исторического развития Востока. Что было здесь эквивалентом европейского Средневековья? И вообще, есть ли смысл выделять этот период?

Смысл, даже необходимость, безусловно, есть. История традиционного Востока слишком велика, чтобы обходиться без периодизации. Но что же брать в качестве критерия при вычленении восточного Средневековья? Обратим вначале внимание на то, что единственная структурная ломка, которую пока что пережил Восток, а вместе с ним и весь вообще неевропейский мир, — это переход от традиционной структуры к колониальной или полуколониальной (зависимой), трансформирующейся в сторону капитализма. Отсюда со всей четкостью следует одно: древность и Средневековье для Востока были периодами существования в рамках одной и той же традиционной структуры. Но если нет между древностью и Средневековьем структурной грани — подобной той, что была в истории Европы, — то какую грань следует брать за основу при периодизации исторических этапов? Есть только два возможных выхода: либо оперировать комплексом второстепенных, а то и случайных критериев, либо просто согласиться на некую условную хронологическую грань. Рассмотрим эти варианты.

Если оперировать комплексом критериев, то следует принять во внимание степень централизации власти, скажем, переход ее на уровень «мировых» держав, великих империй. Важно учесть роль великих мировых религий, способство-

вавших наднациональному общению и создававших определенные условия для существования «мировых» держав. Необходимо принять во внимание темпы освоения первобытной периферии, то есть экстенсивное развитие крупных держав. Наконец, многое значит и возникновение устойчивых зон господства той или иной цивилизации, базирующейся на веками складывавшемся культурном стандарте и освященной какой-либо из великих религий. Все эти и многие близкие к ним критерии в сумме действительно помогают сформировать определенный комплекс важных признаков, который может свидетельствовать о некоем рубеже между старым и новым в истории разных стран и регионов Востока. Но при этом возникает новая практически непреодолимая сложность: комплекс критериев помогает найти логическую грань, но не более того. А как быть с гранью хронологической, если принять во внимание, что у каждого из основных регионов своя логическая грань, хронологически не совпадающая с другими?

Так, например, для ближневосточного региона, родины человеческой цивилизации, столь богато представленного в древности важными историческими событиями, длительными периодами интенсивного развития, великими державами (Двуречье, Египет, Ассирия, Вавилония, Персия), период радикальной внутренней трансформации явственно приходится на промежуток между IV веком до н. э. (походы Александра) с последующим сильным культурным и структурным воздействием со стороны античного мира (эллинизация, романизация и христианизация) и VII веком н. э., отмеченным жесткой печатью ислама. За это тысячелетие многое кардинально изменилось на Ближнем Востоке: исчезли одни народы и им на смену пришли другие; ушли в прошлое древние государства, уступив место Арабскому халифату и его эмиратам и султанатам; решительно изменился образ жизни подавляющего большинства населения, принявшего ислам, вместе с которым пришли новый образ жизни, иные обычаи, нормы взаимоотношений, подчас даже языки. Неизменным осталось одно — то самое, что дает основание отрицать здесь факт смены структуры: как и в глубокой древности, отношения в мире ислама определялись нормами жесткого приоритета государства, причем примат всего государственного, власти

как таковой, перед рыночно-частнособственническими отношениями стал проявляться в исламских странах даже более жестко, чем в доисламской древности, — при всем том, что родоначальники ислама, жители торговых арабских оазисов, были весьма сильно вовлечены в частнопредпринимательскую деятельность.

Если обратиться к истории Индии и связанной с ней всей индо-буддийской цивилизационной зоной, то окажется, что рубеж между древностью и Средневековьем определить тут еще сложнее. Как в глубокой древности, так и много позже, вплоть до проникновения ислама, здесь существовали крепкие восходящие к варново-кастовым и общинным связям социальные структуры, тогда как государства были политически неустойчивыми. Шел постепенный процесс индианизации юга полуострова, индуизм и в еще большей степени буддизм проникали на восток от Индии и завоевывали прочные позиции во многих районах, прежде всего в Юго-Восточной Азии. Но ничего более радикального не происходило вплоть до XII — XV веков, когда энергичное проникновение ислама во все или почти все страны региона резко изменило образ жизни этих стран. Таким образом, если руководствоваться комплексным критерием, перед нами возникнет лишь одна логическая грань: XII — XV века.

Обратившись к Китаю и всему Дальнему Востоку, мы обнаружим совершенно иную логическую грань: на рубеже III — II веков до н. э. древнекитайское общество, пережив структурную трансформацию и обретя единую официально санкционированную идеологическую доктрину, в духе которой были реформированы основные социальные институты и сориентированы образ жизни и ментальность населения, стало во многом иным, как иным стало и государство, принявшее форму могущественной империи. Правда, эта империя в первые века своего существования испытала тяжелый кризис, а затем на несколько веков даже распалась на части, причем как раз в это время формировались соседние с Китаем государства (Корея, Вьетнам, Япония), многое заимствовавшие у него и бывшие длительное время, по сути, частью китайской цивилизации. Приняв во внимание упомянутые события и процессы, можно опять-таки растянуть логическую

грань между древностью и Средневековьем в этом регионе Востока почти на тысячелетие (III век до н. э. — VI век н. э., когда была воссоздана империя).

Таким образом, ясно, что определяемая комплексом критериев логическая грань, вполне доказательная и приемлемая для каждого региона, только для этого региона и годится. Конечно, есть и определенные совпадения: исламизация была общей и для Ближнего Востока, и для Индии и Юго-Восточной Азии. Но эта общность разрушается хронологическим дисбалансом (VII век в одном случае, XII — в другом, XV — в третьем) и даже сущностной неравнозначностью: исламизация в Индии совсем не похожа на то, что было на Ближнем Востоке, ибо индийская кастовая система оказалась несовместима с исламом; только в Юго-Восточной Азии, где сильной кастовой структуры не было, успех ислама был ощутим, да и то с оговорками. Хронологически близки между собой периоды трансформации от древности к Средневековью на Ближнем и Дальнем Востоке, но в обоих случаях эти периоды протянулись на тысячелетие, которое явно не может претендовать на роль хронологической грани.

Сказанное означает, что первый вариант, то есть попытка опереться на комплекс объективных критериев для выработки общей периодизации, не дает приемлемого результата. Общей для всего Востока грани на этой основе наметить практически невозможно. Остается второй вариант, то есть принятие некоей условной хронологической грани.

Собственно, именно это и делается ныне практически всеми. На этой основе создаются учебники, общие труды, энциклопедии и т. п. Учтя все это и твердо отдавая себе отчет в том, что речь идет не о грани между формациями, а об условной хронологической грани, откровенно ориентированной на реалии европейской истории и взятой именно для удобства периодизации, мы вправе ориентировочно датировать начало восточного Средневековья первыми веками нашей эры. А как быть с концом?

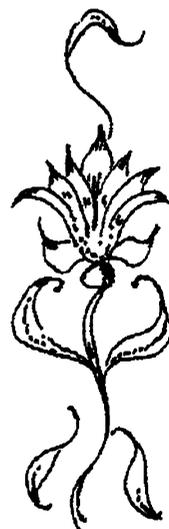
Проблема здесь не менее сложна, поскольку тоже можно говорить лишь о грани условной. Совершенно очевидно, что приводимую обычно в наших учебниках, энциклопедиях и общих трудах периодизацию, прямо опирающуюся на ре-

алии европейской истории (английская революция, например), принимать нет оснований. Здесь все-таки нужна грань, пусть и соотнесенная с европейской историей, но все-таки имеющая смысл для самого Востока как субъекта исторического процесса. Другими словами, здесь необходимо принять во внимание не просто европейские процессы, но прежде всего то, как эти процессы затронули Восток. Речь идет, естественно, о колониализме, об экспансии колониального капитала, о связанной с этой экспансией трансформации Востока, наконец, о превращении ряда восточных стран в колонии.

Какие из этих событий наиболее важны, какие из них можно взять в качестве грани, пусть даже условной?

Начало колониальной экспансии было положено на рубеже XV и XVI веков. Страны южных морей стали энергично осваиваться португальцами и голландцами уже в XVI, тем более в XVII веке. Испанцы, англичане, представители других европейских держав активно осваивали территории Африки, Америки, Юго-Восточной Азии, в форме отдельных небольших анклавов оседали в Индии, Китае, занимали позиции в торговле и мореплавании Ближнего Востока. Все это, безусловно, воздействовало на традиционную структуру неевропейских стран. Тем не менее для традиционного Востока с его древними центрами высокой культуры это было только началом изменений, в то время еще едва заметных, если заметных вообще. Даже в XVIII веке, когда европейские державы начали активное колониальное проникновение на Восток и было начато завоевание англичанами Индии, внутренней структуры восточных стран, даже той же Индии, это коснулось очень слабо. Торговые связи между этими странами и Европой шли практически в одну сторону — в Европу, нуждавшуюся в пряностях и иных «колониальных» товарах, но практически не имевшую того, в чем нуждался в то время Восток (точнее, не имевшую товаров, которыми он заинтересовался бы). И только с XIX века ситуация стала решительно меняться.

Как известно, в Европе XIX век начался с Великой французской революции, давшей энергичный толчок капиталистической трансформации — как политической, так и эконо-

мической, основанной на машинной индустрии. Вот эта-то машинная индустрия и совершила подлинную революцию в мировом хозяйстве. Именно она способствовала энергичной трансформации внутренней структуры Востока, прежде всего Индии, наводненной английскими промышленными товарами. Только теперь, с XIX века, начался период ломки и трансформации традиционной внутренней структуры Востока, вынужденного приспособляться к новым реалиям колониального капиталистического мирового рынка.

Приняв это во внимание, мы вправе условно установить завершающую грань восточного Средневековья для большинства стран Востока в середине XIX века, когда упомянутые процессы уже повсеместно стали давать о себе знать, вызывая ответную реакцию традиционного восточного общества.

Глава 2

Ближний Восток и Иран: от эллинизма до ислама

Усиление Рима и превращение его в мировую державу сыграли существенную роль в распаде созданных на развалинах империи Александра эллинистических государств, птолемеевского Египта и царства Селевкидов. Во II — I веках до н. э. значительная часть их территории превратилась в провинции Рима, римский Восток. И хотя римляне не очень-то навязывали чуждым им странам свой образ жизни, ограничиваясь верховным надзором и строгим контролем с конечным правом решающего голоса (вспомним прокуратора Понтия Пилата в Иудее), население завоеванных восточных провинций подвергалось постепенному процессу романизации, а позже и христианизации. Сам феномен христианства своим появлением на свет был обязан тем процессам сложного синтеза, которые протекали на римском Востоке.

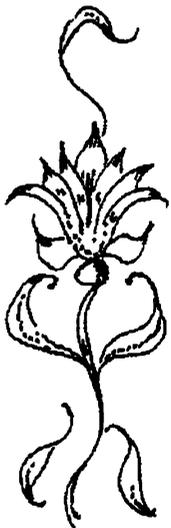
Романизация, как и прежде эллинизация, не затрагивала восточные общества слишком глубоко: основное воздействие волны иноземного влияния оказывали на крупные города и заселенные западными переселенцами-колонистами по-

селения. Периферия римско-эллинистических провинций продолжала жить по своим законам, но какие-то перемены происходили и там.

Бактрия и Парфия

По-иному складывались судьбы тех частей Селевкидского царства, которые были расположены далее к востоку от границ Рима и Византии. Еще в середине III века до н. э. здесь возникли два крупных государства — Бактрия и Парфия. Бактрия, расположенная на территории пригиндукушских районов Индии и Афганистана, а также включавшая в себя часть земель юга Средней Азии, была основана выходцами из греко-македонской знати, потомками воинов Александра (чуть ли не до наших дней среди правителей многочисленных княжеств Пригиндукушья бытовали легенды о том, что они ведут свою родословную от великого Искандера). Социальной и военной опорой греко-бактрийских правителей были греческие колонисты, жители городов, — по некоторым данным, их насчитывалось в Бактрии чуть ли не тысяча («страной тысячи городов» называли ее греческие историки). Однако открытое противостояние греков местной азиатской знати, не говоря уже о простых жителях, обусловило непрочность Бактрии как политического образования. Страдая от междоусобиц и нападений кочевников, Греко-Бактрийское царство уже во II веке до н. э. ослабло и распалось на множество небольших княжеств, часть которых возглавили вожди кочевых племен, быстро усваивавшие, хотя бы частично, культурное наследие эллинизма.

Вскоре на развалинах Бактрии возникла могущественная Кушанская империя, основанная одним из потомков вождей кочевников. На рубеже нашей эры она подчинила себе значительную часть Северной Индии, но, как и ее предшественница Бактрия, просуществовала недолго. В истории она, однако, оставила яркий след. Взаимодействие эллинистической и индийской культур на местной бактро-кушанской основе породило блестящий феномен — знаменитое искусство Гандхары с его выразительными скульптурными изображениями. Как известно, гандхарская скульптура после IV буддийского

собора, проведенного примерно в I — II веках н. э. покровителем буддизма и наиболее известным из кушанских царей Канишкой, стала иконографической основой реформированного буддизма.

Гораздо более крепким государством оказалась Парфия, основанная вмешавшимся в политическую борьбу ближневосточных правителей предводителем кочевого иранского племени Аршаком. Располагавшееся вначале на землях к югу от Каспия, это государство стало быстро увеличивать свои владения. Стараниями правителей Митридата I и Митридата II территория Парфии во II веке до н. э. увеличилась за счет Мидии и Месопотамии. И хотя нашествие кочевых племен с востока (тех самых, что привели к крушению Греко-Бактрийского царства) временно приостановило экспансию парфян на западе, к рубежу нашей эры Парфия превратилась не только в самого крупного и сильного, но практически единственного восточного соседа и соперника Рима. Вскоре началась эпоха римско-парфянских войн, тянувшаяся с некоторыми перерывами около трех столетий.

Войны шли с переменным успехом. Они велись на фоне острого соперничества, даже вражды влиятельных внутренних группировок парфянских верхов, одна из которых, эллинская, представлявшая интересы богатых городов страны, занимала откровенно проримские позиции, тогда как другая, представленная стоявшими близ трона представителями иранской знати, потомками воинственных кочевников, мечтавших о наследстве Ахеменидов, стремилась к продолжению войн. Это устойчивое противостояние осложняло политическую обстановку в Парфии и подчас позволяло Риму добиваться успехов с помощью интриг и искусной дипломатии.

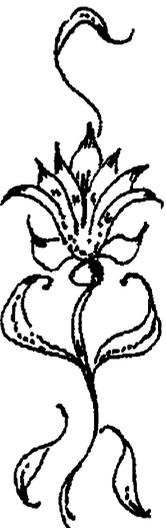
В начале нашей эры влияние проримской группировки было ослаблено, а затем и вовсе сведено к нулю. На передний план в политической жизни вышли те, кто боролся за сильную Парфию. Временами парфяне наносили сокрушительные поражения римлянам, как то было в битве при Каррах, в 53 году до н. э. Однако мечтам о наследстве Ахеменидов не было суждено осуществиться: парфянские правители не сумели выработать систему реформ, аналогичную той, которую в свое время осуществил Дарий. Результатом неудачи было не усиление,

а постепенное ослабление внутренней стабильности в стране, рост сепаратизма знати в провинциях-сатрапиях, не говоря уже о мелких вассальных государствах, хотя и включенных в состав Парфии, но управлявшихся своими правителями и живших по собственным законам.

Парфия была случайным конгломератом весьма разнородных стран, народов и племен. Северная и северо-восточная ее часть, населенная в основном иранскими племенами, в том числе и вчерашними кочевниками, была более отсталой, но зато являла собой надежную базу воинственной группировки знати. Впрочем, и здесь существовали заметные этносоциальные и иные различия. Тон задавала привилегированная элита кочевников-всадников, из которых состояло ядро армии и которые, видимо, частично были освобождены от налогов и повинностей. Средства на их содержание шли от обложения рентой-налогом и повинностями земледельцев, которые к тому же поставляли в армию отряды легковооруженных пехотинцев.

Южные и юго-западные районы Парфии, и прежде всего эллинистические города-полисы Месопотамии, были в социально-экономическом отношении не просто более развитыми. Они являли собой структуры иного типа, созданные по образцу античных полисов. Правда, не все города юга были именно такими. Значительная доля их, включая уже пришедший в упадок Вавилон, принадлежала к классическому восточному типу (аналогичные им были и на севере, у самих парфян). Тем не менее многочисленные и богатые античного типа полисы, где наряду с большим количеством свободного привилегированного населения (граждан) были неполноправные и рабы, в экономике и особенно транзитной торговле занимали ведущее место и потому обладали немалой силой. Многоукладность усложняла макроструктуру Парфии и затрудняла управление государством.

Запоздалые попытки реформ, ставивших эллинистические полисы, да и всю страну под более жесткий централизованный контроль, были предприняты в начале II века. Но они уже мало что могли изменить. Заключительный этап римско-парфянских войн, в ходе которого влияние Парфии на Армению было ослаблено, а Месопотамия несколько раз становилась

ареной жестоких сражений и была в значительной степени разграблена и разорена, поставил в начале II века н. э. Парфию на грань катастрофы. Восстание одного из вассальных князей, правителя Персиды Арташира Сасанида, в условиях внешних трудностей и внутренней неустойчивости привело к падению Аршакидов. Так к власти снова пришли представители персов Сасаниды.

Сасанидский Иран

Правители Персиды были выходцами из мест, которые некогда считались ядром державы Ахеменидов. Расположенный на юго-востоке Парфии Парс принадлежал к числу сравнительно развитых районов; его население, персы, не были наподобие парфянской знати вчерашними кочевниками. Напротив, они имели уходящие в глубокую древность культурные традиции, включая и развитую собственную религию зороастризм — учение о вечном противостоянии сил Света и Добра силам Тьмы и Зла. Коронованный в 226 году в качестве шаханшаха Эрана (Ирана), Арташир положил начало династии Сасанидов, просуществовавшей свыше четырех веков.

Сасанидский Иран унаследовал от Парфии практически все ее земли, а серия войн с Римом позволила первым правителям новой династии даже расширить ее владения за счет завоеваний, правда, незначительных. Ведшиеся с переменным успехом римско-иранские войны привели в конце IV века к тому, что обе державы поделили сферы влияния в Закавказье. При этом большая часть Армении, Картли и кавказская Албания оказались под властью Ирана, что со временем привело к превращению их в провинции державы Сасанидов.

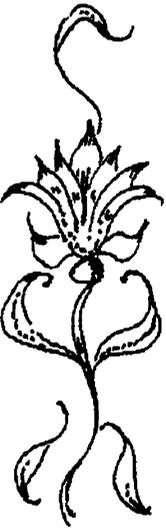
Как и Парфия, сасанидский Иран, особенно вначале, представлял собой случайный конгломерат объединенных общими политическими судьбами, но весьма различившихся между собой стран и народов. Однако такое положение быстро менялось. Во-первых, несколько столетий парфянской истории не пропали даром: разные в экономическом, культурном, социальном и этническом плане составные части державы приспособились одна к другой, стали взаимно дополнять друг друга, что постепенно способствовало превращению их в еди-

ный социополитический организм. Во-вторых, опиравшиеся на солидную традицию и много более развитые по сравнению с их предшественниками персы, особенно стоявшая у руля правления персидская знать, сумели создать крепкий централизованный государственный аппарат по образцу ахеменидского. Была восстановлена и жестко фиксирована система сословий. Официальной религией стал зороастризм, и его культово-обрядовые нормы стали обязательны для всех.

Население страны было официально поделено на четыре большие сословные группы. Переход из одной в другую был крайне затруднен, если вообще возможен. Первые три — жрецов, воинов и писцов-чиновников — имели привилегии. Они не платили налогов и не несли повинностей, кроме своих прямых служебных обязанностей. Четвертую составляли крестьяне и горожане, платившие в казну ренту-налог, включая пошлины, и исполнявшие трудовые повинности. Каждое из сословий подразделялось на разряды и имело внутреннюю иерархическую структуру. Главы всех четырех сословий занимали видное место при дворе; существенно, что главой четвертого сословия обычно назначался кто-либо из числа представителей трех высших, привилегированных. Наместниками в областях и правителями вассальных царств или княжеств были преимущественно знатные аристократы, часто из дома Сасанидов.

Таким образом, жрецы, аристократы, чиновники и воины жили прежде всего за счет избыточного продукта крестьян и ремесленников. При этом в некоторых районах страны продолжали существовать еще не потерявшие окончательно своих прошлых привилегий эллинизированные города, где было много свободных граждан и немало неполноправных и рабов. Однако эти анклавные с точки зрения структуры общества в целом имели второстепенное значение и понемногу отмирали. Основными производителями были податные крестьяне, жившие преимущественно большими домовыми общинами.

Общинные поселения, в которых они жили, уже не были первобытно-примитивными. Расслоение сельской общины привело к появлению ее зажиточного слоя — дехкан (впоследствии так стали называть земледельцев вообще). Вместе

с главами семейно-домовых групп, именовавшимися термином «кедхуда», дехкане представляли собой своего рода социально-имущественную верхушку общины, заправляли ее делами. Видимо, достаточно близко к этой верхушке по статусу были воины-азаты. Они являли собой просто военн-обязанных крестьян, чем-то напоминающих казаков русского царя. Следует заметить, что постоянного войска сасанидский Иран не имел. Войско комплектовалось лишь по мере надобности и состояло из конницы знати и привилегированной части воинов, ополчения азатов и вспомогательных частей пехоты из крестьян.

Государством управлял аппарат из профессионально подготовленных писцов-чиновников (хотя высшие должности замещались, как правило, представителями знати). Во главе его стояли руководители ведомств, в свою очередь подчинявшиеся вазургу-фраматару, должность которого, правда, появилась не сразу. Видимо, аналогичным был аппарат администрации в провинциях и в вассальных царствах, хотя, возможно, не везде он был одинаков.

Зороастрийские храмы, посвященные божествам Ормузду, Митре, Зурвану, богине Анахите, владели немалыми землями и богатствами, а организованные в иерархическую пирамиду жрецы пользовались большим влиянием. Есть сведения, что в IV — V веках глава жречества мобедан-мобед, бывший одновременно и верховным судьей (совпадение религиозных и судебных функций в руках жрецов обычно для многих восточных обществ), занимал место в государстве сразу после самого шаханшаха.

Сасаниды придавали большое значение религии. Это было необходимо для укрепления внутренней стабильности государства, тем более что в западных и юго-западных районах Ирана с III — IV веков начало распространяться христианство, ставшее официальной государственной религией Рима. Воспринимая ортодоксальное христианство как враждебное (еретические оппозиционные движения — несториан, монофизитов и др. — Сасаниды, напротив, поддерживали и поощряли), правители Ирана делали все, что могли, дабы укрепить позиции собственной религии. И это им удавалось — во всяком случае, на первых порах. Однако оборотной стороной влияния

зороастризма в сасанидском Иране оказались возникавшие на его основе массовые еретические движения, разобщавшие и ослаблявшие страну.

Первым из таких движений было манихейство. Его основатель Мани (216 — 276), родом из Вавилонии, испытал немалое влияние христианства (идеи мессианизма) и буддизма (нравственное очищение, ограничения в пище, стремление к освобождению от всего материального на пути к спасению). Главный тезис Мани сводился к тому, что силы Тьмы и Зла в окружающем нас мире заведомо одолевают силы Света и Добра. Только уменьшение зависимости человека от материального начала может способствовать Свету в его борьбе с Тьмой, для чего и надлежит вести аскетический образ жизни. Манихейство быстро распространилось по всему Ирану и вскоре проникло за его пределы, достигнув Испании на западе и Восточного Туркестана на востоке. Вначале относившиеся к этому учению спокойно, даже доброжелательно, сасанидские правители затем испугались его размаха. В 276 году Мани был казнен, а манихеи стали подвергаться жестокому преследованиям и изгоняться из Ирана.

Вторым был маздакизм. Возникшее двумя с половиной веками позднее манихейства, в конце V века, это еретическое учение, кое-что взявшее у своего предшественника, оказалось более радикальным в социальном плане. Основатель его Маздак, опираясь на все тот же тезис о засилье на земле сил Тьмы и Зла, считал, что очистить от них землю можно, но для этого нужно дать простор разуму и справедливости. Он предложил своим последователям начать с перераспределения собственности: брать излишки у богатых и наделять ими бедных. Социальный пафос идей маздакизма о справедливости восходил к обычным для всех крестьянских массовых движений идеалам, но в сасанидском Иране он питался, в частности, еще и недовольством тех, кто был лишен возможности иметь жену и семью, в то время как в гаремах знати томились сотни и тысячи запертых там женщин. Требования передела имущества, включая и женщин, выдвигавшиеся маздакитами, были направлены против влиятельной иранской знати и отражали недовольство низов.

Вначале шаханшах Кавад, попытавшийся было с помощью маздакитов обуздать строптивую знать и усилить собственную

власть, поддержал движение и даже сделал Маздака своим советником. Вскоре, однако, маздакиты забрали слишком большую власть, а происки знати едва не лишили Кавада трона. Шаханшах вынужден был лавировать. Движение маздакитов более не было ему нужно и даже мешало, особенно после смерти его основателя Маздака. В 529 году царевич Хосров заманил лидеров маздакизма в ловушку и коварно с ними расправился, после чего массовые репрессии на местах довершили дело: маздакизм как влиятельное социально-религиозное течение был сведен на нет.

И манихейство, и особенно маздакизм выявили не столько даже слабости зороастризма как официальной религии, сколько несовершенство социально-политической структуры сасанидского Ирана. Страна нуждалась в энергичной централизации власти. Ослабление наследственной аристократии в годы господства маздакизма создало благоприятную для этого обстановку, чем и воспользовался Хосров I, когда стал шаханшахом. За долгие годы пребывания на престоле (531 — 579) он провел ряд важных реформ. Подавляющее большинство земель, включая и отобранные маздакитами у знати, были включены в государственный фонд. Все земли были разбиты на разряды и категории и отданы во владение крестьянам, обязанным платить казне строго определенный налог хараг, который зависел от разряда. Кроме того, все податное сословие — каждый мужчина в возрасте с 20 до 50 лет — облагалось подушной податью гезит, которая в зависимости от достатка составляла от 4 до 12 дирхемов в год. Все остальные центральные и местные подати были отменены. Лишившиеся земли аристократы были взяты Хосровом на государственную службу и получали содержание из казны. Все эти земельно-налоговые реформы способствовали как развитию страны, так и укреплению власти правителя.

В том же направлении были осуществлены и административные реформы. В стране было создано четыре военных округа по четырем странам света, а их командующим соответственно подчинены все размещенные на территории округа войска. В системе высших сановников первое место занял вазург-фраматар, затем шли командующие округами и лишь на шестом месте оказался бывший некогда первым верховный

жрец мобедан-мобед. Кроме того, была проведена военная реформа: все войска, находившиеся под командой начальников округов, являли собой теперь постоянную армию.

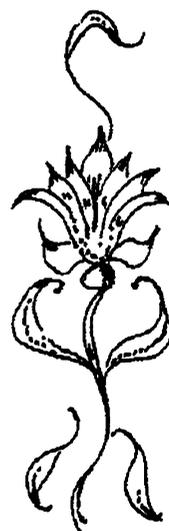
Получив в результате реформ Хосрова сильный толчок для своего развития, сасанидский Иран в VI веке вступил в полосу процветания. Именно к этому времени относится развитие международной транзитной торговли, которая стала теперь в основном осуществляться через территорию Ирана, а не вдоль Аравийского побережья, как прежде. Шестым веком датируется и знакомство иранцев с рядом новых сельскохозяйственных культур (разведение риса, сахарного тростника) и шелководством. Развилось и ремесло; в городах возникали влиятельные корпорации ремесленников, чье искусство совершенствовалось также и за счет мастеров, вывезенных из захваченных у Византии районов.

Войны Ирана с Византией шли, с некоторыми перерывами, весь VI век и первые десятилетия VII века. Больших успехов персам они не принесли, но в целом преимущество Ирана становилось все заметнее. Сасанидские войска наносили Византии чувствительные удары. Так, победа над союзником Византии Эфиопией в 570 году привела к захвату Ираном южноаравийских торговых путей, а в начале VII века на некоторое время к Ирану были присоединены также значительная часть Малой Азии, Сирия и Египет, являвшиеся провинциями Византии.

20 — 30-е годы VII века прошли под знаком усиления внутреннего кризиса и междоусобиц при дворе Сасанидов. Вызванное этим кризисом ослабление Ирана, совпавшее по времени с началом победоносного шествия арабо-исламских завоевателей, оказалось для Сасанидов роковым: войны 30 — 40-х годов привели не только к падению династии, но и к исламизации Ирана, открывшей принципиально новый этап его многотысячелетней истории.

Аравия до ислама

Завоевавшие сасанидский Иран, восточные провинции Византии и множество других стран и народов арабы были выходцами из Аравии. Здесь издревле обитали многочисленные се-

митские племена, с которыми народы Ближнего Востока были хорошо знакомы еще со времен шумеров. Семитское население Аравийского полуострова в силу географических условий отчетливо подразделялось на две части: кочевников пустынь и полупустынь и земледельческое, к которому можно причислить торговое население оазисов. Оазисы, о которых идет речь, в основном располагались на побережье, преимущественно на юго-западной оконечности Аравийского полуострова.

Кочевые племена семитов — впоследствии их стали именовать бедуинами — с глубокой древности бороздили со своим скотом и немудреным скарбом бескрайние пустыни Аравии. Именно они одомашнили верблюда, игравшего огромную роль в их бродячей жизни: молоко и мясо шли в пищу, шерсть — на одежду и войлок, шкура — на обувь и другие поделки; даже навоз не пропадал — его использовали как топливо. Верхом на верблюдах кочевники воевали, на верблюдах же они перевозили семьи, имущество и многочисленные товары, включая транзитные.

Существовало множество родоплеменных групп аравийских кочевников, образ жизни которых почти не менялся на протяжении веков. Во главе этих племенных образований стояли предводители-шейхи, чаще всего выборные, власть которых была обычно ограничена советом родовой знати. Эти кочевые племена, часть которых в I тысячелетии до н. э. уже превратилась в протогосударства, держали под своим контролем территорию Северной Аравии, что нередко приводило их к столкновениям с войсками могущественных государств — Ассирии, Вавилонии, Персии. Ожесточенное сопротивление оказали бедуины и войскам Александра Македонского.

Нередко погоня за военной добычей в сочетании с некоторыми иными факторами — экологическими, демографическими и др. — приводила к мощным выплескам аравийских семитов в земледельческие долины Двуречья и всей Западной Азии. Так появлялись аккадцы, амореи, арамеи, халдеи. Обычно же семиты Аравии мирно кочевали, возделывали земли оазисов и торговали. Форпостами их торговли были небольшие протогосударственные образования вдоль побережья, состоявшие из центрального богатого торгового города и тяготевшей к нему периферии.

Каждый из таких городов (наиболее древним и известным из них была Саба) был одновременно и центром оазисного орошаемого земледелия. Земля в оазисах ценилась дорого и использовалась интенсивно. Выращивались зерно, виноград, финики, благовония и пряности. Разводили также и скот, прежде всего овец и верблюдов. Основными производителями были члены большесемейных крестьянских общин, имевшие участки земли, за право пользования которыми они платили ренту-налог в казну правителя или храма и исполняли необходимые трудовые повинности. Существовало имущественное неравенство, дополнявшееся неравенством социальным и юридическим. Неполноправные из числа иноземцев и рабов обрабатывали обычно храмовые либо государственные земли на правах условного владения; на тех же правах участки храмовых и государственных земель могли получить и нуждавшиеся в этом общинники.

Возглавляли протогосударства чаще всего избравшиеся на определенный срок жрецы-эпонимы, а исполнительная власть, в частности в Сабе, принадлежала наследственным министрам-мукаррибам, которые во время войны вместе с титулом малик (царь) обретали чрезвычайные полномочия, что и привело на рубеже нашей эры к превращению их в подлинных правителей, чья власть была, однако, ограничена советом родовой знати.

Во II — I веках до н. э. южноаравийская торговля пришла в упадок, что было вызвано как переводом части торговли на морские пути (корабли шли из Египта в Индию и обратно), так и возникновением сухопутных торговых путей на севере, через Двуречье (Парфию). Правда, с началом активно ведущихся римско-парфянских войн и тем более после превращения птолемеевского Египта в провинцию Рима (30 год до н. э.) южноаравийская торговля вновь стала оживать: Рим, а затем и Византия именно этим, пусть далеким, но безопасным путем предпочитали получать благовония, пряности и драгоценности из Африки и Индии.

На рубеже нашей эры Сабейское протогосударство ослабло, а наибольшей силой стало обладать Химьяритское, владения которого охватили значительную часть территории Йемена. Государство химьяритов просуществовало несколько веков,

на протяжении которых оно вело не только успешные торговые операции, но и собственную внешнюю политику, основанную прежде всего на взаимоотношениях с эфиопами.

Эфиопия, наследница древней Нубии, была одним из достаточно развитых районов Восточной Африки еще во времена египетских фараонов. В начале I тысячелетия до н. э. эфиопские правители даже дважды завоевывали Египет. На протяжении первой половины I тысячелетия до н. э. столица эфиопов находилась в городе Напата, откуда и название (Напатское царство), затем она была перенесена в Мероэ, соответственно изменилось и название государства. Мероитское царство, являвшее собой политический конгломерат полувассальных-полунезависимых протогосударств, которые возглавлялись чаще всего племенными вождями, существовало до тех пор, пока римское завоевание Египта на рубеже нашей эры не нанесло по нему сильный удар. На смену мероитам в I веке н. э. пришло государство Аксум, активно вмешивавшееся в споры Сабы и Химьяра. По некоторым данным, само возникновение Аксума было связано с миграцией в Африку пришельцев из Аравии. Как бы то ни было, в лице Аксума Химьяритское царство обрело сильного соперника, особенно если принять во внимание, что в Аксуме кроме хорошо знакомых с торговлей мигрантов из Аравии стали оседать также греческие и римские торговцы, способствовавшие превращению этого государства в еще один центр международной торговли.

Расширившись за счет остатков Мероэ и его соседей, Аксум с III века стал вести активную внешнюю политику, а в царствование аксумского царя Эзаны (середина IV века) быстрыми темпами начал христианизироваться. Христианство довольно тесно связало Аксум с Египтом, а затем и с Византией, причем то и другое способствовало обострению взаимоотношений эфиопов с арабами.

Среди торговцев, ведших дела в оазисах Южной Аравии, были иудеи и христиане, так что обе монотеистические религии были в V — VI веках достаточно хорошо известны южноаравийским арабам, да и кочевникам-бедуинам. Это не мешало ни тем, ни другим исповедовать собственную примитивную религию и поклоняться своим богам в посвященных им храмах, наиболее известным из которых был знаменитый

храм Кааба в расположенной на западном побережье Аравии Мекке. В Химьяре влияние иудаизма и христианства в начале VI века стало настолько существенным, что его правители склонялись то к одной, то к другой религии, причем в зависимости от этого менялась их политика.

Когда в 517 году власть перешла к Зу-Нувасу, принявшему иудаизм и начавшему проводить враждебную политику по отношению к Византии и Эфиопии, аксумиты высадились в Южной Аравии и напали на Химьяритское государство. Первая их военная экспедиция была неудачна, но повторная в 525 году завершилась завоеванием химьяритских владений. Окрыленные успехами аксумиты попробовали было двинуться в Хиджаз, на Мекку, но эпидемия оспы нарушила их планы. На протяжении нескольких десятилетий Эфиопия удерживала южнойеменские территории, пока усилившийся Хосров I в 570 году не присоединил их к сасанидскому Ирану. После этого южноаравийская транзитная торговля была прервана, и основной поток товаров пошел более коротким путем через принадлежавшее Ирану Двуречье.

Это резко ударило по жившим за счет торговли арабам, причем по всем, от простых кочевников-бедуинов до шейхов, которые уже привыкли к роскоши. Особенно сильно экономический и связанный с ним социальный кризис проявился на западном побережье, в Хиджазе, важнейшем торговом районе Аравии. Сердцевиной Хиджаза была Мекка, населенная в основном племенем курейш.

Курейшиты ежегодно снаряжали по меньшей мере два богатых каравана (на юг и на север), каждый из которых состоял из тысячи, а то и двух тысяч верблюдов и оценивался примерно в 50 тысяч золотых монет. Но после фактического прекращения связей с югом для них наступили трудные дни. Это грозило не только благосостоянию Мекки, но и самому ее существованию. Нужно было срочно искать выход. И он был найден.

Как известно, в истории человечества не только отдельные процветавшие города, но и целые большие государства не раз и не два оказывались в состоянии кризиса, искали из него выход, но не находили и гибли, уступая место другим. Мекканским арабам удалось выжить. И не только выжить, но и добиться неслыханной удачи. Можно сказать, что они

вытащили у судьбы выигрышный лотерейный билет. Этим билетом оказался ислам — новая монотеистическая религия, сложившаяся на местной арабской основе под сильным влиянием со стороны иудаизма и христианства.

Жители Мекки активно общались с окружавшими их иудеями (большая иудейская колония обращенных в иудаизм арабов была в Ятрибе, будущей Медине) и христианами, и идея новой монотеистической религии буквально висела в мекканском воздухе, особенно если принять во внимание, что племенной бог курейшитов Аллах считался воплощенным в черном камне, который был вделан в стену храма Каабы и по своей ритуальной значимости уже тогда почитался едва ли не первым среди всех арабских святилищ. Отсюда, в сущности, был лишь шаг до того, чтобы прийти к единобожию по примеру иудеев и христиан, а затем и отождествить единого великого бога с властелином Каабы.

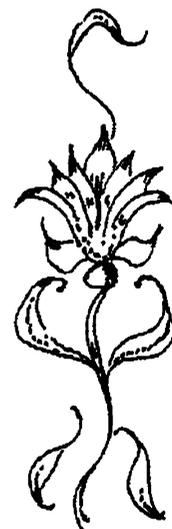
Именно это и было сделано одним из жителей Мекки. Правда, успех к нему пришел не сразу. Мухаммед (570 — 632) был бедняком из рода Хашим племени курейшитов, в котором главенствующую роль играли представители богатого рода Омейя. В юности Мухаммед пас стада своего дяди Абуталиба. Затем поступил на службу к богатой вдове Хадидже и стал вести ее торговые дела. Вскоре он женился на Хадидже, причем, несмотря на разницу в возрасте (вдова была на пятнадцать-шестнадцать лет старше), брак был вполне удачным. В нем была рождена Фатима — единственная из выживших и оставивших потомство детей Мухаммеда. Ухудшение торговой конъюнктуры вынудило Мухаммеда свернуть торговые дела и способствовало его уходу в религиозные поиски.

В начале VII века в Аравии было немало ханифов, то есть пророков-проповедников, пытавшихся найти истину и нового бога. Мухаммед стал одним из них. Он общался с другими ханифами, перенимал их идеи, знакомился с окружавшими их иудеями и христианами. На основе всей собранной таким образом суммы знаний, представлений, верований, обрядов и т. п. Мухаммед сумел синтезировать нечто новое и достаточно цельное, что и было затем положено им в основу ислама.

Проповедь новой религии, призывавшей отдать себя Аллаху, единому и всемиростивейшему, покориться его воле,

а также соблюдать завещанные им нормы жизни, к числу которых принадлежали, в частности, призывы выступать против ростовщичества, за соблюдение честности в торговле и вообще явственные акценты в сторону социальной справедливости, вызвали вначале враждебность курейшитской Мекки. В 622 году Мухаммед с группой близких последователей вынужден был уйти из Мекки и поселиться в Ятрибе, откуда родом была его мать. Жители Ятриба, издревле соперничавшие с мекканцами, не только охотно приняли гонимого пророка, но и решительно встали на сторону новой религии, изменив наименование своего города в честь Мухаммеда (Медина — «город пророка»). 622 год — год переселения (хиджры) — стал началом нового летосчисления для всех мусульман, а группа переселившихся в Медину сторонников Мухаммеда получила почетное наименование мухаджиров, то есть совершивших хиджру. Именно они заняли все ключевые позиции в ранней общине мусульман-единоверцев — умме.

Борьба мусульман-мединцев, к которым вскоре примкнуло немало соседних арабских племен, в том числе и кочевников-бедуинов, с Меккой закончилась довольно быстрым успехом. Курейшиты, учтя силу и влияние Мухаммеда и стремительно распространявшегося нового учения, сочли за благо склониться перед ними, выторговав себе за это привилегированное положение: Мекка с Каабой стали религиозным центром ислама, а родственные Мухаммеду курейшиты заняли все важнейшие посты в создававшейся на основе новой доктрины социально-политической структуре. В 630 году Мухаммед торжественно въехал в Мекку; вскоре после этого он умер и был похоронен в Медине.

Глава 3

Арабский халифат

Смерть пророка поставила перед руководителями арабов-мусульман нелегкую задачу: кто теперь будет их главой? Речь шла не только и не столько о религиозном вожде, сколь-

ко о правителе быстро растущего государства — в представлении сподвижников пророка власть религиозная и власть политическая были неотделимы друг от друга. Религия давала не просто санкцию, но право на власть, а власть не просто опиралась на религию (как то было, скажем, с зороастризмом в сасанидском Иране), но была формой воздействия ее на людей. Словом, после смерти Мухаммеда встал вопрос о его заместителе, о новом религиозно-политическом вожде правоверных. После недолгих совещаний наиболее влиятельная часть сподвижников пророка выдвинула в качестве такого заместителя — халифа — Абу Бекра, одного из самых уважаемых мухаджиров. За недолгие годы его правления (632 — 634) арабы-мусульмане объединили под единой властью почти все арабские племена и начали завоевания соседних территорий, прежде всего Двуречья (Ирака) и Сирии, потеснив соответственно сасанидский Иран и Византию.

Абу Бекра в качестве главы расширившегося Арабского халифата сменил Омар, тоже влиятельный мухаджир, ближайший сподвижник Мухаммеда. При нем (634 — 644) у Византии были отняты Сирия и Палестина, затем Египет и Ливия, а у Ирана — значительная часть его западных земель, вплоть до Закавказья. При третьем выборном халифе Османе (644 — 656) завоевания были продолжены — прежде всего в Северной Африке и Иране, где Сасаниды окончательно лишились власти.

Превращение халифата в гигантскую державу резко обострило в нем внутривластные противоречия, вылившиеся в острую борьбу за власть. При Османе на передний план вышли его сородичи из числа Омейядов, чем были очень недовольны другие группировки влиятельной исламской родовой знати. Сплотившиеся вокруг кузена и зятя пророка Али недовольные образовали политическую партию шиитов (шиа — «партия, группа»), выступивших за наследственное право на власть потомков пророка — алидов. В 656 году Осман был убит одним из шиитов, и четвертым халифом провозгласили Али.

Влиятельная часть Омейядов, бежавшая от расправы в Сирию, где наместником был Муавия, не только отказалась присягнуть Али, но и резко выступила против него, обвинив его в соучастии в убийстве. Небольшое войско Муавии явно

не было в состоянии противостоять халифу, но в решающий момент Муавия пошел на хитрость: его воины подняли на своих копьях листы священного Корана, требуя тем самым не военного, а религиозного решения спора. Али пошел на переговоры, назначив двух судей для урегулирования конфликта, и это стоило ему трона и жизни. Несогласные с его решением, 12 тысяч отборных воинов покинули его армию и ушли в Басру; они стали именовать себя хариджитами (вышедшими). Али вынужден был обратить свое основное внимание на борьбу с ними. Борьба на два фронта завершилась для него печально: в 661 году один из хариджитов убил Али в мечети в Куфе. Халифом же стал Муавия, основавший династию Омейядов.

Халифат Омейядов (661 — 750)

Омейяды энергично взялись за укрепление своей власти и создание сильной политической структуры, призванной эффективно управлять гигантским государством, состоявшим из весьма разнородных частей. Откупившись от претензий на власть старшего сына Али и Фатимы внука пророка Хасана* и расправившись затем с поднявшим было мятеж и погибшим близ Кербелы младшим его братом Хусейном**, омейядские халифы сумели затем покончить и с остальными недовольными. Опираясь прежде всего на военную силу, они вместе с тем сумели выдвинуть на передний план два важных фактора, которые позволили им добиться успеха.

Первым фактором была исламизация завоеванного населения. Распространение ислама среди покоренных народов шло на редкость успешно. Частично это можно объяснить тем, что христиане отвоеванных у Византии земель и зороастрийцы Ирана видели в новой религиозной доктрине нечто не слишком им чуждое: сложившаяся на доктринальной базе

* По преданию, Хасан получил от Муавии пергамент, на котором ему было предложено самому поставить любую цифру откупа.

** После этого Хусейн стал святым мучеником всех шиитов, ежегодно отмечающих день его гибели торжественными процессиями с самоубийством и даже самоубийством религиозных фанатиков.

иудаизма и христианства, частично также и зороастризма, очень многое взявшая из Библии мусульманская религия была достаточно близка и понятна тем, кто уже привык верить в единого великого Бога, символизирующего собой все светлое, доброе, мудрое, справедливое. Кроме того, этому способствовала экономическая политика первых халифов: принявшие ислам платили в казну халифата только десятину-ушр, тогда как немусульмане были обязаны выплачивать более тяжелый поземельный налог харадж (от одной до двух третей урожая) и подушную подать — джизию. То и другое генетически восходило к реформам сасанидского правителя Хосрова I (хараг и гезит) и явно было заимствовано арабами от иранцев. Результаты не замедлили сказаться: завоеванные территории, от Испании до Средней Азии, энергично исламизировались, причем исламизация шла фактически добровольно, во всяком случае без активного принуждения, без преследования немусульман.

Вторым важным фактором усиления власти халифов была арабизация. По мере завоевания новых территорий вчерашние бедуины расселялись иногда чуть ли не целыми племенами на новых местах, где они, естественно, занимали ключевые позиции и брали себе в жены представительниц местного населения, к тому же и в немалых количествах, что было санкционировано освящающим многоженство Кораном. Исламизированные жены из числа местного населения арабизировались, как, естественно, и их многочисленные дети. Быстрой арабизации способствовало и то, что семитскому, в основном арамейскому, населению Сирии и Ирака были близки арабский язык и культура.

Христианизированное население Египта, Ливии и всего Магриба арабизировалось медленнее, но и здесь этот процесс шел успешно. Это было, в частности, связано и с тем, что арабский язык и письменность превратились в престижное средство общения*. Менее успешно шла арабизация в землях

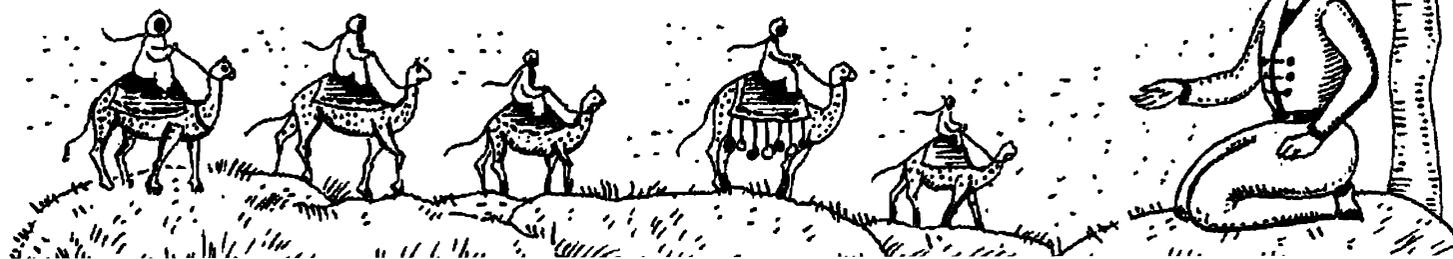
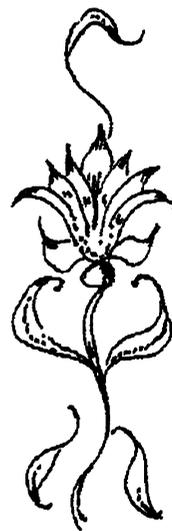
* Любое обучение сводилось к изучению Корана, который переводить запрещалось; следовательно, приходилось учить арабский язык, что в конечном счете превращало учеников в носителей арабского языка и арабской культуры.

Ливана и Палестины, где позиции христиан были особенно сильны. Впрочем, частично это касается и Египта, хотя христиане-копты, живущие там и поныне, по языку все же стали арабами. Только собственно Иран, страна древнейшей культуры и весьма независимой политической традиции, успешно противостоял арабизации, не говоря уже о весьма отдаленных от Аравии Закавказье и Средней Азии, где арабов было очень мало, а местные языковые корни имели мало общего с семитскими. Но и здесь, особенно среди социальных верхов, арабский язык, равно как и арабо-исламская культура, заняли важное место. Знание арабского было не только неизменным залогом процветания, но и важнейшим элементом более или менее благополучного существования.

Собственно, все это неудивительно. Если в период первых четырех халифов управление находилось в руках местных властей и велось в основном на греческом и персидском языках (ведь это были земли, отвоеванные у Византии и Ирана), то с Омейядов, правда не сразу, ситуация начала меняться. Арабский язык повсюду вводился в делопроизводство. Он был единственным в сфере науки, образования, литературы, религии, философии. Быть грамотным и образованным значило говорить, читать и писать по-арабски. Это касалось практически всех жителей халифата, всех мусульман. Исключение делалось только для небольших все еще сохранявшихся анклавов христиан и рассеянных по халифату иудеев — те и другие считались почти родственниками мусульман, уважительно, вначале во всяком случае, именовались «людьми писания» и пользовались определенными правами и признанием.

Важнейшей особенностью халифата и вообще всех исламских стран вплоть до наших дней является неотъемлемая слитность религии и политики. Ислам никогда не был хоть сколько-нибудь отделен от государства и тем более не противостоял ему. Напротив, ислам всегда был идейно-институциональной основой, сутью исламского государства. Это в немалой степени способствовало усилению власти омейядских халифов, как религиозной, так и светской.

Верховным собственником всех земель халифата было государство; формально собственником считался Аллах, но от его имени всем распоряжался халиф. Вновь завоеванные тер-

ритории были разделены на наместничества, одним из которых стала и Аравия. Пять наместничеств с центрами в Ираке, Аравии, Египте, Закавказье и Западной Африке управлялись всевластными эмирами, которые, хотя и подчинялись центру, были фактическими хозяевами в своих эмиратах, ведали их финансами и армией.

Все земли обрабатывались крестьянами, которые за небольшими исключениями выплачивали государству строго установленную норму ренты-налога. В казну халифа, а затем и эмиров стекались также доходы от пошлин, которые взимались с городского населения; туда же поступала пятая часть от всей военной добычи, за счет чего нередко выплачивались пенсии обедневшим потомкам пророка (сейидам) и его сподвижников.

Важно иметь в виду, что существовавшие в халифате принципы и нормы землепользования и налогообложения не были незыблемыми. Так, например, хозяева условных владений, обычно передававшихся по наследству от отца к сыну (при условии, что сын наследует должность отца и служит, например, в качестве офицера), стремились превратить их в неотчуждаемую собственность. С другой стороны, государство твердо стояло за то, чтобы сохранить за собой право распоряжаться этими условными владениями. Нестабильным было и положение мусульман-неарабов. Вначале всех их освобождали от хараджа и джизии, но со временем то одну, то другую из этих форм выплат заставляли платить вновь. Эти чувствительные для населения халифата колебания нередко служили поводом для народных восстаний.

Именно такого рода недовольством воспользовались враги Омейядов, сгруппировавшиеся в середине VIII века вокруг влиятельного рода Аббасидов, потомков дяди пророка Аббаса. Опираясь на недовольство иранцев, Аббасиды спровоцировали в 747 году в Хорасане восстание, во главе которого встал бывший раб Абу Муслим. Восставшие, среди которых было немало шиитов*, вели успешные сражения с войсками

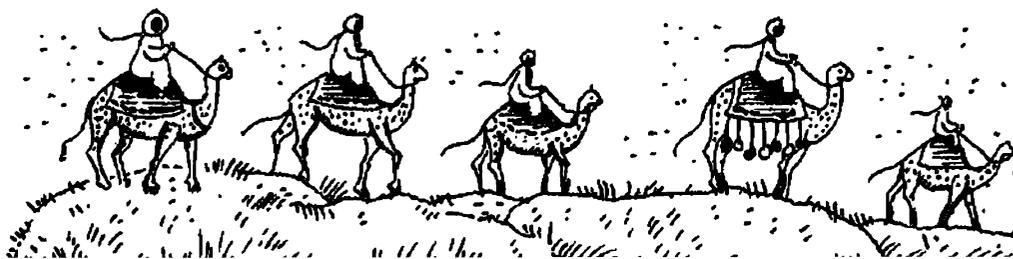
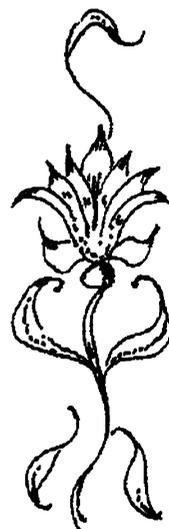
* Иран уже в эпоху Омейядов стал центром шиитской оппозиции, в немалой степени использовавшей в своих интересах этнокультурные традиции и претензии персов, недовольных засильем арабов.

Омейядов, но плодами их успехов воспользовались Аббасиды, представитель которых в конце 749 года был провозглашен халифом.

Халифат Аббасидов (750 — 1258)

Аббасиды стали господствовать почти над всей территорией халифата. Лишь в Испании бежавший туда один из Омейядов создал независимый Кордовский эмират, впоследствии тоже ставший халифатом. Но власть Аббасидов не была прочной. Уже с первых десятилетий существования их халифата стало ясно, что зенит политического могущества арабов позади. Новых походов Аббасиды практически не предпринимали; их сил едва хватало на то, чтобы сохранить завоеванное. Но и с этой задачей они справлялись плохо: начиная с IX века от халифата одна за другой стали отпадать его части, правители-эмиры которых становились независимыми государями, в лучшем случае (да и то если они не были шиитами) признававшими сакральный авторитет и сюзеренитет халифа.

Как это ни парадоксально, но политическое ослабление могущества арабов по времени совпало с наивысшим взлетом арабо-мусульманской культуры, как духовной (расцвет догматики ислама, исламского права, литературы, философии, науки), так и материальной (развитие ремесел и торговли в процветающих богатых городах, успехи в мореплавании и др.). Выступив преемником древних эллинистических, римско-христианских и персидских традиций, впитав в себя наследие высокоразвитой городской культуры недавнего прошлого, исламский халифат способствовал ирригационному строительству и освоению новых земель, развитию агротехники и выращиванию новых сельскохозяйственных культур, расцвету городов и торговли. Конечно, ислам при этом оставался исламом, то есть религией довольно жесткой, а в некоторых аспектах и фанатично-нетерпимой. Но нельзя забывать, что распространение исламского по сути своей образования на широкой территории от Испании до Китая способствовало увеличению количества грамотных и образованных людей, росту культурного стандарта. Разумеется, речь идет о восточном стандарте — уважения к человеку, к правам и досто-

инству личности ислам с собой не нес. Вместе с тем не следует забывать, что в сфере высокой теории, преимущественно в форме богословских споров, в халифате шли оживленные диспуты по многим серьезным проблемам — о божественном предопределении и свободе воли, например. Видные мусульманские интеллектуалы-улемы энергично занимались географией, медициной, историей, не говоря уже о привычной для традиционного Востока поэзии и т. п.

В управлении государством Аббасиды, в жилах которых текло немало иранской крови, возродили административную систему персов, выдвинув на авансцену политической жизни, в частности, должность великого везира (визиря), наделенного огромными полномочиями. Везиру подчинялись центральные ведомства-диваны и весь разветвленный административно-бюрократический аппарат. Только просвещение и суд были целиком выведены из сферы его компетенции — здесь заправляли духовные лица во главе с судьями-кади.

Особое место в халифате Аббасидов заняла армия. Она сильно видоизменилась. На смену воинам-арабам из числа кочевников-бедуинов пришла намного лучше организованная наемная армия, в которой важную роль стали играть профессиональные воины из числа хорасанцев, берберов, а затем тюрок. Главное место в военной иерархии заняла гвардия халифа, составленная из рабов-гулямов (мамлюков). Привезенные издалека в детском возрасте, купленные либо полученные от покоренного населения далеких окраин в форме налога «кровью», оторванные от корней и лишённые связей в Багдаде, юноши из тюрок, кавказцев и славян воспитывались в духе абсолютной преданности халифу, от милостей которого зависели их благосостояние и даже немалые привилегии. Вначале глубоко преданная халифу, эта гвардия вскоре, однако, почувствовала свою силу и стала не только навязывать правителям свою волю, но и подчас свергать тех, кто был ей неугоден, а то и возводить на трон собственных предводителей.

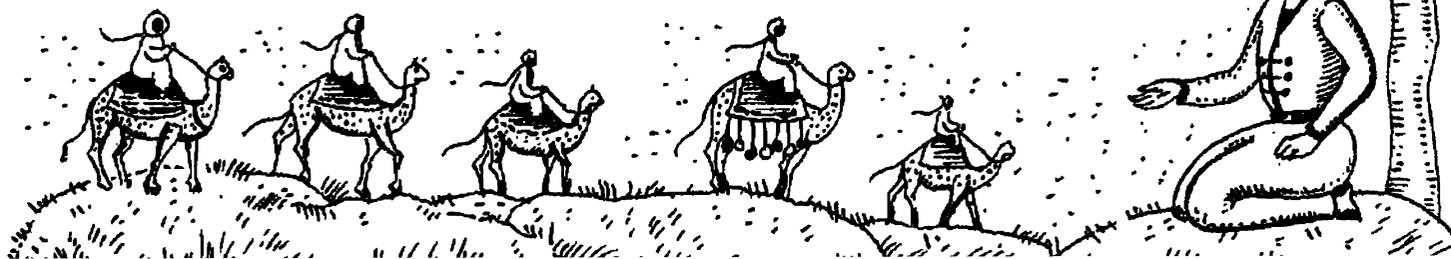
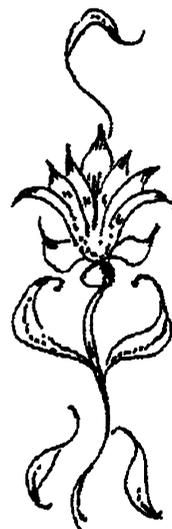
Аграрные отношения при Аббасидах остались в основном прежними, а налоги даже несколько уменьшились, что с лихвой компенсировалось доходами от процветавшего ремесла и развитой торговли. Тем не менее народные выступления на протяжении едва ли не всей истории халифата Аббасидов не

прекращались. Борьба с этими движениями стоила халифам немалых усилий и средств. Для поддержания порядка им все чаще приходилось обращаться к помощи влиятельной знати, особенно наместников-эмиров. Формой расплаты стало постепенное укрепление экономической и политической самостоятельности эмиров, превращавшихся в наследственных правителей той или иной части халифата — со всеми вытекавшими из этого последствиями для центральной власти.

Начиная с IX века сепаратизм эмиров, не говоря уже о феодальных владетелях рангом поменьше и тем более вождях племен или сект, захватывавших силой определенную территорию, ощущался все заметнее. Еще в конце VIII века в Марокко возникло фактически независимое государство Идрисидов (788 — 905), которым управляли шииты из числа алидов. Затем полунезависимым стал Хорасан, где был создан эмират Тадиридов (821 — 873), едва ли не все земли Средней Азии оказались под властью эмирата Саманидов (875 — 999), а Тунис и Алжир превратились в полунезависимый эмират Аглабидов (808 — 909). Наконец, в 868 году захватил власть в Египте наместник халифа из числа тюрок-гулямов, основавший династию Тулунидов (868 — 905). На развалинах халифата обретали былую независимость и многие местные династии. Например, в 875 году возродилось царство Багратидов в Армении.

Политический распад халифата в конце IX века был усугублен восстаниями зинджей. Зинджи, чернокожие рабы из Занзибара, использовались на тяжелых работах в Южном Междуречье близ Басры, где десятки тысяч их, организованные в отряды, занимались строительством каналов и расчисткой солончаков. Бывшие собственностью халифата зинджи в 869 году восстали и на протяжении четырнадцати лет удерживали под своей властью район Басры и часть Хузистана, действуя при этом с большой жестокостью: перестав быть рабами, зинджи в основанном ими собственном халифате стали превращать в рабов едва ли не всех остальных, начиная с пленных арабов.

В восстании зинджей участвовала и группа шиитов из крайней шиитской секты исмаилитов, получившая наименование карматов. В конце IX века карматы подняли еще одно восстание, распространившееся на Сирию, Ирак и Бахрейн.

В Сирии и Ираке оно вскоре было подавлено, но в Бахрейне карматы закрепились надолго, создав здесь собственное весьма своеобразное государство. Оно просуществовало около полутора столетий. По некоторым описаниям, им правила выборная коллегия руководителей, население вовсе не платило никаких налогов, а казна пополнялась за счет военной добычи, то есть грабительских набегов на соседние земли. В счет такой добычи входили и пленники-рабы; кроме того, государство на награбленные средства покупало других рабов. Десятки тысяч рабов обрабатывали землю, за счет чего, в сущности, и жило государство карматов.

Обращает на себя внимание то, как зинджи и карматы относились к рабам и рабству. Ислам как религия рабство не поощрял; это, однако, не мешало существованию государственного рабства в халифате. Поэтому важно не то, что рабы и рабство, несмотря на религиозный принцип социально-юридического равенства, все же были. Гораздо важнее, что социально неполноправные категории населения, испытывавшие унижение в общегосударственном масштабе, иных форм эксплуатации чужого труда не желали знать: освободившиеся от рабства рабы предпочитали, став хозяевами жизни, жить за счет рабского труда других.

Можно добавить, что наряду с карматами активизировались и другие секты исмаилитов, в частности ассасины. Воины-смертники из числа специально воспитывавшихся сторонников этой секты (их именовали также федаями, федаинами) были нарочито ориентированы на смерть во имя веры. Хорошо тренированные и поддерживавшиеся в их воинственном азарте немалыми долями гашиша (откуда и название секты — гашашины, *фр.* ассасины) федаины умело проникали и ко двору неугодного эмира, и в стан крестоносцев, делая там свое дело. В конце XI века центром секты стал горный замок Аламут, после чего в горных районах прилегающего к замку Кухистана, а также в ряде других мест возникло фактически государство исмаилитов, которое просуществовало до монгольского нашествия.

Восстания и сепаратистские устремления эмиров привели к тому, что на рубеже IX и X веков реальная власть халифа сильно уменьшилась. В начале X века он контролировал лишь

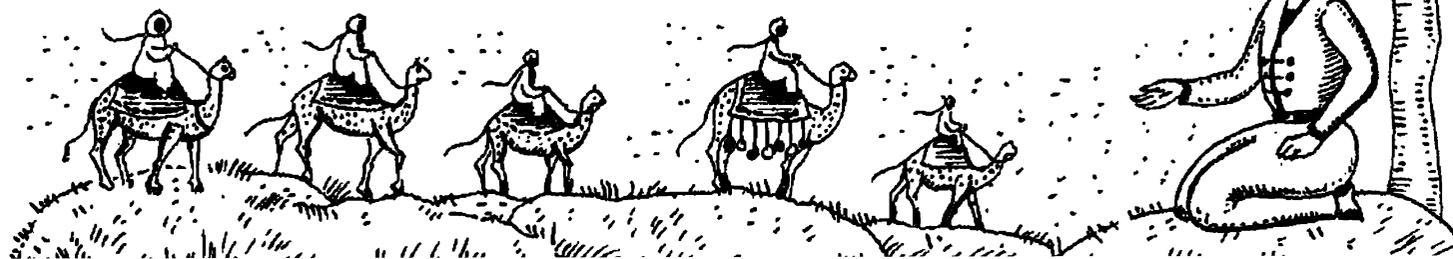
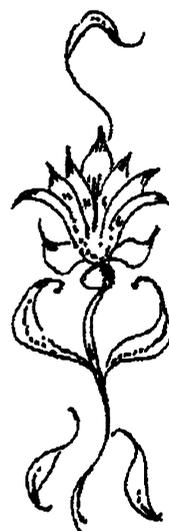
западную часть Ирана и небольшую прилегающую к ней территорию вместе со столицей Багдадом. Но и это продолжалось недолго. В 935 году в западноиранских землях возникло государство Буидов, которые в 945 году захватили Багдад и окончательно лишили халифа светской власти. Буиды присвоили себе титул «эмир эмиров» и стали управлять Ираком и Западным Ираном. Халиф же остался духовным главой правоверных, да и то лишь для ортодоксальных мусульман-суннитов. В этом состоянии он — а с ним и халифат как институт — просуществовал в Багдаде еще около трех веков. Впрочем, и это следует подчеркнуть, номинально халиф все-таки продолжал считаться верховным правителем, хотя функции его ограничивались вручением инвеституры очередному претенденту на власть в том или ином из эмиратов, позже также и султанатов.

Государства распавшегося халифата

После лишения халифа политической власти на месте бывшего единого государства один за другим стали возникать эмираты и султанаты, правители которых, чаще всего уже не претендовавшие на всеобъемлющую духовную власть в пределах своей страны (особенно это касалось султанов, признававших авторитет багдадского халифа в религиозной сфере), были, тем не менее практически неограниченными властелинами. При этом эти эмираты и султанаты были чаще всего непрочными и во многом случайными политическими образованиями, их взлет и падение нередко зависели от способностей и удачливости того или иного царедворца, полководца, а то и выходца из низов, раба-гуляма. Неудивительно, что в глазах подданных эмиры и султаны часто выглядели самозванцами, и, если возникал удобный случай, их приближенные не отказывались от соблазна прибрать власть к своим рукам.

Политическая карта ближневосточного региона в X—XIII веках, о которых теперь идет речь, была не только пестрой, но и менялась с калейдоскопической быстротой. Новые политические образования сменяли только что сформировавшиеся, а на них все чаще наслаивались волны чуждых Ближнему Востоку пришельцев. Однако ни частые политические перемены, ни появление новых этнических волн не меняли сути

ближневосточной исламской структуры в целом. В сфере аграрных отношений сохранялось традиционное и даже усилившееся при исламских правителях абсолютное господство государства. Формами взимания избыточного продукта по-прежнему были рента-налог (ушр, харадж и иные виды налогов), трудовые повинности, пошлины. В городах в сфере ремесел и торговли по-прежнему господствовал строгий централизованный контроль власти при полном отсутствии каких-либо официальных оговоренных и тем более законодательно закрепленных свобод или правовых гарантий, не говоря уже о льготах и привилегиях. Самоуправление в городах не выходило за рамки удобной для властей практики ведения внутренних дел в рамках каждой из многочисленных корпораций, главы которых беспрекословно подчинялись городской администрации в лице наместника-хакима, градоначальника-раиса, надзирателя-мухтасиба, начальника стражи или судьи-кади.

Лишившее власти халифа государство Буидов просуществовало сравнительно недолго. Уже в 60-х годах X века возник независимый от Саманидов султанат Газневидов, наиболее выдающийся правитель которого Махмуд Газневи, правивший в 998 — 1030 годах, отвоевал у Буидов значительную часть их восточных владений. Махмуд был ревностным мусульманином. В его войске немалую долю составляли воины-фанатики, бойцы за веру (гази, газии), с помощью которых он совершил несколько удачных походов в Северную Индию. Смерть Махмуда привела к упадку султаната, причем здесь сыграло свою роль выдвижение сельджуков.

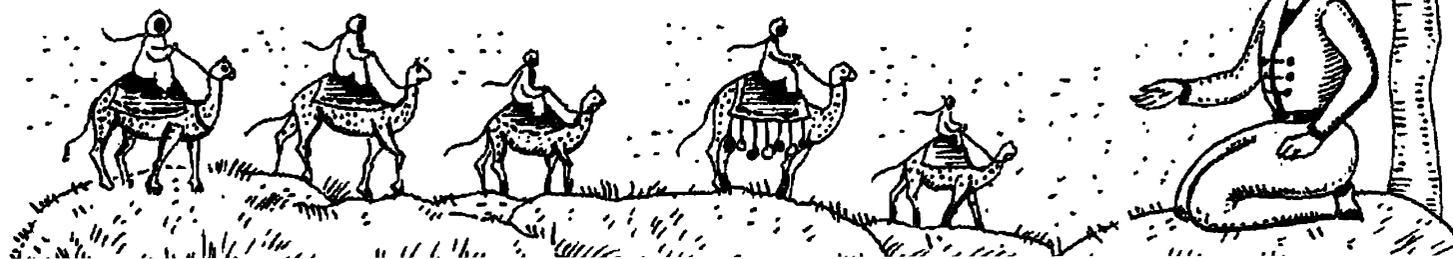
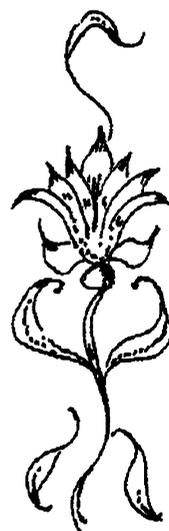
Небольшое племя тюрок-огузов (туркмен) во главе с предводителем из рода Сельджуков стало богатеть за счет подчинения своей власти земледельческого населения соседних территорий. В 1035 году династия Сельджуков вынудила потомков Махмуда Газневи отдать им часть Хорасана, в 1043 году сельджукские тюрки захватили Хорезм. Газневиды вскоре были вынуждены ограничиться лишь небольшой территорией Афганистана и Пенджаба, тогда как огузы распространяли свое влияние все дальше, пока в 1055 году их предводитель Тогрул-бек не захватил Багдад, заставив халифа дать ему титул «султана Востока и Запада».

Преемники Тогрул-бека продолжили его успешные завоевания, объединив под своей властью земли Ирана, Ирака, Закавказья, Сирии и Палестины, даже часть отвоеванной у Византии Малой Азии. Но внутренне расширившийся султанат был слаб, политически рыхл. Не имея веками отработанной административно-политической традиции и не придавая ей большого значения, вчерашние кочевники выше всего ценили родоплеменные связи, следствием чего стала практика наделения членов правящего дома полунезависимыми вассальными владениями, быстро превращавшимися в автономные султанаты.

Уже в XI веке возникли фактически самостоятельные Керманский и Румский султанаты, затем появились Хорасанский и Иракский. К концу XII века междоусобицы сделали свое дело: государство Сельджуков окончательно распалось на части, что сыграло существенную роль в усилении правителя Хорезма. В начале XIII века хорезмшахи объединили под своей властью значительную часть Средней Азии и Ирана, Афганистан и даже Азербайджан. Однако их политические успехи были остановлены монгольским нашествием.

В 20-х годах XIII века монголы разгромили войска хорезмшаха и вторглись в Иран. На территории Ирана и прилегающих к нему земель было основано монгольское государство ильханов во главе с Хулагу. Хулагуиды правили в Иране около столетия (1256 — 1353), причем именно в годы их правления халифы были вынуждены покинуть Багдад, а халифат практически был упразднен. В отличие от сельджуков монголы, тоже кочевники, придавали крепкой бюрократической администрации серьезное значение. Ильхан Газан-хан (1295 — 1304) официально принял ислам, сделал эту религию государственной и провел ряд важных реформ, которые немало способствовали восстановлению разрушенной монголами экономики Ирана.

Западная часть бывшего халифата, куда не дошли монголы, имела свою историю. Там на рубеже VIII и IX веков началось отпадение эмиратов. Можно напомнить, что эта часть халифата, наиболее удаленная от столицы, вообще была склонна к оппозиции. Именно сюда, в Кордову, бежал последний из Омейядов. Здесь появились первые полунезависимые эми-

раты (Аглабидов в Алжире и Тунисе, Тулунидов в Египте), которые хотя и признавали духовный авторитет халифа, вели независимую политику. В конце IX — начале X века ситуация в этом плане стала меняться еще решительней.

Шииты исмаилитского толка (они почитали седьмым святым имамом, то есть прямым наследником Али и Фатимы, а в конечном счете и самого пророка, Исмаила, сына шестого имама Джафара, который несправедливо, по их мнению, лишил Исмаила права на имамат) считали, как и все шииты, что управлять мусульманами имеют право лишь святые имамы, ведущие происхождение от пророка. Только эти имамы, а после пресечения их прямой линии* их ближайшие родственники, то есть опять-таки потомки Мухаммеда, пусть по боковой линии, сейиды**, могли быть, по их мнению, халифами. Исмаилитские имамы на протяжении IX века вели весьма активную миссионерскую деятельность, имевшую наибольший успех среди племен, населявших Магриб, в частности среди берберов. Сначала это была преимущественно религиозная проповедь, но на рубеже IX и X веков она вылилась в вооруженное восстание. Имам исмаилитов некий Убейдаллах, объявивший себя потомком Фатимы и выдававший себя к тому же за Махди, возглавил это восстание и провозгласил себя халифом. Так был создан заменивший собой государство Аглабидов исмаилитский халифат Фатимидов, просуществовавший свыше двух с половиной веков (909 — 1171).

Владевший вначале лишь частью Магриба, Алжиром и Тунисом халифат Фатимидов вскоре вступил в ожесточенную борьбу с Аббасидами за Египет и Сирию. Египет с 905 года, после падения эмирата Тулунидов, вновь стал владением багдадского халифа. Это была богатейшая провинция Аббасидов, большинство населения которой в то время составляли христиане-копты, потомки древних египтян, выплачивавшие в казну халифа харадж и джизию. После образования государ-

* Двенадцатый имам в середине IX века в возрасте подростка таинственно исчез. Он считается шиитами последним «скрытым» имамом, который рано или поздно вновь откроется людям, появится в виде мессии — Махди, ожидаемого правоверными шиитами и по сей день.

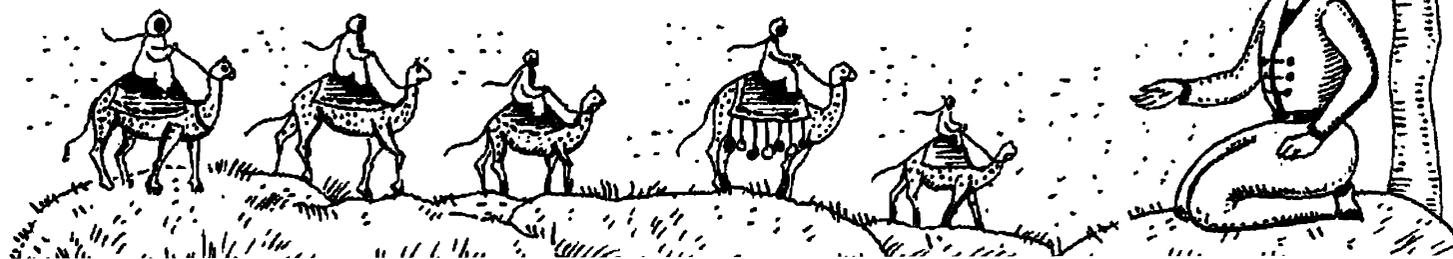
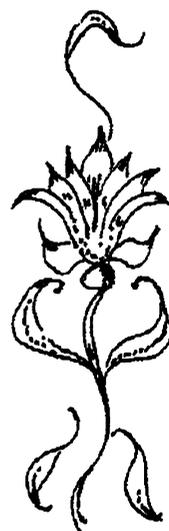
** Почетный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда через его дочь Фатиму и внука Хусейна.

ства Буидов и лишения багдадского халифа политической власти обстановка в Египте оказалась благоприятной для Фатимидов, которые, совершив ряд успешных походов, в 969 году присоединили Египет к своему государству и перенесли туда, в заново отстроенный город Аль-Кахир («победный город»), то есть Каир, свою столицу. Затем, в 970 году, они присоединили к своему халифату Сирию.

Борьба за Сирию обострила отношения фатимидских исмаилитов с другой ветвью исмаилитов — карматами, часть которых жила в Сирии, тогда как другая, как уже говорилось, основала государство в Бахрейне. Бахрейнские карматы ждали возвращения на землю в качестве мессии-Махди сына имама Исмаила и потому не признали власти Фатимидов. Однако они и не выступали против фатимидских халифов. Иное дело — сирийские карматы. Будучи вынужденными реагировать на вторжение Фатимидов в Сирию, они вступили в союз с Буидами и ненадолго отвоевали у них Дамаск. Но уже в 977 году сирийские карматы вынуждены были покинуть Сирию, которая досталась Фатимидам. Таким образом, в начале XI века Фатимидский халифат стал, пожалуй, сильнейшим арабо-исламским государственным образованием. Влияние Фатимидов достигало Мекки и Медины, чем в Каире весьма дорожили.

Сирия была богатейшей провинцией арабских халифов. Как и в Египте, здесь была весьма заметная прослойка христиан, хотя уже преобладали арабский язык и арабо-мусульманская культура. Но едва ли не высшей ценностью Сирии — во всяком случае, в глазах европейских христиан — была включенная в нее Палестина с «божьим городом» Иерусалимом. Как известно, именно это явилось поводом для Крестовых походов (XI — XIII века), имеющих прямое отношение к нашей теме.

Халифат Фатимидов, как и многие другие политические образования арабского мира, возникшие на развалинах аббасидского государства, был внутренне слаб. Уже в середине XI века потомки первых халифов оказались игрушкой в руках гвардейских военачальников из числа гулямов тюркского либо суданского происхождения. Это привело в XII веке к заметному ослаблению политического могущества Фатимидов.

Крестоносцы отобрали у них Сирию и Палестину, причем новый иерусалимский король Амальрих в 1167 году побывал даже у стен Каира. На западе значительная часть Магриба оказалась под властью Альморавидов, захвативших во второй половине XI века не только все североафриканские арабские владения, но частично также и земли Ганы, а затем и мавританскую Испанию, где под ударами христиан в это время пал Кордовский халифат. В середине XII века на смену Альморавидам в Магрибе пришли к власти Альмохады, к которым перешло наследие Альморавидов, включая и мусульманские территории Испании.

В 1171 году военачальник Саладин (Салах-ад-дин) совершил в Каире переворот, провозгласил себя султаном и основал династию Айюбидов (1171 — 1250). Объединив под своей властью также и Сирию и заключив мир с ассасинами, которые дважды до этого покушались на его жизнь, Саладин всю свою незаурядную энергию направил на борьбу с крестоносцами. В 1187 году он занял Иерусалим. На крестоносцев Саладин произвел неизгладимое впечатление, и неслучайно в западноевропейской традиции он предстает в качестве благородного рыцаря.

После смерти Саладина его наследники начали борьбу за власть в султанате, владения которого к этому времени охватывали не только Египет и Сирию, но также Хиджаз с Меккой и Мединой и часть Месопотамии. Междоусобные распри вновь усилили роль мамлюкской гвардии, которая в 1250 году свергла последнего из Айюбидов. После этого Египет на протяжении двух с половиной веков был под властью мамлюкских правителей, которые не только сумели сохранить свою власть, но и успешно противостояли монгольским войскам.

После упразднения Багдадского халифата при Хулагуидах в Каир явился один из близких родственников последнего халифа. Мамлюкские султаны приютили и признали его, результатом чего стало превращение Каира в местопребывание последней ветви халифов, не без выгоды для мамлюков сохранявших свой сакральный авторитет у мусульман-суннитов вплоть до начала XVI века.

Глава 4

Османская империя (Турция)

Первые волны тюркоязычных племен в Малой Азии датируются эпохой Великого переселения народов (середина I тысячелетия н. э.), но в период эффективной власти византийских императоров эти племена достаточно быстро ассимилировались местным населением. Иное положение сложилось здесь в начале II тысячелетия н. э., когда едва выстоявшая под ударами арабов и к тому же ослабленная внутренними распрями Византия уже не могла оказывать активного сопротивления вторжениям извне. В конце XI века правители сельджукского Румского султаната, потерпев поражение от крестоносцев, перенесли свою столицу вглубь Анатолии, к границам Византии.

Тюрки-огузы, составлявшие господствующее ядро султаната, и постепенно тюркизовавшееся под их воздействием местное население — греки, армяне, частично грузины, персы — стали основой, на которой формировалось будущее население Турции. Впрочем, о формировании турок как этноса надлежит вести речь с определенными оговорками. Население Малой Азии издревле было христианским. Наложение на него мощного пласта тюрков-мусульман и даже тюркизация части прежнего населения не привели к исчезновению христиан. Напротив, большие группы христианского населения длительное время сосуществовали с тюрко-исламским этносом, захватившим господствующие позиции. Поэтому турками в широком смысле слова можно с оговорками именовать все население Турции, но собственно турками были лишь представители тюрко-исламской группы, длительное время численно остававшиеся в меньшинстве.

Структуру Румского султаната во многом определили традиционные нормы ислама и родоплеменные связи сельджукских тюрков: слабая власть центра опиралась на аппарат чиновников, преимущественно из персов, частично греков, а периферийные районы находились под контролем влиятельных вассалов-беев. Центробежные тенденции вели к усилению власти беев, чему способствовали также с трудом по-

давленное в XIII веке восстание сектантов-шиитов, а затем вторжение монголов, приведшее в конечном счете к гибели султаната. Из десяти бейликов, на которые он распался, резко усилился и возвысился западный, принадлежавший бею Осману, который с 1299 года стал полновластным правителем окрепшего Османского эмирата.

Отдаленность от монгольского государства ильханов и близость ко все более слабеющей Византии во многом определили политику Османа: откупаясь от монголов небольшой данью, он стал одну за другой присоединять к эмирату малоазиатские провинции Византии. Преемники Османа продолжили его завоевания: сначала была подчинена значительная часть Малой Азии, а затем полем боя стали Балканы. На протяжении второй половины XIV века, особенно после знаменитого сражения на Косовом поле в 1389 году и разгрома объединенного войска крестоносцев в 1396 году, турки-османы присоединили к своему государству большую часть Балкан. Дни Византии были сочтены: в 1453 году Константинополь был взят штурмом, после чего все византийские территории в Малой Азии и на Балканах оказались под властью Турции.

В 1475 году вассалом турецкого султана стало Крымское ханство, и примерно в это же время началось завоевание восточноанатолийских земель, в ходе которого в руки турок попали важнейшие международные торговые пути. Наконец, в 1514 году туркам удалось одолеть сопротивление мощного восточного соседа, сефевидского Ирана, результатом чего были присоединение к Турции юго-восточной части Анатолии и Курдистана и, главное, она получила выход к Арабскому Востоку. В 1516 году было разгромлено войско мамлюков, и под властью турецкого султана оказались Сирия и Хиджаз. В 1517 году турецкой провинцией стал Египет, причем духовная власть последнего из проживавших в Каире потомков арабских халифов была окончательно упразднена, вследствие чего сложилось представление (подкрепленное возникшими позже легендами), что султан стал официальным преемником халифа в качестве религиозного вождя правоверных. Не вдаваясь в спор по существу самого факта, необходимо заметить, что после всех завоеваний и окончательного упразднения халифата турецкий султан действительно оказался в глазах

правоверных правителем, имеющим наивысший политический и религиозный авторитет.

И это нельзя считать случайностью. За два с небольшим века малозаметный Османский эмират на глазах всего мира, и прежде всего мира ислама, следившего за ним с наиболее пристальным вниманием, превратился в могущественную империю, одну из крупнейших для своего времени. В пределы этой империи, просуществовавшей достаточно долго, были включены почти все земли прежнего халифата (Аравия, Ирак, Магриб, даже часть Закавказья), не говоря уже о заметных новых приобретениях (Балканы, Крым). Могущественная османская Турция стала угрозой для Европы, в том числе и России. Ее флот господствовал в Средиземном море, ее войска не раз штурмовали Вену и совершали набеги на другие европейские города.

Внутренняя структура империи

Первоначальной единицей административно-территориального членения эмирата, а затем и султаната был санджак (букв. «знамя») во главе с санджак-беем — главой воинов знамени, то есть родоплеменного подразделения. Впоследствии родовые связи постепенно ослабевали, а на первый план выходили связи воинские и военно-административные, военно-территориальные.

Оседая, вчерашние воины-кочевники превращались в несущих регулярную воинскую службу кавалеристов-сипахи, каждый из которых получал за свою службу тимар — условное наследственное владение с правом взимания с земледельческого населения тимара строго определенной суммы. Тимар обычно измерялся не количеством земли и не численностью обрабатывавших ее земледельцев, а годовым доходом, который он приносил; на эти средства тимариот должен был кормиться и экипироваться. Право наследования было связано с обязательством наследника служить в армии. Передавать тимар в чужие руки на иных условиях воспрещалось.

Со временем, по мере расширения количества захваченных османами земель и увеличения числа обрабатывавших эти земли крестьян, как правило, не турок, стали появляться

тимары более крупных размеров, с дохода от которых их владелец был обязан выставлять несколько ведомых им и экипированных за его счет воинов-сипахи. Появились и еще более крупные пожалования того же типа — зеаметы. Их владельцами — зеамами — были командиры отрядов воинов-сипахи. Ни зеамы, ни тимариоты сами хозяйства обычно не вели, но если воин, вчерашний кочевник, все-таки хотел завести земледельческое хозяйство, он имел право получить в рамках своего тимара или зеамета надел-чифтлик, равный обычному крестьянскому чифтлику, не более того.

Тимариоты и зеамы составляли основу военной силы Турции. В армию входили также воинские ополчения, состоящие из рядовых-аскери, в мирное время освобожденных от налогов, с командирами из тимариотов. Немаловажной и со временем все возрастающей по значению частью армии были янычары, воины-гвардейцы, рекрутировавшиеся из крестьян или, наподобие арабских гулямов-мамлюков, из числа иноплеменных мальчиков-рабов (девширме); янычары воспитывались в специальных школах-казармах, которые находились под опекой дервишей из влиятельного суфийского ордена Бекташи.

Военно-ленная система условно-наследственного землевладения оказалась весьма удачной основой для процветания османской Турции. Земель и обрабатывавших ее крестьян было достаточно, доходы казны все время возрастали за счет завоеваний, не говоря уже о развивавшейся торговле и росте городов.

По мере роста империи ее внутренняя структура усложнялась, особенно вследствие присоединения к османской Турции областей с иными структурными основами. Менялась и внутренняя система управления. Появилась немалая прослойка гражданских чиновников, которые были приравнены к воинам-аскери (люди меча и люди пера — два разряда аскери) и получили право на служебные наделы типа все тех же тимаров. Кроме того, в стране появился влиятельный слой высших должностных лиц из числа сановников и султанской родни. Эти люди наделялись крупными земельными владениями — хассами и арпалыками, которые наделялись налоговым иммунитетом. Но зато хассы и арпалыки не были наследственными.

Очевидно, что ни одна из описанных форм земельных взаимоотношений не предоставляла условий для роста и тем более укрепления феодального сепаратизма. Наследственное владение мелкими пожалованиями и ненаследственное владение крупными территориями не способствовали возникновению влиятельной прослойки владетельной наследственной аристократии, альтернативой которой в османском обществе были сильная центральная власть и мощный государственный аппарат, ключевые должности в котором замещались на основе не сословных, но личностных связей.

Как ни странно, едва ли не самым слабым звеном такой системы была вершина ее, власть самого султана. Восходящая к родоплеменным традициям кочевников система наследования еще не выработала стройные принципы конического клана*, майората, первородства, хотя эти принципы в эпоху халифата уже длительное время отрабатывались, особенно в различных эмиратах и султанатах. Отсутствие неоспоримого права старшего сына на трон вело к конфликтам, подчас выливающимся в ожесточенную борьбу за власть. В условиях, когда практически каждый представитель поколения в численно большом семейно-клановом коллективе (гаремы турецких султанов всегда отличались своими размерами, что вело, естественно, к обилию наследников у каждого из них) потенциально имел право на трон, такого рода борьба была практически неизбежной с каждым новым случаем передачи власти от одного правителя к другому. Неудивительно, что для противодействия этой столь ослаблявшей структуру междоусобной борьбе были выработаны противоядия, причем весьма радикальные: при дворе чуть ли не официально закрепились жестокая практика убийства воцарившимся султаном всех своих братьев и ближайшей родни.

Турецкий султан был ярким олицетворением всемогущей власти над подданными. Перед ним все остальные, включая его близких помощников и приближенных, были не более как покорными рабами, — их жизнь всецело зависела от отношения к ним, а то и просто от случайной прихоти властелина.

* Родственная группа, в которой статус индивида определяется степенью его генеалогической близости к родоначальнику или правителю.

Сесть на кол в любой момент мог каждый — и многие кончали свою жизнь именно таким образом.

Правительство страны

Высочайший совет (диван-и-хумайюн) назначался султаном и был ответствен перед ним. Он состоял из нескольких министров-везиров и возглавлялся великим везиром. Деятельность совета регламентировалась принятым при Мехмеде II (1444 — 1481) сводом законов Канун-наме, а также исламским правом — шариатом. Организационно центральный аппарат власти состоял из трех основных систем — военно-административной, финансовой и судебно-религиозной. Каждая из них была представлена как в центре, так и на местах.

Возглавлявшаяся самим великим везиром военно-административная система являла собой костяк всей структуры империи. Страна к XVI веку была разделена на шестнадцать крупных областей-эялетов, во главе с губернаторами-бейлербеями, подчиненными великому везиру и отвечавшими за положение дел в своих областях — прежде всего за боеспособность армейских частей, которые они всегда должны были быть готовы выставить. Бейлербеям, в свою очередь, подчинялись уездные управители санджакбеи (уездов-санджакков в стране было около 250). И наконец, на низшем уровне власти вся военно-административная система опиралась на тимариотов, подчиненных санджакбеям и отвечавших перед ними как за боеспособность и экипировку выставляемых от своего тимара воинов, так и за сохранение порядка среди местного населения.

В функции финансового ведомства, руководимого везиром-дефтердаром и представленного на областном и уездном уровнях специальными чиновниками с подчиненными им писцами, входило вести строгий учет ресурсов и доходов казны, определять размеры налогов и податей, различного рода повинностей. Видимо, чиновники этого ведомства должны были строго контролировать сумму налогов с каждого тимара, включая ту ее долю, которая доставалась тимариоту и превышать которую он не имел права. Система налогов в империи была достаточно сложной, особенно если учесть, что нахо-

дившиеся на полуавтономном положении некоторые отделенные провинции имели свои традиционные типы налогов, но жестко обязательной. Она подразделялась на две основные части — законные налоги (то есть соответствовавшие шариату — десятина-ушр с мусульман, харадж и подушная подать джизия с немусульман, закят с имущих и соответствующие более тяжелые пошлины с немусульман, особенно с богатых горожан, и т. п.) и дополнительные поборы, к числу которых относились различные местные и чрезвычайные налоги, пошлины, подати. От налогов, кроме людей служивых, было освобождено мусульманское духовенство, как служилое (судьи-кади и др.), так и неслужилое (улемы).

На долю судебной-религиозной системы приходилась функция контроля за образом жизни и поведением населения. Возглавляемая на уровне центрального правительства шейх-уль-исламом и представленная на уровне губернаторств несколькими (вначале лишь двумя) кади-аскерами, эта система на уездном уровне замыкалась мусульманскими судьями-кади и их помощниками. Кади были прежде всего судьями, решавшими от имени ислама и по поручению властей все судебные дела, касавшиеся мусульман. Но это была только часть их функций, хотя и важнейшая. Они также выступали в качестве нотариусов, фиксировавших документы и сделки, посредников, разрешавших торговые, финансовые и прочие споры, и контролеров, следивших за регламентацией доходов и порядком сбора налогов, за установлением цен, за порядком и характером общественных работ и т. п. В отношении иных, немусульманских слоев населения, аналогичные функции были возложены на руководителей соответствующих религиозных общин — греческо-православной, армяно-григорианской, иудейской, получивших для этого широкие полномочия. В тех случаях, когда в споры были замешаны представители различных религий, включая мусульман, дело подлежало суду кади, бывших, как правило, весьма пристрастными судьями, то есть защищавших прежде всего интересы единоверцев.

В городах господствовала система цехов, монополизировавших производство отдельных видов товаров, что было практически общим для всего средневекового, да и в значи-

тельной степени для древнего восточного общества. Стоит оговориться, что примерно таким же образом была организована система цехов и в городах средневековой Европы. Но была и существенная разница, коренным образом менявшая дело: европейские города были свободны от мелочной опеки со стороны властей и имели немалое самоуправление.

Централизованный контроль над городами находил выражение в государственных монополиях на производство и продажу некоторых видов товаров, в том числе соль, мыло, воск. Главное же было в неполноправии большинства городского населения — греков, армян, иудеев, славян, кавказцев, в чьих руках была сосредоточена едва ли не вся турецкая торговля и значительная часть ремесел. Определенную роль в городской жизни играли и арабы-мусульмане, но сами турки были в явном меньшинстве, что и неудивительно: турок был прежде всего воином, частично земледельцем и менее всего городским ремесленником и тем более торговцем.

В целом, однако, турецкий город не был какой-то принципиально иной, особой частью структуры империи. Как раз напротив, при всей своей специфике многие города существовали на тех же правах, что и сельские районы: более крупные из них могли стать и становились время от времени хассами султана либо его приближенных, мелкие — тимарами, зеаметами или вакуфами*.

Кризис военно-ленной системы империи

Тимарная система была оптимальной для Турции в первые века ее существования, когда земли было много, а незначительность налогов с крестьян с лихвой компенсировалась регулярной и обильной военной добычей. Золотым веком централизованной империи считается в этом смысле правление Сулеймана I Кануни (Законодателя), или Сулеймана Великолепного (1520 — 1566), как называли его в Европе.

* В мусульманском праве любое имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. С XII века вакуф стал основным источником средств для мусульманских культовых учреждений.

Именно в те годы был опубликован ряд законоположений, определивших окончательную структуру империи, и в частности всю систему тимаров, а также были достигнуты впечатляющие победы, в ходе которых к Турции были присоединены почти все земли халифата, кроме разве что Ирана с прилегающими к нему территориями. Впоследствии стало считаться даже, что во времена Сулеймана никто не страдал от какой-либо несправедливости и вообще дела империи шли идеально. Но с конца XVI века и особенно на протяжении двух последующих столетий ситуация стала ухудшаться. Империя все более очевидно вступала в состояние тяжелого кризиса — того самого, который сделал ее в начале XIX века «больным человеком Европы».

В XVI веке площадь обрабатываемых земель империи практически перестала расти, тогда как рост населения, напротив, продолжался весьма быстрыми темпами. С одной стороны, это вело к дроблению тимаров и, следовательно, к уменьшению их доходности. С другой — к ухудшению качества жизни крестьян и появлению в их среде все большего количества безземельных. Бедневшие тимариоты правдами и неправдами стремились сохранить свой доход, для чего захватывали крестьянские земли и увеличивали собственные чифтлики, сдавая при этом землю в аренду безземельным и малоземельным. В итоге казна лишалась своей доли налогов, а тимариоты все равно беднели и, как следствие этого, теряли свою боеспособность.

Нерентабельность мелкого тимара на рубеже XVI и XVII веков была усугублена докатившейся до Турции волной «революции цен», вызванной наплывом в Европу дешевого американского серебра. Цены стали быстро увеличиваться, что, с одной стороны, способствовало еще большему разорению крестьян, а с другой — ухудшению положения мелких тимариотов, сумма ежегодного дохода которых была жестко фиксирована. Все это вызвало серию народных восстаний, в которых принимали участие и деклассированные элементы, и крестьянские низы, и даже тимариоты. Результатом этого стало сокращение доходов казны и упадок воинского могущества империи. Необходимы были срочные реформы.

Сначала власти пошли по наиболее легкому пути. Наглядно проявившийся упадок боеспособности воинов-сипахи было решено компенсировать увеличением корпуса живших за счет выдач из казны янычар: в 1595 году их было примерно 25 тысяч, а несколько десятилетий спустя — уже 50 тысяч. Однако ставка на янычар дала обратный эффект. Расходы на армию резко увеличились, и казна не всегда была в состоянии вовремя выплачивать жалованье янычарам, которые начинали бунтовать и даже смещали неугодных им султанов, тем самым только усугубляя нестабильность.

В 1656 году великим везиром стал Мехмед Кёпрюлю, который провел первую серию столь необходимых для Турции реформ, смысл которых свелся к восстановлению тимаров путем ущемления некоторых других категорий землевладения, включая хассы и вакуфы. Это повысило авторитет центральной власти и укрепило армию. Но в XVIII веке кризис проявился вновь, причем с еще большей силой. Процесс дробления тимаров продолжался, и все увеличивалось количество тимариотов, которые не были в состоянии выполнять свои воинские обязанности. Нуждаясь в деньгах, казна подчас продавала их владения, которые при этом нередко попадали в руки разбогатевших торговцев либо ростовщиков.

Дни военно-политического могущества Турции были сочтены. Все чаще та или иная европейская держава требовала и добивалась от нее определенных льгот либо преимуществ в торговле (первые такого рода льготы — капитуляции — были предоставлены французам в знак благодарности за их помощь в войне с Венецией и Габсбургами еще в 1535 году; в 1580 году таких же льгот добились англичане; в начале XVIII века — австрийцы). Примерно с 1740 года капитуляции стали превращаться в неравноправные договоры, предоставлявшие односторонние преимущества европейским торговцам, что постепенно открывало двери для проникновения в империю европейского капитала.

Упадок военной мощи, а затем и становившееся все более очевидным экономическое и политическое (не говоря уже о социальном, научно-техническом, культурном и т. п.) отставание Турции от быстро развивавшейся капиталистической Европы, в том числе и России, привели в конце XVIII века

к тому, что перед европейскими державами, прежде с трудом отбивавшимися от натиска турок, возник так называемый восточный вопрос — как быть с Турцией? Начиная с этого времени Турция фактически утратила былую самостоятельность в международных делах, а само сохранение империи в качестве крупного военно-политического объединения во многом стало зависеть от разногласий между державами, не желавшими за счет изменения статуса Османской империи резко нарушить с трудом сохранявшийся политический баланс в Европе.

Правящие круги империи не могли не видеть упадка страны. Очевидно было, что военно-ленная система давно себя изжила и требовала замены. Но чем ее следовало заменить?

Второй тур реформ, связанный с именами султанов Селима III (1789 — 1807) и Махмуда II (1808 — 1839), по сути и духу весьма значительно отличался от первого, особенно при Махмуде II. Главным стало стремление реформаторов покончить с военно-ленной системой как таковой и тем более с таким уродливым проявлением ее, как корпус янычар. Основной упор в ходе реформ был сделан на создание новой, реформированной по европейскому образцу армии, включая артиллерию, флот, инженерные войска. В качестве специалистов-консультантов были приглашены офицеры и преподаватели из европейских стран, включая получившего в дальнейшем известность прусского военачальника Г. Мольтке. По мере создания и укрепления этих новых армейских формирований султаны избавлялись от старых: в 1826 году было жестоко подавлено восстание недовольных реформами янычар, и специальным указом Махмуда II янычарский корпус был ликвидирован. Вместе с ним с политической арены был удален суфийский орден Бекташи. В 30-х годах XIX века в несколько этапов была упразднена и тимарная система, поскольку место бывших сипахи заняла регулярная армия.

Деятельность Махмуда II не ограничилась радикальными переменами в военно-административной системе и организации войска, хотя это было самым важным для страны. Были внесены изменения и в систему администрации (созданы некоторые новые министерства и ведомства по европейскому

образцу), и в порядок налогообложения, включая форму взимания налогов, проблему откупов, и в сферу культуры. Таким образом, Турция сделала решительный шаг в сторону европеизации своей внутренней структуры, что способствовало ее выживанию как государства. Но не как империи: Османская империя уже была обречена.

Распад империи начался еще в XVIII веке, когда в результате ряда войн с Австрией, а затем с Россией и Ираном Турция потеряла некоторые окраинные территории (часть Боснии, Тебриз, Азов и Запорожье), а также вынуждена была согласиться на отказ от политического контроля в некоторых других (Грузия, Молдова, Валахия). К концу XVIII века местные династии в Магрибе, Египте, Аравии, Ираке тоже уже весьма слабо контролировались турецким правительством. Египетская экспедиция Наполеона в конце XVII века была еще одним чувствительным ударом по престижу Османской империи, а последовавшее затем восстание ваххабитов окончательно оторвало от Турции Аравию, которая вскоре оказалась в руках могущественного Мухаммеда-Али Египетского. С начала 20-х годов XIX века начались восстания на Балканах, в ходе которых добилась независимости Греция и значительной автономии — Сербия. Османская империя таяла, как шагреновая кожа. Наступала эпоха самостоятельного существования большинства включенных в ее состав стран.

Глава 5

Позднесредневековый Иран

Образованное монгольскими завоевателями государство ильханов, основная часть которого находилась на территории Ирана, просуществовало немногим более века. Уже в 30 — 40-е годы XIV века начался его политический распад: то в одной части страны, то в другой соперничавшие с ильханами чингизиды стремились создать фактически независимые султанаты и эмираты. Децентрализации и распаду государства ильханов способствовали и мощные сектантские движения

шиитов, выступавшие под антимонгольскими лозунгами. Наибольший успех среди сектантов имели сарбедары, которые в 1353 году убили последнего из ильханов и создали собственное государство, просуществовавшее до 1381 года, — параллельно с государствами Джелаиридов, Мозафферидов и Куртов, которые появились на территории Ирана, Ирака, Афганистана и Закавказья после падения власти ильханов.

Существование всех этих государств закончилось примерно одновременно: все они пали под ударами победоносных войск Тимура. Став в 1370 году эмиром Мавераннахра и сделав своей столицей Самарканд, Тимур приступил к широкой программе завоеваний, в ходе которых он объединил под своей властью сначала Среднюю Азию, затем Иран, а также значительную часть Западной Азии. Хотя завоевания Тимура сопровождались жестокостями и разрушениями, они все же не принесли с собой таких бедствий, как нашествие монголов, — ибо с самого начала Тимур стремился не столько к покорению и уничтожению других народов, сколько к развитию Мавераннахра и особенно Самарканда за счет ограбления других народов и контроля над международными торговыми путями. Впрочем, с точки зрения количества погубленных жизней разница между Чингисханом и Тимуром не столь велика.

После смерти Тимура его огромная держава была поделена между тимуридами, но не все из них сумели удержать власть. Так, на территории Закавказья, Курдистана и части Ирака возникло новое государство Кара-Коюнлу («Чернобаранные») во главе с туркменским эмиром Кара Юсуфом. К югу от него — тоже туркменская конфедерация Ак-Коюнлу («Белобаранные»), которая в 1468 году разгромила Кара-Коюнлу и включила в свой состав Западный Иран с прилегающими к нему землями Курдистана, Армении, Ирака.

Государство Сефевидов

Упадок реальной власти халифов в начале II тысячелетия н. э. способствовал не только политической децентрализации мира ислама, но также и появлению, а точнее, увеличению роли некоторых новых духовных течений в рамках ислама. Речь идет о суфиях, своеобразных монахах ислама, и создававшихся

ими суфийско-дервишеских орденах, внутренняя структура которых была основана на фанатичной преданности низших членов — послушников-мюридов — главе ордена, всевластному шейху, часто обладавшему харизматическим авторитетом и считавшемуся святым. Ордена такого типа были как в среде суннитов (об одном из них — Бекташи — упоминалось в связи с турецкими янычарами), так и у шиитов. При этом и у тех, и у других строгая иерархическая организация орденов нередко служила той основой, на которой в тех или иных районах с политическим вакуумом сравнительно легко возникали государственные образования. Правда, Иран отнюдь не был районом с политическим вакуумом. Но условия конца XV века здесь были весьма благоприятны для возвышения дервишеского ордена Сефевийя.

Имя ордену дал шейх Сефи ад-Дин (1252 — 1334), унаследовавший уже сложившуюся суфийскую организацию от своего учителя и тестя шейха Захида, имевшего немало мюридов среди крестьян и ремесленников Азербайджана. В XV веке сефевидские шейхи владели землями и пользовались огромным влиянием в Азербайджане и прилегающих к нему районах Малой Азии, где, как важно заметить, среди сторонников ордена к тому времени явно преобладали кочевые тюркские племена, что делало орден более воинственным. Члены ордена стали носить особую чалму с двенадцатью красными полосами в честь двенадцати святых имамов и получили наименование кызылбашей (красноголовых).

В 1499 году кызылбаши во главе с двенадцатилетним Исмаилом, только что ставшим их шейхом, выступили против североазербайджанского ширваншаха и захватили часть его земель, включая Баку и Шемаху. После этого, окрыленные успехом, они повернули на юг и, разбив армию султана Ак-Коюнлу, захватили земли султаната. В 1502 году в Тебризе Исмаил был провозглашен шаханшахом новой династии Сефевидов (1502 — 1736). Продолжая активную завоевательную политику, он и его преемники вскоре объединили в рамках своего государства все собственно иранские земли, а также Азербайджан, часть Армении, Ирака, Туркмении и Афганистана. Обязательной религией для населения этого государства стал шиизм умеренного толка (имамизм). Была даже

создана легенда о происхождении Сефи ад-Дина от одного из святых шиитских имамов — от седьмого имама Мусы.

Центральная власть в государстве Сефевидов держалась прежде всего на авторитете самого Исмаила (1502 — 1524). При его преемниках она стала слабеть. Упадок шахской власти особенно заметно сказался после смерти шаха Тахмаспа в 1576 году, когда двенадцать его сыновей и поддерживавшие их различные кочевые племена начали кровопролитные войны.

Слабостью Ирана воспользовались турки. В 80-х годах XVI века они завладели Ширваном и Азербайджаном, захватили и разграбили Тебриз, который в то время был процветающим 300-тысячным городом. На востоке воинственный узбекский хан Бухары отнял у Ирана часть Хорасана и афганских земель с Гератом. На остальные афганские земли претендовали властители Индии из новой династии Великих Моголов. К этому важно добавить, что войны, междоусобицы и разорение городов вызвали экономический кризис. Караванные пути и водно-торговые артерии, в частности Волго-Каспийский путь, практически не функционировали. Под тяжестью все возраставших поборов восставали и бежали крестьяне. В этих условиях очередным шахом был провозглашен семнадцатилетний Аббас, от имени которого намеревались управлять Ираном стоявшие за ним кызылбашские ханы. Однако ситуация вскоре приняла совершенно иной оборот.

Аббас I оказался хитрым и умным правителем. Он не только быстро избавился от опеки своих покровителей, но и энергично взял власть в свои руки. Собственно, только при Аббасе и именно благодаря его усилиям сефевидский Иран достиг внутренней стабильности.

Как и в османской Турции, главной проблемой для Ирана была армия. Составленное в основном из кочевников племенное ополчение, равно как и кызылбашская конница, не были достаточно боеспособны и, главное, легко становились игрушкой в руках сепаратистов при междоусобных схватках. Имея в виду явную склонность кызылбашских ханов к феодальным раздорам, Аббас поставил первой своей целью ослабить именно их. Он создал 12-тысячный корпус стрелков-мушкетеров и 12-тысячный корпус артиллеристов, что вместе

с корпусом гвардейцев-гулямов, в основном из кавказцев, составило ядро его регулярной армии. После этого Аббас резко сократил войско кызылбашей (до 30 тысяч) и соответственно уменьшил число кызылбашских эмиров. Он провел также финансовые реформы: были введены новые монеты и отрегулированы налоги. Некоторые районы Центрального Ирана, и в частности столица Исфахан, были на несколько лет вообще освобождены от налогов. В других районах харадж был сокращен до первоначальной одной шестой части урожая. Снизились и налоги с кочевников.

Несколько изменилась при Аббасе и система земледелия. Резко расширился фонд казенных земель, продолжали процветать вакуфы. Сохранялись наследственные земельные владения мурки, владельцы которых платили в казну минимальный налог — 10 процентов. Крестьянская община несли ответственность за выплату всех налоговых сборов, чему способствовал принцип круговой поруки. Крестьяне, кроме того, выполняли еще и повинности перед государством. Немусульмане платили подушную подать джизию.

Реформировал Аббас и систему административного управления. Структура власти при нем в некоторых отношениях напоминала османскую, но была существенно солиднее. Всесильным главой был шаханшах, по воле которого любой из его подданных мог быть в любую минуту подвергнут наказанию, вплоть до казни. От имени шаха правил меджлис из семи сановников-министров во главе с великим вазиром, который, в отличие от его османского коллеги, был более гражданским, нежели военным лицом. Все министры имели ведомства-диваны с соответствующими канцеляриями и штатами. Территория страны была поделена на две основные зоны — земли дивана и земли хассе, то есть шахские. Во главе областей дивана стояли губернаторы-беглербеги, а округами в каждой области руководили хакимы. В областях земель хассе, куда кроме шахских были включены также и вакуфные и мурковые земли, руководителями были сановники-вазиры. В целом административный аппарат сефевидского Ирана при Аббасе был едва ли не наиболее сложным и громоздким из всех, что создала исламская государственность. Но он оказался достаточно эффективен.

Реформы, способствовавшие резкому усилению власти шаханшаха, послужили основой для активной внешней политики. Аббас I вел успешные войны с Турцией, заставив ее возвратить земли, отданные ей в 1590 году. Он отвоевал у Великих Моголов Кандагар, изгнал португальцев из очень важного для международной торговли острова-порта Хормоз в Персидском заливе, вел переговоры с европейскими державами и покровительствовал английской Ост-Индской компании. При Аббасе начались посольские связи Ирана с Россией (1588). Можно считать, что именно благодаря реформам и политике Аббаса I сефевидский Иран достиг зенита своего могущества.

Сефевидский Иран после Аббаса.
Надир-шах

При преемниках Аббаса началось ослабление центральной власти, что привело к экономическому упадку страны, который власти попытались устранить ростом налогов. Но добились лишь массового бегства крестьян, что заставило даже шаханшаха Султана Хусейна издать в 1710 году специальный ферман о прикреплении крестьян к земле. Ухудшилась также ситуация в городах, и пришла в упадок торговля, в том числе и внешняя, что в немалой степени было связано с ослаблением имперской системы в целом. На рубеже XVII и XVIII веков в стране произошло несколько восстаний. Особо значительный размах получило движение афганцев, захвативших на некоторое время в 1722 году значительную часть Ирана, включая столицу Исфахан.

Внутренние распри в Иране в немалой мере облегчили задачу его внешних противников, России и Турции. Русские в 1722 — 1723 годах заняли Дербент и Баку, а турки — Восточное Закавказье, почти весь Азербайджан и немалую часть Западного Ирана. В этих условиях на первый план выдвинулся талантливый полководец Надир-хан из тюркского племени афшар. В 1729 году он взял Исфахан и восстановил шаха Тахмаспа II на престоле Сефевидов, но затем решил править сам: низложил Тахмаспа и добился в 1736 году провозглашения себя шахом Ирана.

Став шахом, Надир (1736 — 1747) вел активную внешнюю политику. Он не только вернул все прежние земли империи, но и провел ряд успешных походов, позволивших присоединить к Ирану часть Грузии, Армении и Дагестана, весь Азербайджан, Афганистан, Белуджистан. Его вассалами признали себя Бухарское и Хивинское ханства. Наибольшего успеха он добился в результате похода 1739 года на Индию. Разграбив Дели, Надир вывез в свою столицу Мешхед неслыханные сокровища — на 500 миллионов рупий драгоценных камней он оставил себе и еще на 200 миллионов рупий прочей добычи досталось его войску.

Политика веротерпимости (сам Надир был суннитом и потому стремился наладить мир между суннитами и шиитами; он покровительствовал также и христианам, иудеям, даже сектам зороастрийцев) помогала шаху смягчить внутренние противоречия, но вызвала недовольство шиитского большинства.

Все эти меры в целом были разумны и в принципе вполне могли надолго обеспечить стабильность власти правителя, поначалу имевшего популярность в народе. Однако ситуация складывалась иначе. Начать с того, что сам шах с возрастом становился мелочным и подозрительным. Его жестокость, вздорность, непоследовательность с каждым годом все больше озлобляли его окружение и вызывали недовольство населения. Надир резко увеличил налоговые ставки, бесцеремонно взимая налоги даже с тех, кому были дарованы льготы, причем задним числом, за прежние годы, чем быстро уничтожил остатки своей популярности. В стране то и дело происходили стихийные восстания, которые топились в крови. Кызылбашские эмиры и ханы кочевых племен, часть которых поддерживала притязания на престол самозванцев, выдававших себя за уцелевших потомков Сефевидов, искали удобного случая, чтобы поднять мятеж. Проявляло недовольство ущемленное в своих привилегиях шиитское духовенство. Дело кончилось тем, что заподозривший заговор Надир-шах решил умертвить всю свою родню из числа афшарских ханов, но ханы опередили его и зарезали в собственном шатре.

После смерти шаха Иран снова оказался в состоянии глубокого политического кризиса и фактически распался на части. В Хорасане правил внук Надира Шахрух. Ханства Северного

Азербайджана, Армения, а также Грузия стали фактически независимыми. Часть Северного Ирана захватили вожди племени каджаров, Южный Иран — вожди племени зендов. Восточный Иран снова оказался в руках афганцев.

В 1758 году зендский Керим-хан сумел одолеть каджаров и азербайджанцев и объединить в своих руках значительную часть Ирана. Правда, он не объявил себя шахом, ограничившись титулом векеля (регента), но достаточно успешно управлял страной два десятилетия. Керим-хан провел несколько существенных реформ, направленных на ограничение произвола местных властей, восстановление ремесел и городов, регулирование налогообложения. Одновременно с этим он стремился ограничить связи Ирана с западными странами — видимо, пример могольской Индии был для него в этом смысле серьезным предупреждением. Немалое место во внешней политике Керим-хана играли отношения с Россией, в основном торгово-дипломатические, а также с Турцией, с которой он вел войны за Басру.

Смерть Керим-хана в 1779 году снова поставила Иран на грань кризиса. Начались феодальные междоусобицы ханов, борьба за власть в стане самих зендов. В разгар этой борьбы из заточения бежал пленник Керим-хана каджарский Ага Мухаммед-хан, который вслед за тем в жестокой борьбе за власть в вотчине каджаров Астрабаде сумел одолеть соперников и провозгласил себя в Тегеране новым шаханшахом Ирана.

Афганцы и империя Дуррани

Пока на основной территории Ирана шла борьба за наследие Надир-шаха, восточная его часть, как упоминалось, оказалась под властью афганцев.

На протяжении веков территория Афганистана находилась под властью различных государств — Ахеменидского, Бактрийского, Кушанского, Сасанидского. Затем она стала частью халифата, потом принадлежала эмиратам — Газневидскому, Гуридскому. На рубеже XIV и XV веков она вошла в состав державы Тимура, затем была покорена Великими Моголами. Различным по этническому составу было и ее на-

селение, причем на протяжении веков одни племена сменяли другие и, в свою очередь, служили основой для последующих этнических напластований. Собственно, афганские (пуштунские) племена начали складываться и расселяться на этой земле в XI — XIV веках, а в XVI — XVII веках их, по некоторым данным, здесь насчитывалось уже около четырехсот, условно объединяемых в четыре большие группы.

В долинах афганцы занимались земледелием, но большинство их были воинственными кочевниками, которых использовали в качестве наемного войска влиятельные правители соседних государств, в частности Ирана и Индии. Именно афганцы наряду с тюрками были основой того войска, с помощью которого завоевали Северную Индию на рубеже XII и XIII веков военачальники Гуридов, объявившие себя затем султанами в Дели. Афганцы же были немалой частью войска Бабура, завоевавшего Индию в начале XVI века и основавшего династию Великих Моголов. Неприхотливые и воинственные, они считались хорошими солдатами — неслучайно их охотно брали в свои войска и иранские шаханшахи.

Патриархально-племенная внутренняя структура афганцев способствовала формированию у них, особенно под влиянием внешних контактов, протогосударственных образований во главе с вождями-ханами. Это наиболее отчетливо прослеживается на примере таких племен, как абдали и гильзаи, где должность вождя-хана уже в XVII — XVIII веках передавалась по наследству, тогда как в других племенах в то время она была выборной. Важной частью структуры были племенные советы старейшин, которые служили для решения всех внутренних дел племени, включая подлежавшие суду споры. Большую роль в жизни афганских племен играло мусульманское духовенство, особенно наследственные группы «святых людей» из числа потомков пророка сейидов, имевших немалые привилегии, включая особое право на земли (нечто вроде вакуфов). Все остальные земли обычно подлежали спорадическим переделам.

Первые собственно афганские ханства на племенной основе стали играть заметную политическую роль с XVI — XVII веков — Хаттакское близ Пешавара, Гератское, Гильзайское со столицей в Кандагаре. С середины XVII века племена абдали

(Герат) и гильзаев (Кандагар) оказались под властью сефевидского Ирана. Афганские воинственные племена во главе с их ханами сыграли заметную роль в междоусобных войнах в Иране в начале XVIII века, когда гильзаи во главе с Мир Вайсом не только провозгласили Кандагар центром независимого государства, но и двинулись на Иран, где сын Мир Вайса Мир Махмуд вступил в Исфахан и провозгласил себя в 1722 году шаханшахом. Вплоть до 1729 года, когда Надир восстановил на троне Сефевидов шаха Тахмаспа II, афганские предводители, сменяя друг друга в междоусобных схватках, находились в Исфахане. За это время независимости добились и абдали, создавшие свое государство в Герате, которое, впрочем, пало под ударом Надира в том же 1729 году. А в 1738 году Надир занял и Кандагар, включив в конечном счете весь Афганистан в свою державу.

С распадом империи после смерти Надир-шаха вождь племени абдали Ахмад-хан, руководивший военным отрядом афганцев в войске шаха, прибыл в Кандагар и на состоявшейся в 1747 году джирге был избран шахом Афганистана. Племя абдали, переименованное в дуррани («жемчужное»), заняло в новом государстве ключевые позиции. Государство Дуррани, как оно стало теперь именоваться, за годы правления Ахмад-шаха (1747 — 1773) сильно расширило свои владения, присоединив Кашмир, Синд, Белуджистан, Хорасан, Балх и некоторые другие территории, налог с которых в основном и пополнял казну. Престиж власти и влияние личности шаха в регионе были велики. На протяжении ряда лет Ахмад вел довольно успешные войны с Индией. А когда армия китайского императора Цяньлуна захватила Восточный Туркестан, все местное центральноазиатское и среднеазиатское мусульманское население строило свои расчеты на освобождение от власти Китая именно на вмешательстве Ахмад-шаха. И хотя Ахмад, вначале действительно предполагавший вмешаться, позже отказался от этого намерения и даже послал посольство в Пекин, сам упомянутый факт весьма показателен.

После смерти Ахмад-шаха Дурранийская держава стала слабеть и понемногу распадаться. Начались племенные смуты и феодальные распри, результатом чего стало появление в начале XIX века на месте бывшего единого государства нескольких

ханств (Гератское, Кабульское, Кандагарское, Пешаварское и др.). Правда, вскоре после этого эмир Дост-Мухаммед вновь начал борьбу за объединение Афганистана и после победы в первой англо-афганской войне на рубеже 30 — 40-х годов, казалось, сумел достичь цели. Однако объединение оказалось не слишком прочным: вторая англо-афганская война в 1878 — 1880 годах остановила движение в этом направлении, и Афганистан, пусть и не сломленный, но раздробленный, на долгие годы оказался под фактическим протекторатом Британской империи. Только в конце XIX века эмиру Абдурахману удалось создать централизованное государство, которое в 1919 году было объявлено Амманулой-ханом независимым.

Иран под властью первых каджарских шахов

Провозгласивший себя в 1796 году новым шахом Ирана Ага Мухаммед-хан был беспощадным тираном, стремившимся восстановить единство Ирана в основном методами грубого насилия. Жестокость шаха и общая атмосфера подозрительности даже в среде его ближайшего окружения сыграли, видимо, немалую роль в том, что уже летом 1797 года шах был убит в результате заговора придворных. Началась борьба за власть, из которой победителем вышел наследник престола, утвердившийся на каджарском троне в 1801 году под именем Фатх Али-шаха (1801 — 1834).

Политическая структура каджарского Ирана немногим отличалась от прежней. Возглавляли правительство министры во главе с первым вазиром — садразамом. На местах власть была у правителей областей (их было около тридцати) и нескольких важных провинций (обычно их было четыре), каждая из которых имела свою администрацию. Правителями наиболее значительных провинций и областей назначались влиятельные ханы, в первую очередь сыновья и родственники шаха. Так, во главе Азербайджана традиционно был наследник престола. Определенная сумма налогового сбора с каждой провинции и области должна была поступать в казну шаха, хотя в реальности это происходило не всегда.

Важным отличием шиитского Ирана от суннитских государств было существование в его структуре наряду с шариат-

ским судом, где заправляли в качестве судей-кади шиитские улемы и муджтахиды (законоведы), еще и суда урф, в котором дела вели сами правители областей или их чиновники. Следует заметить также, что в шиитской административной структуре вообще не было предельного слияния религии и политики, характерного для суннитов. Шиитское духовенство, чье влияние всегда было огромным, обычно держалось несколько в стороне от администрации и вмешивалось в ее дела как бы извне, даже несколько сверху, от имени святого скрытого имама Махди, чьего пришествия не уставали ждать шииты и кому, что само собой разумелось, должна была принадлежать подлинная власть в стране (шах в этой системе взглядов — лишь временный заместитель скрытого имама, что не могло не сказываться на сакральной легитимности его статуса).

Фатх Али немало воевал, прежде всего с Россией и Турцией. В этих войнах, несмотря на умелое дипломатическое лавирование шаха и явную его склонность опираться на помощь извне, включая Англию и Францию, он чаще терпел поражения, особенно от русских войск; именно за годы его правления к России были присоединены Грузия, Армения, Северный Азербайджан. Ирано-турецкая война 1821 — 1823 годов была для шаха более удачной, но мирный договор с Турцией фактически свел на нет все успехи в этой войне. Шах пошел на невыгодный для Ирана договор, дабы развязать руки для войны с Россией, но война эта принесла ему неудачу. По Туркманчайскому договору 1828 года Россия не только закрепила за собой завоеванные территории, но и добилась преимуществ и привилегий в торговле, а также огромной контрибуции. Именно эти жесткие условия мира вызвали в Иране мощную антирусскую волну, жертвой которой стал в 1829 году посол России в Тегеране писатель А.С. Грибоедов.

30 — 40-е годы XIX века прошли под знаком все более энергичного проникновения колониальных держав в Иран, занимавший, с точки зрения европейцев, очень выгодные ключевые позиции в мировой торговле: через Персидский залив издревле шли международные торговые пути. Вслед за Россией ряд прав и привилегий, а также закрепляющих их неравноправных договоров с Ираном добились Англия, Франция, затем другие европейские страны и США.

Глава 6

Средневековая Индия до ислама

Средневековая политическая структура Индии не знала таких империй, как Маурийская или Кушанская. Характерной для нее со времен Гуптов (IV — VI века) была постоянная неустойчивость власти, которая находила свое отражение в кратковременности и откровенной слабости династий и государств, в сосуществовании и постоянной междоусобной борьбе нескольких одинаково слабых политических образований. Едва ли не каждое из них при случае легко членилось на фактически автономные районы и княжества, в свою очередь, ожесточенно боровшиеся между собой.

Политическая история Индии в VI — XII веках

На севере страны после Гуптов в конце VI века наибольшим влиянием пользовалось государство Гауда с центром в Бенгалии. Расширившись за счет завоеваний в Ориссе и Магадхе, это государство при энергичном правителе Шашанке пыталось подчинить себе всю долину Ганга, но, столкнувшись с сопротивлением со стороны государства Стханешвара в районе Джамны, вынуждено было отступить. Когда к власти в Стханешвара пришел Харша, он подчинил себе всю северную часть Индии.

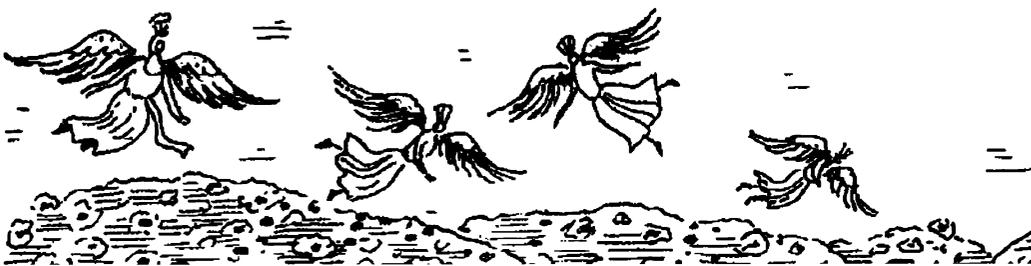
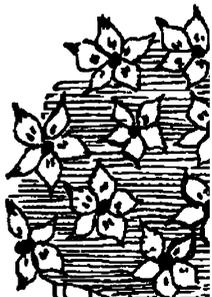
Государство Харши просуществовало недолго — примерно столько же, сколько управлял им сам Харша (606 — 646). Он имел неплохую по тем временам армию, щедро покровительствовал буддизму (при нем был отстроен знаменитый монастырь-университет в Наланде) и пытался даже установить связи с далеким Китаем. Однако эфемерность его государства наглядно видна из зафиксированного в китайских хрониках эпизода. В 647 году, уже после смерти Харши, в его столицу прибыл китайский посол Ван Сюань-цэ. Враждебно встреченный, этот далекий чужеземец трезво оценил обстановку, собрал в пригималайских районах небольшое войско из тибетцев, непальцев и, присоединив к нему своих спутников-ки-

тайцев, сумел не только разбить армию преемника Харши, но и увез последнего в Китай в качестве пленника. После этого государство Харши распалось*. Начался длительный период раздробленности и междоусобиц, осложненный радикальными изменениями в Северной Индии.

Еще на рубеже V и VI веков в Северо-Западную Индию волна за волной стали прибывать кочевые и полукочевые племена белых гуннов (эфталитов) и гурджаров, нашествие которых, собственно, и привело к распаду державы Гуптов. Осев на значительной территории — в Синде, Раджастане, Гуджарате, Мальве, — эти воинственные племена в ходе сложного процесса метисации с местным населением и энергичной аккумуляции образовали новую этнополитическую общность — касту раджпутов. На протяжении VII — VIII веков раджпутские князья в Гуджарате (название происходит от гурджаров) не только укрепили свои позиции и создали хорошо организованное войско, но и сумели отразить нашествие арабов, вынужденных ограничиться лишь завоеванием Синда в 712 году. Гуджаратское государство Пратихаров объединило вокруг себя практически все раджпутские земли, затем подчинило район Доаба (междуречье Ганга и Джамны) и центральные земли Северной Индии. В борьбе за Доаб Пратихары вели непрестанные войны с другим крупным североиндийским государством — княжеством Палов с центром в Бихаре и Бенгалии. На протяжении VIII — IX веков Доаб не раз переходил из рук в руки, пока государство Палов не вынуждено было уступить.

Рубеж X и XI веков был отмечен новой волной вторжения мусульман. Махмуд Газневид разграбил большую часть Северной Индии и увез с собой немалые ценности. Результатом этого нашествия были присоединение к Газневидскому султанату части долины Инда и распад державы Пратихаров на мелкие раджпутские княжества, наиболее значительные из которых вели, как и заметно ослабевшее государство Палов, войны с усиливавшимися в это время государствами Южной Индии.

* Следует оговориться, что некоторые современные индийские историки оспаривают этот факт. Они полагают, что упомянутый эпизод не имеет отношения к государству Харши, а произошел в каком-либо из мелких пригималайских княжеств. Но в любом случае государство Харши распалось очень быстро.

Юг Индии, особенно густо покрытый джунглями Декан с его многочисленными племенами, вначале заметно отставал в своем развитии от севера. Однако в первые века нашей эры здесь уже возникло немало самостоятельных государственных образований, часть которых укреплялась быстрыми темпами. Сложившиеся еще в III — IV веках государства Паллавов и Пандиев не только вели борьбу между собой, но и успешно противостояли сначала Гуптам, а затем Харше. Позже возникшее в VII веке в южной части Махараштры княжество Чалукьев начало энергично теснить Паллавов. Именно Чалукьи отразили попытку Харши завоевать Декан. Но главная забота как Чалукьев, так и Паллавов, сводилась к тому, чтобы держать в повиновении местных князьков, стремившихся к независимости. Это, естественно, обуславливало слабость и нестабильность этих государств.

В середине VIII века один из мятежных княжеских родов — Раштракуты — сумел свергнуть правителей государства Чалукьев, а спустя столетие с небольшим князь из Чалукьев восстановил эту династию, хотя и ненадолго. В свою очередь, тамильское княжество Чолов в конце IX века разгромило государство Паллавов и захватило их земли, а в 910 году та же судьба постигла государство Пандиев. В результате возникло государство Чолов, объединившее под своей властью почти весь Тамилнад. Усилившиеся Чолы вели активную борьбу с Раштракутами, а после успешных войн с северо-индийскими Палами государство Чолов стало сильнейшим на юге Индии. Под его господством оказались даже Цейлон и Мальдивы, а в зависимости от него — Чалукьи и индонезийское государство Шривиджайя, куда Чолы направили свой военный флот. В начале XII века Чолы контролировали всю Южную Индию и частично даже потеснили раджпутов в Гуджарате. Но уже к концу этого века держава Чолов распалась. После этого в Тамилнаде восстановили свою власть князья из дома Пандиев, а некоторые княжества государства Чалукьев обрели независимость.

Внутренняя структура

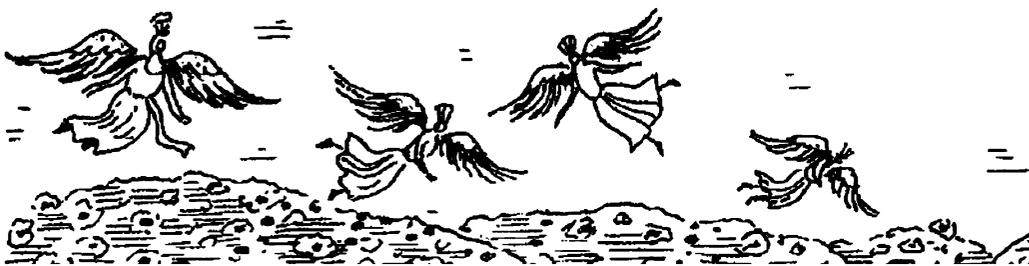
Длительные периоды децентрализации и краткие эпохи централизации вынуждали индийское общество постоянно быть

готовым к структурной перестройке. На практике это привело к тому, что в каждом государстве непротиворечиво сосуществовали две зоны и, соответственно, две формы управления.

Первая сводилась к автономным и полуавтономным образованиям типа княжеств, где радже или махарадже по традиции принадлежала вся или почти вся полнота власти. В этих преимущественно небольших княжествах раджа выступал в качестве высшего правителя своих подданных: от него в конечном счете зависело, как распорядиться рентой-налогом, который взимался с населения и за счет которого существовали верхи княжества. Чаще всего одна часть дохода шла в казну раджи, а другая — его воинам-вассалам, получавшим от него ненаследственные надель, а точнее, право взимать с местного населения определенной территории фиксированное количество налога в свою пользу. Сам раджа всегда был наследственным правителем, а его вассалы, как правило, — только условными владельцами пожалованного им дохода, так что право наследования для них сводилось к праву передавать свою должность наследнику. Что же касается связей княжества с внешним миром и, в частности, с тем государством, в состав которого княжество было включено (если это вообще имело место), то эти связи чаще всего ограничивались небольшой символической данью и обязательством поставлять воинов. Во всем остальном княжества пользовались системой иммунитетов, что делало их практически независимыми государствами в государстве.

Вторая зона находилась под непосредственной властью центра. Она обычно делилась на области-наместничества, губернаторами которых чаще всего назначались родственники правителя государства. Функционально власть наместника-губернатора была близка к положению раджи: он почти монопольно ведал в вверенном ему районе налогами, судом и войском. Но, в отличие от раджи, губернатор был лишь назначаемым и сменяемым чиновником, ответственным перед центром, где возглавлявшийся правителем административно-бюрократический аппарат определял его права и полномочия.

Вчерашнее княжество, усилившись и расширившись за счет соседей, легко трансформировалось в более крупное государство, в котором вновь завоеванные территории частично

(если это были княжества) сохраняли прежнюю автономию. Остальные же земли, где не было устойчивой традиции наследственной княжеской власти, равно как и земли самого трансформировавшегося в большое государство вчерашнего княжества, оказывались под управлением центра и превращались в области и наместничества. И наоборот, слабо централизованные и лишенные крепких административных традиций государства при неблагоприятных для них условиях распадались на части, причем в результате этого не только княжества с устойчивой наследственной властью раджи, но и многие наместничества превращались в самостоятельные политические образования типа княжеств с наследственной властью вчерашнего губернатора-наместника.

Легко убедиться в том, что, несмотря на кажущийся вполне феодальным по характеру антураж с князьями и вассалами, перед нами вовсе не феодалы в европейском значении этого слова. Правители и главы полуавтономных и тем более автономных княжеств (а только они, правители и раджи, были наследственными владетелями) — это, скорее, верховные распределители благ различного масштаба. Все же остальные, включая и губернаторов областей-наместничеств, не говоря уже о воинах-вассалах или чиновниках-служащих, и по статусу, и по способу существования были государственными служащими без права передавать свой статус и доход по наследству.

Конечно, случались и исключения. В частности, полунаследственный статус имели, видимо, воины-раджпуты — вассалы раджпутских князей. Здесь решающую роль играли, как следует полагать, не столько статус, сколько принадлежность к касте воинов. Но тут необходимо обратить специальное внимание на всю систему каст и крестьянской общины, ибо то и другое были факторами, существенно корректировавшими всю внутреннюю структуру традиционного индийского общества.

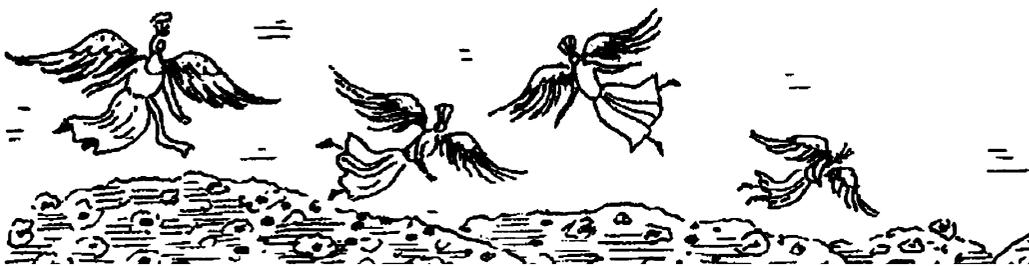
Общинно-кастовая система

Восходящая к древнеиндийским варнам и освященная индуизмом система каст издревле служила основой социальной

структуры Индии. Принадлежность к той или иной касте была связана с рождением человека и определяла его статус на всю жизнь, которая крайне редко вносила поправки в жесткую схему. Наиболее жестким был наследственный статус брахманов: его трудно было утратить, даже когда брахман переставал быть жрецом и занимался иными, гораздо более мирскими делами, но еще труднее, практически невозможно было обрести. Что же касается вайшьев и шудр, то разница между ними в иерархии статусов с древности постепенно уменьшалась и ко времени, о котором идет речь, была уже невелика, а вот грань несколько изменилась: к вайшьям стали преимущественно относить торговцев и ремесленников, а к шудрам — земледельцев. Сильно возросла доля внекастовых изгоев — неприкасаемых (хариджан, как их стали называть позже), выполнявших наиболее тяжелые и грязные работы.

Уникальная по форме, варново-кастовая система не только оказалась эффективной альтернативой слабой политической администрации (а может быть, и наоборот: ее уникальность обусловила слабость государственной администрации — для чего нужна сильная административная система, если нет ее низового звена, если низы живут по законам саморегулирующихся кастовых принципов и общинных норм?), но и успешно компенсировала ее слабость, хотя такого рода компенсация никак не способствовала политической стабильности государств в Индии. Впрочем, общество от этой нестабильности не страдало — этим традиционная Индия выгодно отличалась и от исламских государств, и от дальневосточных, где кризис государства неизменно отражался на благосостоянии общества.

Причина в том, что варново-кастовая система при любых политических пертурбациях успешно сохраняла статус-кво в нижних этажах общества. Конечно, обществу не было безразлично, идут войны или нет; от них индийские низы, как и везде, страдали немало. Но если говорить о верхушечной борьбе за власть, то она не отражалась заметно на основной массе индийцев. Здесь играла важную роль традиционная индийская община, построенная на основе все той же варново-кастовой системы.

Вообще общинная форма организации земледельцев универсальна. Спецификой Индии был не сам факт существования общины, пусть даже и крепкой, а то место, какое эта община заняла в социальной и экономической структуре общества. В определенном смысле можно сказать, что структура индийской общины и ее внутренние связи были нерушимым микрокосмом индийского общества, которое, в свою очередь, как макрокосм копировало эту структуру.

Традиционная индийская община в ее средневековой модификации являла собой, особенно на юге, сложное социальное образование. Территориально она обычно включала в себя несколько деревень, иногда целый округ, организационно объединенные в нечто единое целое. В каждой из деревень были свой староста, часто и общинный совет (панчаят), а представители каждой деревни, старосты и члены панчаята, входили в общинный совет всей большой общины. На севере страны, где общины были более мелкими, они могли состоять из одного крупного села и прилегающих к нему нескольких небольших деревень и иметь одного старосту и один общинный совет, который нередко избирался из числа земледельцев одной доминирующей в данной местности касты.

Внутренняя жизнь общины строго регулировалась нормами общинного распорядка и кастовых взаимосвязей. Она подчинялась принципу джаджмани, суть которого сводится к жестко обязательному порядку во взаимообмене продуктами и услугами, между членами разных каст. Представители высших каст имели, согласно джаджмани, неоспоримое право пользоваться за гроши услугами выходцев из низших каст и тем более неприкасаемых, к которым следовало при этом еще и относиться с презрением. И что характерно: такое право никем и никогда не подвергалось сомнению. Так нужно, это норма жизни, закон жизни. Это твоя судьба, такова твоя карма — с таким сознанием жили и кастовые верхи общины, и кастовые и внекастовые низы ее.

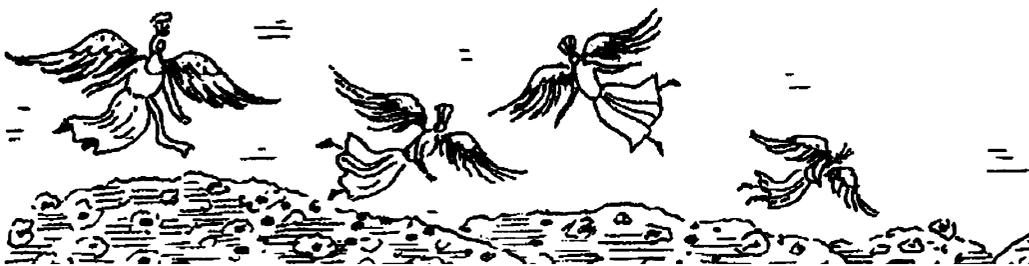
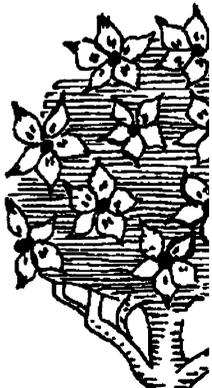
На практике принцип джаджмани означал, что каждый член общины — будь он земледельцем, батраком, богатым брахманом, ремесленником, презираемым убойщиком скота или мусорщиком, прачкой и т. п. — словом, каждый на своем месте и в строгом соответствии со своим кастовым положе-

нием должен был не только четко знать свое место, права и обязанности, но и неукоснительно выполнять все то, что вправе ожидать от него другие. Собственно, именно это делало общину саморегулирующейся и жизнеспособной, почти не зависящей от контактов с внешним миром. Вне системы джаджмани в общине были только частноправовые сделки типа аренды или найма батрака. Все остальное было туго связано традиционной системой взаимных обязательств в строгом соответствии с кастовыми обязанностями и положением каждого из тех, кто жил в общине.

Руководил сложной системой внутренних связей общинный совет, который разбирал также жалобы, вершил суд, выносил приговоры. Важную роль в совете играл староста, престиж которого был высок, да и доход обычно тоже. Для внешнего мира, и в частности для административно-политической и фискальной системы государства, именно староста был и представителем общины, и агентом власти на местах, ответственным за выплату налогов и порядок.

Своего рода вариантом общинно-кастовой системы была и организация индийских городов. В городах касты играли, пожалуй, еще большую роль, чем в общинной деревне — по крайней мере в том плане, что общины здесь обычно были однокастовыми, то есть целиком совпадали с кастами, будь то цех представителей какого-либо ремесла или гильдия торговцев. Все ремесленники и торговцы, все трудовое население города строго делилось на касты (касты ткачей, оружейников, красильщиков, торговцев растительным маслом, фруктами и т. п.), причем представители родственников или связанных друг с другом каст и профессий нередко объединялись в более крупные специализированные корпорации-шрени.

Индийское ремесло — ткацкое, ювелирное и др. — славилось на весь мир. Торговые связи соединяли индийские города со многими странами. И во всех этих связях решающей была роль каст и корпораций городских ремесленников и торговцев, регулировавших всю жизнь своих членов, от нормирования и качества продукции до судебных разбирательств и пожертвований в пользу храмов.

Глава 7

Индия под властью мусульманских правителей

Начало походам тюрок-мусульман на Индию положил газневидский эмир Махмуд, который в первой четверти XI века чуть ли не ежегодно совершал зимние набеги и с награбленным добром из сокровищниц князей и храмов возвращался к себе в Газни. Затем у газневидских эмиров появились иные заботы, так как в сопредельные с ними области вторглись сельджуки. Но в 70-х годах XII века, когда власть в Газни перешла к Гуридам, набеги возобновились. В 1186 году Мухаммед Гури овладел Пенджабом и затем, разгромив раджпутских князей, приступил к захвату долины Джамны и Ганга. После смерти Мухаммеда Гури в 1206 году его военачальник из рабов-гулямов Кутб ад-дин Айбек объявил себя султаном индийских владений Гуридов, сделав своей столицей город Дели. Так было положено начало Делийскому султанату.

Делийский султанат (1206 — 1526)

Айбек и его преемники, значительная часть которых тоже принадлежала к числу гулямов, правили вплоть до 1290 года. Затем власть в султанате перешла к представителям тюркского племени хилджи. Один из них, Ала ад-дин Хилджи (1296 — 1316), сумел нанести решительное поражение монголам, которые на протяжении нескольких десятилетий стремились приникнуть в Индию. Покончив с угрозой монгольского нашествия, Ала ад-дин совершил ряд успешных походов на Декан и в Южную Индию, присоединив завоеванные им земли к султанату. По некоторым данным, эти походы принесли в качестве трофеев 20 тысяч лошадей, 312 слонов, 2750 фунтов золота и большое количество драгоценных камней.

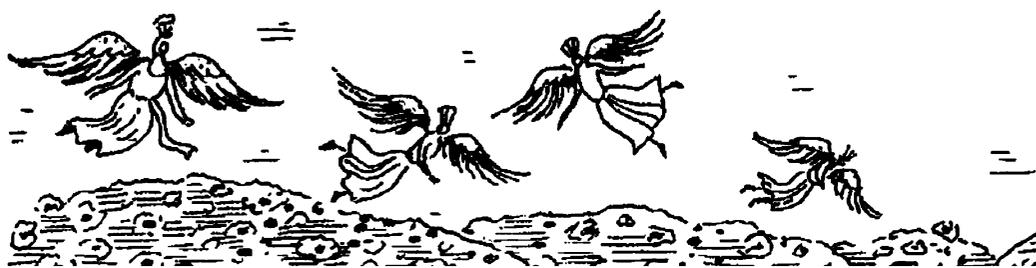
Дабы укрепить центральную власть в созданной им империи, Ала ад-дин предпринял ряд важных реформ, суть которых сводилась к конфискации максимально возможного количества земель в фонд казны и к попытке перевода армии,

на казенное натуральное и денежное довольствие. Для этого цены на продукты питания, прежде всего на зерно, были строго регламентированы, и торговцы были обязаны придерживаться их под страхом сурового наказания. А когда, несмотря на запреты, цены на рынках все же начинали расти, чиновники были обязаны выбрасывать на рынок зерно из казенных амбаров, куда оно загодя свозилось со всей Индии, для чего земельно-зерновой налог с общин был повышен до половины урожая. Все эти меры могли, однако, дать лишь временный результат и вскоре после смерти Ала ад-дина были отменены.

В 1320 году к власти в султанате пришел очередной выходец из гулямов Гийас ад-дин Туглак. Основанная им династия Туглаков правила страной до 1414 года. Сменивший его на троне Мухаммед Туглак (1325 — 1351) сумел на некоторое время восстановить распавшуюся после смерти Ала ад-дина империю, но ненадолго. Еще при его жизни она вновь распалась, на сей раз окончательно: сначала от султаната отпала Бенгалия (1339), а затем по частям и весь Декан. Некоторое время еще сохранялся контроль над Гуджаратом с его важными торговыми портами, но в 80-х годах XIV века отпал от султаната и он, да еще вместе с Мальвой. Окончательный удар по султанату был нанесен Тимуром, разграбившим в 1398 году Дели и вырезавшим значительную часть его жителей (многие другие были уведены им в Самарканд).

Султаны династий Сайидов и Лоди, правившие Северной Индией в 1414 — 1526 годах, временами укрепляли свою власть, но в целом султанат все более приходил в упадок. Одна за другой откалывались от него окраины, порой крупные провинции, пока в 1526 году последний из султанов не был разбит Бабуром, основавшим в Индии империю Великих Моголов.

Казалось бы, появление в Индии исламских государств и ислама как религии должно было резко изменить привычную для этой страны политическую ситуацию. В известной степени так оно и было. Но пассивное сопротивление традиционного индийского общества, которое исламские завоеватели всеми силами старались, но так и не сумели преодолеть, подрывало новую структуру изнутри, сильно ослабляя ее в те моменты, когда была особенно необходима поддержка снизу, когда она нуждалась в единстве перед лицом грозного врага.

Государства Южной Индии в XV — XVI веках

В середине XIV века мятежные эмиры подняли в Декане восстание против Мухаммеда Туглака и провозгласили своим правителем-султаном делийского военачальника Хасана Зафар-хана, который принял имя Бахман-шаха, тем самым заявив претензии на происхождение от героя персидского эпоса. От него пошла династия Бахманидов, распространившая свою власть на большую часть Декана. Как и Делийский султанат, государство Бахманидов было мусульманским.

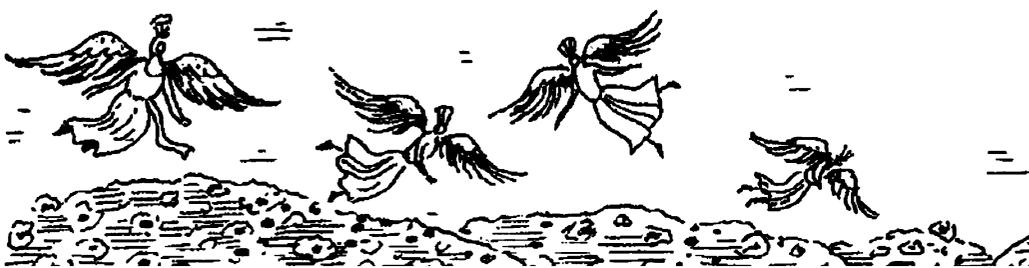
Бахманиды вели с переменным успехом ожесточенные войны с расположенным к югу от них индуистским государством Виджаянагар. Этим войнам сопутствовала острая внутривнутриполитическая борьба между первой волной исламских завоевателей («деканцев») и пришельцами с севера («афаки»), вскоре занявшими наиболее влиятельные посты. Непримируемость деканцев и афаки усиливалась тем немаловажным обстоятельством, что первые были в основном суннитами, а вторые — шиитами. И хотя внутренние распри не слишком сильно отражались на благополучии жителей (стоит напомнить, что посетивший государство Бахманидов в 1469 — 1472 годах тверской купец Афанасий Никитин оставил восхищенное описание), они в конце XV века все же привели к распаду государства на части. Возникло пять самостоятельных княжеств — Биджапур, Берар, Бидар, Голконда и Ахмаднагар, крупнейшим из которых был Биджапур. Вместе с Гуджаратом, делийский наместник которого в XV веке тоже провозгласил себя независимым султаном с шахским титулом, Биджапур на рубеже XV и XVI веков вел войны с португальцами, захватившими, в частности, биджапурский остров Гоа.

Виджаянагар возник практически почти одновременно с государством Бахманидов. Завоевав и присоединив к себе ряд независимых княжеств, он уже на рубеже XV и XVI веков превратился в крупное государство, равного которому на юге Индии еще не бывало. И хотя власть самого правителя-махараджи здесь была не слишком устойчива и в результате дворцовых переворотов одна династия сменяла другую, в целом централизованная администрация, многое заимствовавшая у своих северных мусульманских соседей, оказалась достаточ-

но прочной. Первый министр махапрадхан был здесь практически вариантом великого вазира. При нем существовал совет из глав ведомств и представителей князей, а также некоторых слоев населения, включая торговцев. Наместники-губернаторы не были всесильными владыками в своих областях; напротив, они подчинялись центру и обычно сменялись каждые два-три года. В обязанности их входило прежде всего строго следить за соблюдением порядка в финансовых делах. В округах, на которые делились наместничества, теми же полномочиями обладали чиновники, тоже в конечном счете ответственные перед центром.

Весьма сложными, хотя в целом опять-таки напоминавшими исламские, были формы землевладения. Если не считать полуавтономные княжества, где в основном, видимо, сохранялись традиционные формы вассальных связей (хотя и они могли кое-где трансформироваться под влиянием норм ислама), земли страны в основном были государственными и находились либо в непосредственном ведении казны, либо в условном владении воинов. Некоторые категории государственной земли дарились от имени правителей индуистским храмам и особенно часто — брахманам, что было типичной индийской традицией. Земли брахманов обрабатывали для них и арендовали у них члены общины, принадлежащие к низшим кастам. Статус наследственного арендатора (пайякари) приводил со временем к некоторой правовой неполноправности. Таких арендаторов было много, и именно за счет эксплуатации их труда содержались административный аппарат и почти миллионная армия махараджи.

Соперничая с мусульманскими государствами Декана, Виджаянагар порой прибегал к помощи и посредничеству португальцев. В Индии, как и в Китае, не было условий для разведения и выращивания лошадей — их обычно закупали, привозя издалека. В Индию они поступали в основном из Аравии и Ирана, причем этой торговлей как раз и ведали в XV — XVI веках преимущественно португальцы. Махараджи Виджаянагара ценой немалых уступок добились от них монопольного права покупать привозных лошадей, что заметно усилило их армию, где конница стала основной боевой силой.

Наиболее успешным в политическом плане было правление махараджи Кришна Дева Райи (1509 — 1529), который, заручившись поддержкой португальцев, вел успешные войны с Биджапуром и сумел превратить Виджаянагар в богатейшее из индийских государств. Но уже после его смерти, в 1565 году, в битве при Таликоте армия Виджаянагара была разгромлена соединенными силами северных султанатов, с чего начался постепенный упадок его могущества. К началу XVII века Виджаянагар превратился в небольшое княжество, которое затем было поделено между Биджапуром и Голкондой.

Империя Великих Моголов (1526 — 1707)

В 1526 году тимурид Бабур, выходец из Моголистана (восточная часть Средней Азии) и в прошлом правитель Ферганы, затем Кабула, вторгся в Индию. Его хорошо вооруженная мушкетами и пушками армия, в которой важная роль была отведена коннице, в двух больших сражениях разгромила последнего из делийских султанов и ополчение раджпутов, после чего заняла значительную часть долины Ганга. Так было положено начало империи Великих Моголов, объединившей под своей властью в пору расцвета почти всю Индию.

Сам Бабур, вошедший в историю как просвещенный правитель, историк и поэт, автор знаменитого «Бабур-наме», правил в Индии недолго. Уже в 1530 году его сменил на троне сын Хумаюн. Однако спокойно править ему не пришлось, поскольку наследство отца у него тут же принялись оспаривать братья, и в результате оно не досталась ни им, ни ему, а правителю Бихара и Бенгалии Фариду Шер-хану, выходцу из осевшего на востоке Индии афганского племени сур, который, уловив момент, захватил власть в Дели и заставил Хумаюна искать убежище в Иране.

Приняв титул шаха, Шер-шах энергично взялся за дело. За недолгие годы правления (1540 — 1545) он провел несколько магистральных дорог с караван-сараями, связавших Дели с Бенгалией, Раджпутаной, Индом и т. п., упорядочил земельные отношения (при нем было начато составление генерального кадастра земель) и систему налогов. Неожиданная смерть Шер-шаха и борьба его наследников за престол были с вы-

годой использованы Хумаюном, который в 1555 году вернул себе трон в Дели. Но уже через год он в результате несчастного случая погиб, а власть досталась его тринадцатилетнему сыну Акбару.

Правление падишаха Акбара (1556 — 1605) было золотым веком империи Великих Моголов. Укрепив власть на севере, включая Пенджаб, Акбар заручился поддержкой значительной части воинов-раджпутов (с некоторыми предводителями раджпутов он породнился, включив раджпутских княжон в свой гарем) и вскоре овладел практически всей Раджпутаной. Затем к империи были присоединены Гондвана, Гуджарат, Бенгалия, Кашмир, Орисса. Таким образом, почти вся Северная Индия оказалась под властью Акбара.

Продолжив реформы, начатые еще Шер-шахом, Акбар провел ряд новых, заложивших прочные основы управления страной. Был закончен генеральный земельный кадастр и четко определены суммы налогового сбора с каждого из районов. Крупные земельные владения — джагиры — были отданы на правах условного ненаследственного служебного владения военачальникам-джагирдарам, что приносило им огромные доходы. На эти деньги джагирдары, которых при Акбаре было около двух тысяч, обязаны были содержать отряды воинов численностью от 100 до 5 тысяч человек — в соответствии с размером джагира.

Кроме джагиров существовали и владения вассальных князей-заминдаров, плативших в казну дань и самостоятельно распоряжавшихся всеми остальными доходами. Эти правители были наследственными владельцами своих княжеств, в которых как бы в миниатюре воспроизводилась та же схема, что и в империи в целом: часть земли принадлежала лично князю, доход от нее шел в его казну, тогда как остальные земли отдавались в условное владение воинам и чиновникам.

Небольшое количество земли, около 3 процентов, было в собственности мусульманского духовенства, немного земли находилось во владении индуистских храмов. Земли такого типа обладали налоговым иммунитетом, что вполне соответствовало общему духу религиозной терпимости, которому следовал Акбар, отменивший ущемляющую права немусульман джизию и попытавшийся даже к концу жизни создать нечто

вроде синтетической религии, призванной ликвидировать религиозные разногласия среди его подданных.

Сын Акбара Джахангир (1605 — 1627) продолжил активную внешнюю политику отца, он вел войны в Декане и выступил против сикхов в Пенджабе. Наибольшим успехом Джахангира, а точнее, его сына Шах Джахана, командовавшего армией, была победа над сильной армией султана Ахмаднагара, ядром которой была конница маратхов. Взойдя на трон отца, Шах Джахан (1627 — 1658) пытался продолжить свой успех и в 1632 году полностью подчинил себе Ахмаднагар, а Биджапур и Голконда признали себя вассалами Моголов. Это означало, что практически вся территория Индии попала под власть империи. Но дни ее уже были сочтены.

Преемником Шах Джахана был его сын, кровавый деспот Аурангзеб, заключивший в темницу отца. Аурангзеб правил долго (1658 — 1707) и оставил по себе дурную память. Мало того, с его смертью империя фактически распалась, перестала существовать как влиятельная сила, причем такому результату в немалой степени содействовала политика самого императора.

Будучи ревностным мусульманином-суннитом, Аурангзеб энергично преследовал как индусов, так и шиитов. Религиозные преследования вызвали резкое сопротивление населения, а это сильно ослабило ту базу, на которую мог опереться правитель. Кроме того, в его правление резко уменьшились доходы джагирдаров, чьи владения в ходе постоянного разукрупнения и роста дополнительных поборов в казну приносили все меньше дохода, — все это весьма напоминает аналогичный процесс, происходивший примерно тогда же с тимариотами в Османской империи. Следствием всего этого стали нарушения в работе многих хозяйств и в конечном счете страшный голод, который разразился в начале XVIII века. Только в Декане в 1702 — 1704 годах голодной смертью погибли около 2 миллионов человек.

Всему этому сопутствовали неудачи в попытках подавить сепаратистские движения на окраинах империи. Так, резко выступив против сикхов, Аурангзеб не только вызвал взрыв яростного сопротивления с их стороны, но и спровоцировал возникновение воинской организации сикхов, справиться

с боевой мощью которой он был уже не в состоянии. В Махараштре, районе расселения маратхов, которые становились все более грозной силой в антимогольском движении, тоже возникло весьма боеспособное войско во главе с Шиваджи. Если вначале Шиваджи со своими воинами служил то султану Ахмаднагара, то правителю Биджапура и не имел собственных политических амбиций, то затем, усилившись, он создал собственное государство. Установив сравнительно легкие налоги с собственного маратхского населения, государство Шиваджи начало богатеть за счет военной добычи. Аурангзеб пытался покончить с маратхской вольницей, но безуспешно. Столь же безуспешно стремился он усмирить и восставших против него раджпутов. И хотя к концу жизни Аурангзеб все же сумел формально подчинить себе Махараштру, маратхи, как и раджпуты, окончательно побеждены не были. Сразу же после смерти Аурангзеба его империя стала агонизировать, чем не преминули воспользоваться все те, кто не был заинтересован в сильной власти в Индии. Едва ли не первыми среди них были англичане.

Англичане в Индии (XVIII — середина XIX века)

Еще в XIV — XV веках, когда мусульманские и иные купцы стали вести активную торговлю индийскими товарами и товарами, шедшими транзитом через Индию, на побережье было построено множество удобных морских портов. Обилием этих портов среди прочих славился Гуджарат, чьи купцы наладили регулярный контакт со странами южных морей и, кроме прочего, способствовали распространению там ислама. Расширение морской торговли стало одним из факторов, предопределивших быстрые темпы развития Южной Индии. Именно в это время с юга Индии и транзитом, через ее морские порты, из стран южных морей, стали проникать в Европу экзотические товары и пряности. Благодаря этому в Европе сложилось представление о сказочных богатствах Индии. Позарившиеся на эти богатства весьма энергичные европейцы стали организовывать в Индию одну за другой экспедиции. В результате одной из них, как мы знаем, была открыта Америка.

Первыми достигли Индии португальцы, которые на рубеже XV и XVI веков взяли под свой контроль торговые пути, на-

чали строить фактории, создавать новые поселения и порты и даже активно вмешиваться в борьбу местных правителей. Вслед за ними появились голландцы, которые, правда, сконцентрировали свои усилия на эксплуатации ресурсов богатой пряностями так называемой Голландской Индии, то есть Индонезии. После этого пришла очередь французов, англичан и всех прочих. Началась эпоха колонизации Индии и прилегающих к ней районов Азии.

Для самой Индии эта эпоха совпала с периодом короткого расцвета и быстрого упадка, а затем и развала империи Великих Моголов, в качестве наследников которых и претендентов на сильную власть выступило сразу несколько государств, одним из которых была держава маратхов, где в начале XVIII века власть попала в руки так называемой династии пешв (пешвы были вначале первыми министрами в государстве Шиваджи и его потомков). Маратхи питали честолюбивые замыслы занять трон в Дели и, пожалуй, имели для этого определенные основания. Их армия была одной из лучших в Индии, и само имя маратхов наводило на всех страх. Но как раз тогда, когда казалось, цель вот-вот будет достигнута, с севера в Индию вторгся иранский Надир-шах, который в 1739 году разгромил войско маратхов (именно их войско, а не войско Моголов, которые в это время вообще уже не могли выставить сколько-нибудь боеспособную армию), разграбил Дели и увез в Иран веками копившиеся сокровища казны, включая драгоценности падишахов. Попытки оправившихся от поражения маратхов совершить поход на север натолкнулись на встречные экспедиции в Индию правителя Дуррани Ахмад-шаха, который в 1739 году был в Индии вместе с армией Надира и затем решил, став независимым правителем, исполнить то, чего не сумел сделать в свое время Надир, то есть завоевать слабую и раздираемую распрями богатую Индию. Однако пять походов Ахмад-шаха (1748 — 1758) не принесли ему успеха, причем главной причиной этого стало героическое сопротивление стоявших у него на пути сикхов. Тем не менее в битве с маратхами Ахмад-шах, как и прежде Надир, вышел победителем, после чего надежда маратхов на трон в Дели была окончательно похоронена.

Вторым крупным государством, выступившим на политическую арену после развала империи Моголов, была Бенгалия, наместник которой в 1713 году объявил себя независимым правителем. Затем, в 1717 году, то же самое сделал наместник Хайдарабада. В 1739 году от Моголов отделилось государство Ауд с центром в Лакхнау. И наконец, уже во второй половине XVIII века, на юге страны возникло могущественное государство Майсур, правитель которого Хайдар Али (1761 — 1782) с помощью французов реорганизовал свою армию, положившись на отряды из хорошо обученных наемных офицеров и солдат, вооруженных мушкетами и пушками. То, что у Хайдара Али, а затем у его сына Типу-султана оказалась едва ли не самая боеспособная армия в Индии, сыграло свою роль в последующих событиях. Типу-султан главной целью своей жизни поставил выбить из Индии уже прочно обосновавшихся там англичан, причем одно время он был близок к ее достижению.

С конца XVII века и особенно в XVIII веке, ознаменовавшемся развалом империи Моголов, англичане явно стали выходить в Индии на первое место среди колониальных держав, оттеснив и всех тех, кто претендовал на наследство Моголов в самой стране. Действуя традиционным методом «разделяй и властвуй», они не очень-то церемонились в средствах: вмешивались в политические распри, выдвигали своих ставленников и помогали им захватить власть, обязывая их после этого выплачивать астрономические суммы английской Ост-Индской компании, которая была, пожалуй, в тех условиях наиболее удачной формой проникновения в Индию и закрепления в ней.

Налоговый гнет в Бенгалии, где позиции англичан в XVIII веке были всего прочнее и откуда они, по существу, и начали свое завоевание Индии, был особенно тяжелым, порой невыносимым. Компания добилась у правителя Бенгалии важных привилегий, включая освобождение от торговых пошлин, что поставило англичан и действовавших по их поручению индийских и иных купцов в привилегированное положение. По некоторым данным, за период 1757 — 1780 годов Англия вывезла из Индии почти безвозмездно в виде товаров и монет 38 миллионов фунтов стерлингов — немалую по тем време-

нам сумму. А когда энергичный новый правитель Бенгалии Мир Касим (кстати, обязанный своей должностью поддержке англичан) попытался было ценой невероятных усилий выплатить свой долг компании и ликвидировать предоставленные ей привилегии, компания выдвинула против него целую армию, разбила его и заменила более покладистым правителем.

Основу армии компании составили сами же индийцы. Еще французы в свое время первыми наладили практику использования специально обученных индийских войск — сипаев — во главе с французскими офицерами. Сипаи прекрасно себя зарекомендовали, и англичане, взяв эту схему за образец, приступили к созданию собственных отрядов. Со временем они стали извлекать из сипайских отрядов двойную выгоду, сдавая их внаем, как то было с ландскнехтами в средневековой Европе. Заинтересованное в военной силе княжество заключало с Ост-Индской компанией договор, согласно которому англичане в обмен на сипаев получали ряд прав и привилегий. Таким образом, компания выкачивала из Индии на пользу себе и Англии гигантские средства.

С конца XVIII века английский парламент стал все активнее вмешиваться в дела компании, принимая все новые и новые акты, каждый из которых усиливал ее зависимость от правительства. А в августе 1858 года был принят закон, согласно которому власть в Индии перешла к представителю Англии в статусе вице-короля, обязанному действовать под непосредственным контролем парламента и правительства. Собственно, именно с этого времени Индия стала в полном смысле колонией Великобритании. Как же англичанам удалось этого добиться?

Как уже упоминалось, англичанам противостояли крупные и достаточно могущественные державы — Майсур с боеспособной армией, воинственные маратхи, Хайдарабад и некоторые другие государства. Но слабость их была в том, что действовали они разрозненно, даже порой воевали друг с другом и тогда обращались за помощью к англичанам. Неудивительно поэтому, что Ост-Индская компания постепенно, шаг за шагом, округляла свои владения. После того как был разгромлен Майсур, захвачен в 1803 году Дели, а в 1819 году полным

подчинением маратхов закончилась третья англо-маратхская война, на милость англичан сдались почти все индийские государственные образования.

Завоевание Индии англичанами привело к решительной ломке ее традиционной структуры, причем сразу в нескольких весьма важных аспектах. Богатые доходы, прежде оседавшие в хранилищах султанов и князей и тратившиеся на престижное потребление ими самими и их окружением, теперь в основном шли в казну компании и в немалом количестве вывозились в метрополию. Сокращение престижного потребления вызвало кризис в работавшем на него ремесленном производстве высшей квалификации. Многие лучшие мастера лишились работы, стали разоряться, что не могло не вызвать общего упадка ремесел. К этому стоит добавить, что с начала XIX века Индию стали наводнять дешевые английские ткани промышленной выделки, ввоз которых подорвал позиции еще одной большой группы ремесленников — всех тех, кто так или иначе был связан с ткачеством.

На смену традиционным шли новые формы отношений. Индия активно включалась в мировой рынок, втягивалась в международные торговые связи. Англичане строили здесь железные дороги, налаживали регулярную почтовую связь, возводили промышленные предприятия, создавали бюрократическую администрацию. С одной стороны, это вело к колонизации страны, к превращению ее в аграрно-сырьевой придаток Англии, к налоговому гнету, разорению ремесленников и крестьян, к страданиям многих людей. С другой — этот болезненный процесс активно способствовал развитию страны, знакомил ее с новыми формами связей и отношений, с производством машинного типа, с основами науки и техники. Англичане, и особенно английский язык, стали служить чем-то вроде интегрирующего начала, помогающего сплачивать говорящую на разных языках страну в нечто единое и цельное. А это, в свою очередь, с XIX века, особенно со второй его половины, стало основой для становления национального самосознания в Индии и развития национальных движений.

Глава 8

Китай в раннем Средневековье: эпоха Хань и кризис империи

В конце III века до н. э. Китай поразил жестокий экономический и социальный кризис. Катастрофически сократилась численность населения. Поля были заброшены, в стране царил голод. Империя Цинь рухнула, и Лю Бану, основателю новой династии Хань, многое приходилось начинать с самого начала. Собственно, в этом времени и находятся истоки китайской конфуцианской империи, так что можно в качестве условной грани между древностью и Средневековьем выбрать рубеж между империями Цинь и Хань.

Формирование основ китайской конфуцианской империи при Хань

Свое правление Лю Бан начал с серии указов и реформ, направленных на восстановление порядка в империи. Прежде всего он отменил систему легистского* законодательства с ее казарменной дисциплиной и жестокими наказаниями провинившихся. Была объявлена широкая амнистия, а все вернувшиеся в родные места обретали прежний статус и ранг, им возвращались их поля и дома. Были освобождены многие государственные и частные рабы. Налог с крестьян был снижен до пятнадцатой, а затем даже до тридцатой доли урожая, а солдаты армии Лю Бана освобождались от налогов на двенадцать лет. Правда, взамен власти ввели подушную подать с населения, которую должны были платить все совершеннолетние, в возрасте от 15 до 56 лет.

Империя, как и в эпоху Цинь, была поделена на области, уезды и волости, причем представители общин получили даже большее, чем ранее, представительство в управлении волостями и уездами, где они теперь стали своего рода опорой вла-

* Легизм — философская школа периода Чжаньго (Сражающихся царств) истории Китая, сформировавшаяся в IV — III веках до н. э., известна также как «Школа законников».

сти, сотрудниками уездного начальника. Столь же резко, как и циньские правители, — а кое в чем даже и резче, — ханьские императоры ограничили частных собственников. Богатые купцы облагались тяжелыми налогами, причем всем богачам, не имевшим престижного социального ранга, было запрещено пользоваться каретами, одеваться в шелка и тем более занимать государственные должности. По-прежнему резко выделялись статусом и местом в обществе чиновники, большинство которых ориентировалось на конфуцианские нормы, связанные с культом высокой (нередко лишь показной) морали, уважением к традициям и семейно-родовым связям.

Значительная часть земель была пожалована в виде наследственных уделов родственникам и приближенным Лю Бана. После его смерти в 195 году до н. э. стала очевидна недалекость этого акта. Владельцы уделов стали все очевидней проявлять сепаратистские тенденции. Дело кончилось мятежом нескольких из наиболее крупных удельных правителей, с трудом подавленным императором Цзин-ди, который после этого сильно ограничил права владельцев уделов, запретил им иметь свое войско и назначать в уделах своих чиновников. В результате этих нововведений наследственные владения к середине II века до н. э. превратились в нечто вроде кормлений с весьма ограниченными правами их владельцев. Окончательный удар по удельным владениям нанес знаменитый ханьский император У-ди, крупнейший и известнейший из правителей Хань. Именно У-ди в 121 году до н. э. издал специальный указ, согласно которому наследственные уделы должны были обязательно делиться между всеми многочисленными детьми их владельцев. Этот указ практически ликвидировал и без того не слишком устойчивый в Древнем Китае принцип майората (точнее — право одного, необязательно старшего, чаще выбранного отцом наследника на родовое владение).

Во времена У-ди ханьская империя была поделена на 102 области с ответственными перед центром губернаторами. Для выкачивания денег из разбогатевших частных собственников была возобновлена система откупов и продажи рангов. У-ди ввел государственную монополию на выплавку железа и добычу соли, чеканку монет и изготовление вина (здесь ча-

сто как раз и действовала система откупов). Были проведены крупные конфискации земли и рабов у чересчур разбогатевших собственников. Вместе с тем некоторым из них предоставили возможность занимать определенные должности, как правило, при условии, что это будет ими хорошо оплачено. Словом, вся система администрации У-ди была скорректирована таким образом, чтобы максимально усилить государство, сделать наиболее эффективной центральную администрацию и выкачать как можно больше средств из кармана частных собственников, предоставляя некоторым из них за это определенные, до того запретные, для них привилегии.

Суть этого процесса в гармоничном синтезе легизма и конфуцианства на конфуцианской основе. Для такого синтеза были, несмотря на кажущиеся антагонизмы между обеими враждующими доктринами, немалые объективные причины. Обе доктрины были социально ориентированными, рационалистичными, обе ставили во главу угла благо государства и народа и считали министров и чиновников важнейшим инструментом осуществления этой политики. Суть различий между ними сводилась к тому, что легисты размахивали кнутом, дабы покорить своей воле не понимающий собственного блага народ, тогда как конфуцианцы делали упор на пряник, стремясь управлять с помощью обрядов, ритуалов, этики и традиций. В синтезированном ханьском конфуцианстве нашли свое место и легистский кнут, и конфуцианский пряник, причем и то и другое — во имя единой общей цели, то есть укрепления централизованной администрации сильного государства, которая к тому же опиралась не только и не столько на насилие, сколько на веками отработанные нормы, традиции, на апробированную систему социальных и моральных ценностей.

У-ди вел активную внешнюю политику. При нем на севере были потеснены гунны, на юго-западе присоединена территория протогосударства Намвьет, на востоке захвачена часть Кореи. Но наибольшим успехом внешней политики У-ди следует считать путешествия Чжан Цяня, проникшего в поисках союзников против гуннов далеко на запад и описавшего многие страны Средней Азии (Фергана, Бактрия, Парфия и др.). После возвращения Чжан Цяня вдоль пройденного

им маршрута была проложена торговая дорога — знаменитый Великий шелковый путь. Восточно-туркестанская часть этого пути с лежавшими вдоль него небольшими оазисами-протогосударствами была на некоторое время подчинена ханьской власти, распространившей свое влияние до припамирских районов. Торговля по Великому шелковому пути способствовала интенсивному культурному обмену: на запад, в Рим, шли китайские шелка и другие раритеты, на восток, в Китай, — некоторые сельскохозяйственные культуры (виноград, гранаты), изысканные изделия (стекло, драгоценности, пряности), подчас даже диковинные звери. Но наиболее ценившимся предметом китайского импорта из Средней Азии были знаменитые ферганские аргамаки. Собственно, с желания заполучить этих столь высоко ценившихся в Китае лошадей и начались походы У-ди на Фергану.

После смерти У-ди ханьский Китай вступил в затяжную полосу стагнации, а затем кризиса и упадка. В обстановке углублявшегося административного хаоса все большую силу приобретали так называемые сильные дома, то есть богатые землевладельческие аристократические кланы. Начиная с Хань, многие крупные чиновники вкладывали свои доходы в землю и тем самым становились частными собственниками. В условиях эффективной власти центра любой собственник четко сознавал, что его статус и престиж зависят от причастности к власти, тогда как его интересы собственника при этом второстепенны. Несколько иначе складывалась ситуация в условиях кризиса. Как представитель аппарата власти, чиновник должен был ограничивать интересы собственников, включая и собственные интересы. Но коль скоро казна пустела, а жалованье выдавалось нерегулярно или не полностью, чиновник, во-первых, начинал жестче давить на земледельцев, обирая крестьян, и без того обедневших, что вело к дальнейшему разорению деревни и углублению кризиса, а во-вторых, оказывал все большее внимание интересам частных собственников — в конечном счете своим собственным.

Неустойчивости власти способствовало отсутствие устоявшейся системы комплектования аппарата чиновников: с одной стороны, со времен У-ди в ряды бюрократической элиты выдвигались лучшие ученики столичной конфуцианской

школы Тай-сюэ, с другой — все высокие должностные лица имели своих протеже, что сильно сказывалось на качестве администрации.

В самом общем виде критерий качества чиновника был незыблем с древности — в аппарат выдвигались «мудрые и способные». Но чтобы оценить кандидата на должность, требовались сведения о нем, то есть мнения знающих его людей. Так возник в ханьском Китае институт «общего мнения», просуществовавший несколько веков. Понятно, что на местах, откуда, собственно, и начиналось выдвижение кандидатов на должность, выразителями «общего мнения» оказывались не только в первую очередь, но практически почти исключительно те самые представители местной элиты, сильных домов. Имея возможность в хороших домашних условиях оттачивать свои конфуцианские добродетели и соперничая за право сделать служебную карьеру, они активно выдвигали на вакантные должности кандидатов из своей среды.

Постепенное тесное слияние, даже фактическое сращивание местной элиты с низшей (а затем и не только низшей) бюрократией в условиях ослабления эффективности централизованной администрации вело к перемещению центра тяжести политической жизни страны с центра на периферию. Местные сильные дома владели немалыми землями и большим количеством зависимых людей, прежде всего так называемых гостей (бинькэ, дянькэ, инкэ), работавших на земле хозяина в качестве арендаторов, батраков, подчас даже рабов, а также использовавшихся в качестве слуг и стражников. Словом, ситуация для молодой, институционально только складывавшейся империи была весьма затруднительной, в некоторых отношениях критической. Только решительные реформы могли выправить дело.

Реформы Ван Мана и крушение первой династии Хань

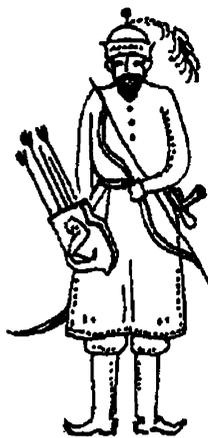
Первая попытка реформ была предпринята в годы правления малолетнего Ай-ди, незадолго до начала нашей эры. Эту попытку постигла неудача, что и подстегнуло к решительному шагу Ван Мана, родственника одной из императриц, влия-

тельного придворного и ревностного конфуцианца. Отчетливо понимая причины кризиса и явственно сознавая, что сил у него мало, он тем не менее решился на крутые меры. В 8 году Ван Ман низложил очередного ханьского императора, малолетнего Ин-ди, и провозгласил императором себя, основав тем самым династию Синь.

Основное содержание реформ Ван Мана сводилось к тому, чтобы любыми способами подорвать силу и влияние местных сильных домов и резко упрочить позиции государственной власти в империи. В качестве первой и главной меры все земли в стране были объявлены государственными, а свободная купля-продажа их была строго запрещена. Конфискованные таким образом земли предназначались для распределения между всеми земледельцами страны по принципу зафиксированной в трактате «Мэн-цзы» системы цзин-тянь. Эта идеальная система землепользования якобы практиковалась в древности и сводилась к тому, что каждый пахарь имел свое поле: центральное поле в квадрате из девяти участков по 100 му обрабатывалось восемью земледельцами совместно в пользу казны, за что каждый из восьми получал окраинные поля по 100 му в качестве личного надела. Утопичность системы не смутила Ван Мана, ибо главным для него был не строгий порядок в разделенных на квадраты полях, а сам генеральный принцип, заложенный в схему цзин-тянь, при котором не было места посредникам между земледельцами и казной.

Ван Ман также издал специальный указ о ликвидации частного рабства, запрещении купли и продажи рабов. И это тоже ударило по сильным домам с их рабами и крепкими патрон-клиентскими связями. Впрочем, Ван Ман не отменил рабство вообще, как институт. Напротив, он усилил значение государственного рабства; в казенных рабов стали обращать всех тех, кто нарушал новые законы либо противодействовал им и становился в глазах государства преступником. Кроме того, Ван Ман ввел государственные монополии на вино, соль, железо и даже кредит. Им были пущены в оборот новые по форме монеты, причем отливка этих монет тоже стала монополией государства.

Реформы Ван Мана по своей направленности были вполне разумными и при умелом проведении их в жизнь могли

иметь успех. Но слишком резкое и энергичное проведение их в жизнь, да еще в столь необычно утопических формах, которые являла собой система цзин-тянь, вызвало сильное сопротивление в стране, что привело ее в еще большее расстройство. Возможно, Ван Ман со временем сумел бы все это преодолеть и жесткой рукой навести нужный порядок. Однако судьба решила иначе: в 11 году случилось стихийное бедствие — своя равнина Хуанхэ изменила русло, и это привело к гибели сотен тысяч людей, затоплению многих возделываемых полей, разрушению поселков и городов. Для людей, воспитывавшихся в рамках определенной религиозно-культурной традиции, да и для самого Ван Мана, это означало, что само Небо недовольно и предупреждает о том. Ван Ман вынужден был не только открыто покаяться в своих действиях, но и отменить значительную часть изданных указов.

Противники его возликовали, а сторонники перестали надеяться на изменение к лучшему. Ситуация в стране с каждым днем становилась все запутаннее, кризис продолжал углубляться, разоренные крестьяне толпами бежали с насиженных мест, объединялись в отряды и поднимали одно за другим восстания, наиболее заметным из которых было восстание «краснобровых» (восставшие красили брови в красный цвет). В 23 году Ван Ман был свергнут и убит, а на смену ему пришел к власти представитель одной из ветвей дома Хань — Лю Сю.

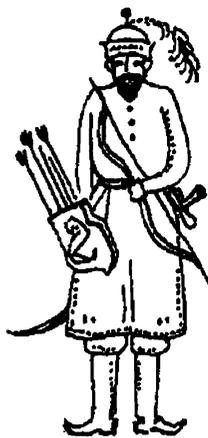
Вторая династия Хань (25 — 220)

Став императором и приняв имя Гуан У-ди, Лю Сю во многом продолжил начатые Ван Маном преобразования. Прежде всего он позаботился о том, чтобы крестьяне получили земли и успешно их возделывали, причем частично для этого были использованы пустующие земли государства и некоторых сильных домов. Эти меры дали результат, и экономика страны стала восстанавливаться. Вслед за ней стабилизировалась внешняя политика, что проявилось, в частности, в отражении нападения гуннов (сюнну) и открытии вновь для торговли Великого шелкового пути. Однако стабильность сохранялась сравнительно недолго. Уже с начала II века положение в стране опять начало ухудшаться.

Здесь уместно сказать несколько слов об особенностях китайского династийного цикла. Как правило, каждая династия сменяла предшествующую в обстановке тяжелого экономического кризиса, социальных неурядиц и ослабления центральной власти. Механизм цикла, в ходе которого возникал очередной кризис, достаточно сложен; здесь играли свою роль экономические и демографические причины, экологические и прочие объективные факторы. В самом общем виде дело обычно было связано со следующими процессами.

Китайская сельская община была разрушена еще в древности. Перед лицом казны каждый двор отвечал сам за себя, но казна была заинтересована в гарантированном сборе налогов и с этой целью искусственно поддерживала некоторые традиционные формы взаимной ответственности. Еще в циньской империи ввели метод круговой поруки, создав искусственные объединения дворов в пятидворки, в пределах которых каждый отвечал за выполнение налоговых и иных обязательств четырьмя остальными, вплоть до обязанности восполнять недобор за собственный счет. И хотя этот жесткий метод функционировал в империи не всегда, о нем вспоминали, когда следовало укрепить позиции власти. В частности, так было при Ван Мане. Причем перед лицом казны налогоплательщиками были все землевладельцы, в том числе и сильные дома. Исключение делалось лишь для некоторых категорий привилегированных лиц — для высших чиновников и родственников императора.

Соответственно существовали лишь две формы земельного владения — государственные (они же общинные) земли, на которых жили и работали обязанные нести различные повинности земледельцы, и казенные служебные земли, фонд которых предназначался для содержания двора, высшей знати и чиновничества. Земли первой категории чаще всего именовались термином минь-тянь (народные), второй — гуань-тянь (казенные, чиновные). Вторая категория была сравнительно небольшой, к ней относилось обычно не более 15 — 20 процентов земель. Предполагалось, что земли минь-тянь более или менее равномерно распределены между земледельцами, вследствие чего каждый пахарь имеет свое поле и платит налог в казну (земли гуань-тянь тоже обрабатывались крестьянами,

но налог с них шел их владельцу — чиновнику, двору и т. п.). Однако так было лишь в идеале. В реальности у одних земли было больше, у других меньше, богатые теснили малоимущих, правдами и неправдами присоединяли к себе их наделы и становились еще богаче, тогда как бедняки лишались последнего клочка земли («некуда воткнуть шило», по выражению китайских источников).

Пока крестьяне имели наделы, обрабатывали землю и платили ренту-налог в казну, структура китайской империи была крепкой и жизнеспособной. Но как только земли в значительном количестве сосредотачивались во владении богатых землевладельцев, ситуация менялась. Богатые владельцы, сдавая землю в аренду, обычно уменьшали налог, который должны были платить в казну. Они имели для этого немало возможностей: во-первых, из их числа выходили чиновники, в руках которых была власть (своя рука всегда владыка), во-вторых, они давали взятки тем же чиновникам, и те всегда готовы были помочь сильному дому не платить большую часть налога.

В результате казна получала все меньше средств, и государство постепенно сползало в кризис. Неурядицы в сфере экономики приводили к напряжению в социальных отношениях, что выливалось в восстания, правящие верхи теряли способность контролировать положение в стране и рано или поздно свергались новыми претендентами на власть. И все начиналось сначала.

Династийные циклы известны не только в Китае. Но в китайской истории они наиболее наглядны. Цикл завершался обычно воцарением новой династии, что вело к ликвидации кризиса отчасти за счет уничтожения в огне мятежей и войн богатых собственников, отчасти за счет общего уменьшения населения страны; каждый из уцелевших получал надел земли, дабы он мог работать и платить налоги, которые новые власти вначале, как правило, заметно снижали.

Можно добавить к сказанному, что иногда привычный цикл усложнялся за счет более или менее удачных реформ, с помощью которых кризис временно снимался усилиями сверху. В этих случаях цикл как бы прерывался посередине. Но вскоре процесс начинался заново и завершался как обычно. Первая династия Хань пала жертвой кризиса. Начало второй

династии Хань было связано с его преодолением. Но прошло немного более века — это довольно обычный срок в рамках династийного цикла, — и стабильность в ханьском государстве подошла к концу.

Процесс обезземеливания крестьян с начала II века шел все возрастающими темпами, как за счет поглощения земель богачами, так и за счет добровольной отдачи бедняками своих земель, себя и своей семьи под покровительство сильного дома с целью получения от него защиты в смутное время. Явление это, хорошо знакомое и другим обществам в периоды феодальной раздробленности и междоусобиц, приводило к формированию устойчивых патрон-клиентских связей, что в конечном счете опять-таки усиливало позиции сильных домов и ослабляло позиции казны. Процесс протекал на фоне острого политического кризиса в ханьском императорском доме: начиная со II века власть правителей ослабевала за счет усиления временщиков из числа родни влиятельных императриц. Активную роль в политике играли евнухи — смотрители гарема. Усиление временщиков и евнухов (иногда это был один и тот же человек) влекло за собой неизбежное ослабление позиций служилой конфуцианской бюрократии. В 60 — 70-е годы II века борьба между чиновниками и сочувствовавшими им конфуцианцами, с одной стороны, и временщиками и евнухами — с другой, обострилась до предела. Страна была на грани политического краха.

Именно в это время начал набирать силу социальный протест, принявший форму сектантского движения под лозунгами религиозного даосизма, в центре которого оказались извечные крестьянские идеалы «великого равенства» (тай-пин) и надежды на мистические методы достижения долголетия и бессмертия. Глава секты «Тайпиндао» Чжан Цзюэ, прославившийся искусством врачевания и, по преданию, спасший в тяжелые годы эпидемии множество веривших в его чудодейственную силу людей, на рубеже 70 — 80-х годов неожиданно оказался во главе многочисленной и активной секты сторонников «желтого» неба, которое в 184 году (начало очередного 60-летнего цикла) должно было прийти, по представлению сектантов, на смену погрязшему в пороках «синему» небу Хань. Покрывшие свои головы желтыми повязками адепты

секты планировали именно в этот сакральный момент поднять восстание, что особенно и не скрывалось.

Власти попытались было предупредить восстание, которое вследствие этого началось преждевременно, и это сказалось на его ходе и результатах. Первые успехи восставших оказались недолгими, и в конечном счете они потерпели поражение. Однако это оказалось пирровой победой для Хань: в ходе подавления рассеявшихся по стране мятежников и во всей последовавшей за этим политической борьбе имперская администрация и двор перестали играть хоть сколько-нибудь значимую роль, а на первый план выдвинулись военачальники, опиравшиеся на сильные дома. Можно считать, что с этого момента — с конца II века — ведущей силой в политической жизни Китая на несколько веков стали военные.

Эпоха Троецарствия (220 — 280) и империя Цзинь

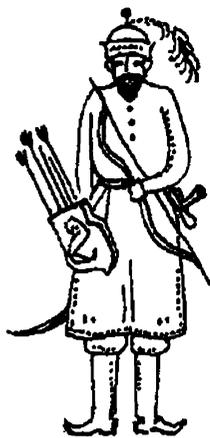
Конец II и начало III века прошли в Китае под знаком внутрисполитических междоусобиц. Один из наиболее удачливых полководцев, знаменитый Цао Цао, господствовал на севере, в бассейне Хуанхэ, где в 220 году его сын Цао Лэй провозгласил себя правителем государства Вэй. Другой полководец, Лю Бэй, претендовавший на родство с правящим домом Хань, вскоре объявил себя правителем юго-западной части страны Шу. Третий, Сунь Цюань, стал правителем юго-восточной части Китая, царства У. Возник феномен Троецарствия, короткая история которого овеяна в китайской традиции ореолом рыцарского романтизма — достаточно напомнить об одноименном романе, написанном тысячулетие спустя и красочно, в героических тонах повествующем о событиях III века.

К этому времени страна, разоренная долгими десятилетиями восстаний и междоусобиц, безвластия и насилия, уже забыла о спокойной жизни. Даже в землепользовании едва ли не главной формой стали так называемые военные дворы (в царстве Вэй, по некоторым данным, они составляли до 80 процентов податного населения) и военные поселения. В военные дружины превратились и клиенты сильных домов — да и как иначе можно было защитить себя и свое имущество в смутное время? Все это возродило в среде китайской

образованной части населения феномен рыцарского романтизма, столь характерный в свое время для периода Чуньцю, в VII — VI веках до н. э. и прославленный в историографической конфуцианской традиции. Идеи верности и преданности патрону до гроба, культ рыцарской этики и аристократизма, боевое братство и спаянность единомышленников-друзей стали в суровых условиях первоосновой реального бытия, но структура китайского общества осталась прежней. Причиной этого было давно уже устоявшееся конфуцианское отношение к миру и обществу и соответствующим образом ориентированные политические институты.

В традиционном китайском обществе статус военного не был почетен. Существовала поговорка: «Из хорошего металла не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты». В отличие от других восточных обществ, от Турции до Японии, включая арабов, индийцев и многих других с их джагирдарами, тимариотами, самураями и т. п., китайцы никогда не ценили воинов-профессионалов. Их армия обычно набиралась из деклассированных элементов (откуда и приведенная выше поговорка) и возглавлялась малообразованными в конфуцианском смысле и потому не очень уважаемыми обществом военачальниками. Только в те годы, когда военная функция оказывалась ведущей, ситуация менялась. Но как только нужда в большой армии исчезала, все возвращалось на круги своя.

И наоборот, в Китае всегда, даже в периоды смут и усобиц, высоким социальным статусом и соответствующим престижем пользовались грамотные и образованные конфуцианцы — знатоки истории и ценители поэзии, люди мудрые и ученые, хорошо знакомые с тонкостями нормативной этики и пышного, детально разработанного китайского церемониала. Собственно, речь идет о том самом слое служивых ши, который сформировался еще в Чуньцю и из которого вышли мудрецы, министры и реформаторы Древнего Китая. Постепенная концентрация представителей этого слоя в бюрократическом чиновничестве и сильных домах привели к появлению нового качества, то есть к превращению древних служивых ши в тип духовной элиты страны, чье поведение и чьи идеи призваны отражать и формулировать общественное мнение, причем обычно в его самой бескомпромиссной

и теоретически рафинированной форме (так называемая чистая критика). Таким образом, выработывался жесткий стереотип, носителями которого были аристократы конфуцианского духа и который с честью выдержал испытание временем, содействуя каждый раз возрождению конфуцианской китайской империи.

Краткий период Троецарствия, приведший к образованию двух самостоятельных государств на слабо освоенном до того юге Китая, способствовал его освоению. Далекое не случайно именно в южных царствах, особенно в лесных и горных районах Шу, военная доблесть полководцев Чжугэ Ляна или Гуань Юя (впоследствии обожествленного) имела особый смысл. Что касается внутривосточных событий, то наиболее драматический характер они имели в Северном Вэй, где потомки Цао Цао уже к середине III века утратили власть. В 265 году она перешла к могущественному клану полководца Сыма Яня, который основал здесь новую династию Цзинь и в 280 году подчинил себе Шу и У, объединив под властью Цзинь весь Китай, правда, лишь на несколько десятилетий.

Объединение страны функционально было как бы концом очередного династийного цикла, что и нашло свое отражение в реформах Сыма Яня: согласно декрету от 280 года, все население страны получило наделы (по 70 му — мужчины; по 30 му — женщины) и за это обязано было обрабатывать землю в пользу государства (по 50 му — мужчины; по 20 му — женщины). Условия пользования наделами, как они изложены в источниках, не вполне ясны и вызывают различное толкование специалистов. Но несомненно: указ о введении наделной системы был направлен на то, чтобы подорвать позиции частного землевладения сильных домов и предоставить всему населению страны возможность получить землю от государства на выгодных условиях.

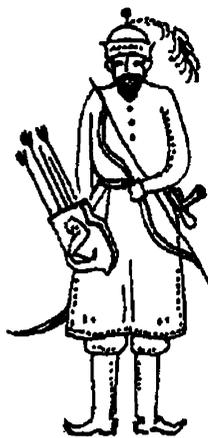
В данном случае, однако, реформа успеха не принесла. Во-первых, потому, что одновременно с ней Сыма Янь, действовавший по традиции, имел неосторожность выделить своим родственникам крупные автономные уделы, превратившиеся вскоре в государства в государстве, что послужило после смерти основателя династии причиной мятежа («мятеж восьми ванов»), подавленного лишь в начале IV века. Во-вторых,

из-за того, что у правителей новой династии практически не было ни времени, ни сил, чтобы проследить за проведением реформы по всей стране, ибо с начала IV века в Северный Китай стали вторгаться одно за другим кочевые племена, вследствие чего империя Цзинь прекратила свое существование, а на смену ей пришел период южных и северных династий Нань-бэй чао.

Китай в период Нань-бэй чао (IV — VI века)

Существует теория, суть которой сводится к тому, что циклические колебания климата, весьма сурово сказывавшиеся на образе жизни кочевников (холода — нехватка трав — бескормица и падеж скота), временами буквально толкали кочевые племена на перемену привычных мест и условий существования. Сами по себе такие перемещения для кочевников несложны и не несут угрозы окружающим. Но в исключительных ситуациях (гунны при Аттиле или монголы при Чингисхане) это могло повлечь за собой далеко идущие последствия. Нечто в этом роде произошло в Китае: кочевые племена северной степной полосы, уже с Хань частично кочевавшие под строгим контролем властей в северокитайских степях южнее Великой стены, с начала IV века стали проявлять невиданную прежде активность и склонность к массовым перемещениям на юг, в зону земледельческого хозяйствования, которая явно не соответствовала привычным для них условиям.

Сначала это было нашествие гуннов (сюнну), которые в 311 году заняли Лоян, а в 316 году — Чанань, после чего владения Цзинь остались лишь на юге и юго-востоке страны, в результате чего династия изменила свое название на Восточную Цзинь (317 — 420). Затем в Китай вторглись другие племена — сяньбийцы, цяны, цзе, ди и т. п. Они шли волнами, причем после каждой волны в Северном Китае возникали новые царства и правящие династии, которые иногда даже сосуществовали. «Шестнадцать царств пяти северных племен» — так говорят о них китайские источники. Для всех этих династий-царств, принимавших классические китайские названия (Чжао, Янь, Лян, Цинь, Вэй, Хань, Дай и др.), были характерны две политические тенденции.

Первая — это варваризация привычного для оседлых китайцев образа жизни, включавшая невиданный в конфуцианском Китае разгул жестокости, произвола, пренебрежения к жизни человека, вплоть до массовых убийств, не говоря уже о заговорах, казнях и поголовном истреблении проигравших противников с их семьями при дворах новых правителей. Эта варваризация вызывала рост межплеменной вражды и массовое бегство китайцев на юг, в Восточную Цзинь. Вторая тенденция имела обратный характер и сводилась к тяге воцарившихся вождей кочевников к китайской культуре, что вело к постепенной китаизации иноземных захватчиков, к тому же охотно бравших себе в жены китайянок. С течением времени именно эта тенденция стала ведущей. И хотя с каждой очередной волной иноземного нашествия эффект варваризации как бы возрождался, в конечном счете все волны были погашены мощью китайской конфуцианской цивилизации.

Нет слов, IV век оставил свои следы и в ней. Однако не стоит придавать слишком большое значение воздействию кочевников на Китай, как то подчас делается. Эффект китаизации в конечном счете не только нейтрализовал кратковременный процесс варваризации Северного Китая — больше того: под воздействием китайской культуры наводнившие Северный Китай кочевники в V — VI веках окитаились настолько, что к концу VI века их потомки стали обычными китайцами. По меньшей мере с Хань в Китае бытовал афоризм: «Можно завоевать империю, сидя на коне, но нельзя управлять ею, сидя на коне». Воздействие китайской культуры рано или поздно заставляло кочевников слезть с коней и приводило к их ассимиляции.

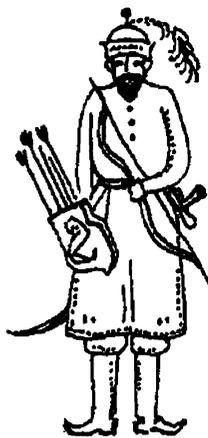
В конце IV века политической раздробленности и междоусобицам на севере пришел конец: вождь одного из сяньбийских племен Тоба Гуй захватил власть на территории всего бассейна Хуанхэ и основал династию Северная Вэй (386 — 534). Ликвидировав соперников, правители этой династии стали проводить энергичную внутреннюю и внешнюю политику. В борьбе с южнокитайским государством Сун они одерживали успех за успехом, достигнув к концу V века низовьев Янцзы. Особо следует сказать об аграрной политике правителей из дома Тоба. Еще Тоба Гуй начал переселение

китайских земледельцев поближе к столице, дабы обеспечить снабжение ее зерном. Переселение было чем-то вроде наделения крестьян землей за счет государства. Эта практика длительное время отшлифовывалась, пока в конце V века после преодоления всех внутренних усобиц не наступило время для серии реформ в более широком масштабе.

Согласно указу от 485 года была официально возрождена введенная двумя веками ранее Сыма Янем надельная система. Мужчинам раздали по 40, женщинам — по 20 му, но к семейному наделу добавились теперь дополнительные наделы на вола или раба, если они были (а в завоеванном кочевниками Северном Китае было и достаточно скота, и немало обращенных в рабов). Кроме того, каждая семья получала 20 — 30 му приусадебной садово-огородной земли, которая не подлежала периодическому перераспределению как наделы пахотной земли, а закреплялась за двором как бы навечно. При этом была восстановлена система круговой поруки в рамках пятидворок. Чиновники, как то было и при надельной реформе Сыма, получили служебные наделы во временное условное владение, причем обрабатывали их земли обычные крестьяне, платившие налог не в казну, а владельцу надела. Введение надельной системы не исключало существования частного землевладения сильных домов или храмов, равно как и казенного землевладения. Тем не менее это был заметный сдвиг в сторону перераспределения земельного фонда.

Реформы Тоба Хуна включали в себя также запреты носить сяньбийскую одежду и говорить по-сяньбийски при дворе. Всем знатным сяньбийцам было предложено сменить имена и фамилии на китайские. Правда, спустя несколько десятилетий, когда на смену единому северному сяньбийскому государству пришли два других (Северное Ци, 550 — 577 годы, и Северное Чжоу, 557 — 581 годы), эти запреты были забыты, а вместо них наступила короткая эпоха так называемого сяньбийского ренессанса. Однако продолжалась она недолго. Едва ли стоит этому удивляться: несмотря на массовые миграции китайцев на юг, они составляли в Северном Китае 80 процентов населения.

Что касается Южного Китая и так называемых южных династий, то их история в IV — VI веках заметно отличалась

от северокитайской. Несмотря на то что южные династии тоже достаточно быстро сменяли друг друга (Сун, 420 — 479; Ци, 479 — 502; Лян, 502 — 557; Чэнь, 557 — 589; сосуществовавшая с последней Поздняя Лян, 555 — 587), в целом правление на юге более отвечало привычным китайским стандартам. Как только север стал подвергаться варварским вторжениям, которые сопровождались массовым уничтожением и порабощением китайцев, сотни тысяч их, причем в первую очередь хозяева сильных домов и образованные конфуцианцы-ши, отправились на юг — всего, по некоторым подсчетам, до миллиона человек. Пришельцы с севера, среди которых видное место занимала знать, включая и императорский двор (династия Восточная Цзинь), принесли с собой довольно высокий уровень культуры, как материальной, так и духовной. Благодаря им резко ускорилась конфуцианизация южных районов, которая включала и китаизацию населения. Здесь быстрыми темпами стали возникать новые города, расцветала торговля, развивались товарно-денежные отношения. Уже с V века на плодородных полях рисового пояса начали собирать по два урожая в год, что практикуется и поныне. На юге сосредоточился центр китайской культуры: здесь жили выдающиеся ученые, поэты, мыслители, энергично развивался укрепившийся в Китае еще во II веке буддизм.

Правда, справедливости ради нужно заметить, что правители северных династий тоже покровительствовали этой появившейся из Индии религии. По всему Китаю, как на севере, так и на юге, активно строились буддийские храмы, создавались монастыри, которым отписывалось немалое количество земли с обрабатывавшими ее крестьянами. Буддизм попал в Китай в очень удачное для себя время: обстановка междоусобиц и варварских нашествий ослабила не только центральную власть, но и официальное конфуцианство, которое не сумело помешать чужой религии укрепиться в Китае. Что же касается противостоявших конфуцианцам даосов, то они даже помогли буддизму укрепиться: именно из их рядов выходили первые китайские буддисты, даосские термины и понятия использовались буддийскими монахами в качестве нужных китайских эквивалентов при переводе на китайский

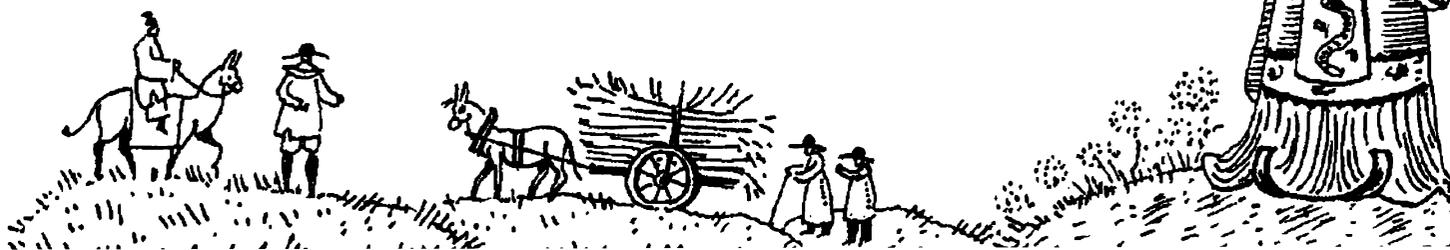
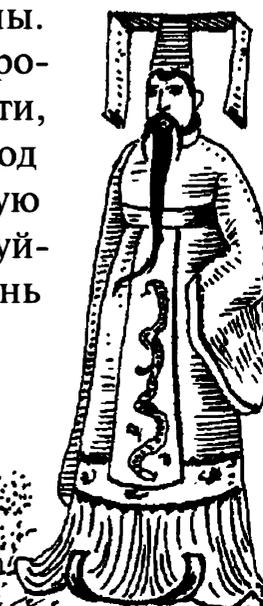
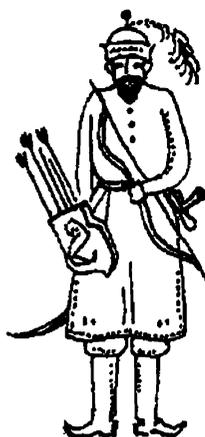
язык древних буддийских текстов. Ко всему этому стоит добавить, что в смутное время войн буддийский монастырь с его глухими стенами давал возможность страждущим найти приют, беглецам — покой и отдых, усталым интеллектуалам — необходимое уединение, возможность для спокойного общения. Все эти факторы помогли буддизму китаизироваться и стать в Китае процветающей религией.

В заключение стоит обратить внимание на специфику сложившейся в Китае в IV — VI веках ситуации: все многочисленные и весьма непростые политические, этнокультурные, социальные и экономические процессы, которые в своей совокупности в иной конкретно-исторической ситуации вполне могли бы кардинально изменить облик государства либо направить его дальнейшее развитие по несколько иному пути — как это случилось, скажем, с Ближним Востоком и даже частично с Индией после исламизации, — в конфуцианском императорском Китае ни к чему похожему не привели. Не стало империи, было сильно ослаблено официальное конфуцианство, но глубинная основа того и другого, отработанная еще в Хань и приобретшая силу социального генотипа, во многом определяла эволюцию страны в период ее раздробленности. Пережив эпоху Нань-бэй чао, страна возродилась, а с ней восстановилась и конфуцианская империя.

Глава 9

Китайская конфуцианская империя в период расцвета (VI — XIII века)

Процессы китаизации севера и энергичного развития юга создали предпосылки для нового объединения страны. В 581 году полководец царства Северное Чжоу Ян Цзянь, проведший незадолго до того ряд успешных войн и, в частности, разгромивший северокитайское царство Ци, объединил под своей властью весь Северный Китай и провозгласил новую династию Суй (581 — 618). Затем Ян Цзянь, принявший суйское имя Вэнь-ди, одолел южнокитайское государство Чэнь и оказался во главе объединенного Китая.

Вскоре был проведен ряд реформ, направленных на укрепление централизованного государства. Были унифицированы меры и выпущены новые стандартные монеты, упорядочены налоги и отменены все чрезвычайные поборы. Центральной частью реформ стала, как это всегда бывало в аналогичной ситуации, попытка решить проблемы землевладения и землепользования. Отталкиваясь от принципов северокитайской надельной системы (реформы Сыма Яня в 280 году и Тоба Хуна в 485 году), Вэнь-ди сделал все, что мог, дабы выбить почву из-под ног сильных домов. Каждый пахарь должен был иметь свое поле и платить налог государству — примерно таким был девиз Вэнь-ди. В основе обновленной им аграрной надельной системы лежал принцип права каждого мужчины, каждой женщины и вообще каждого взрослого, вплоть до раба (раб в Нань-бэй чао привычно воспринимался в качестве младшего члена семьи), на земельный надел: 80 му — мужской, 40 — женский. С семейного среднего надела (120 му) взимался небольшой налог в три даня (дань — примерно центнер) зерна. Кроме того, существовала промысловая подать (женщина сдавала в казну шелк или пряжу) и трудовая повинность (20 дней в году для мужчин). Был произведен тщательный учет населения и выявлено свыше 1,5 миллиона крестьян, не входивших ранее в списки податных. Сравнительно щедрое наделение землей побудило суйские власти нарезать целинные и залежные земли, что привело к невиданному прежде росту клина возделываемых полей — с 19,4 до 55,8 миллиона му за менее чем тридцать лет правления династии Суй.

В 604 году Вэнь-ди умер, и императором стал его сын Ян-ди, заслуженно снискавший себе репутацию деспота. Действуя весьма жесткими силовыми методами, хотя и ориентируясь при этом на конфуцианство как идейную основу, Ян-ди стремился создать мощную империю. В отстроенную столицу Лоян он переселил 10 тысяч богатых семей из разных районов страны, оторвав их от родных мест и поставив под свой контроль. В районе Лояна были выстроены роскошные дворцы, а также огромные зернохранилища, причем для транспортировки налогового зерна с юга, который уже стал основной житницей страны, был вырыт Великий канал, связавший

Янцзы с Хуанхэ. На обслуживании этого сооружения со всеми его шлюзами и иными устройствами было занято, по некоторым данным, до 80 тысяч человек.

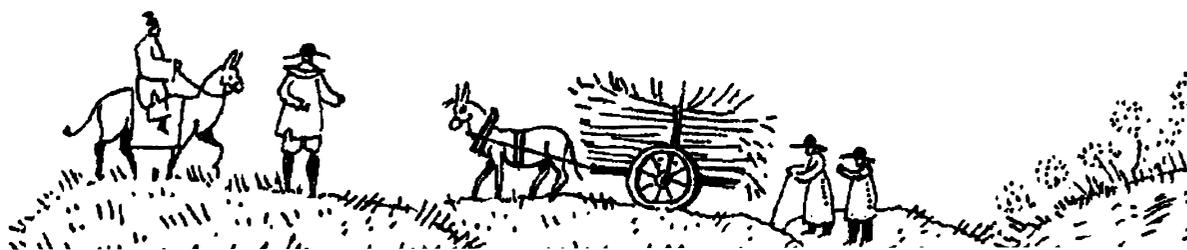
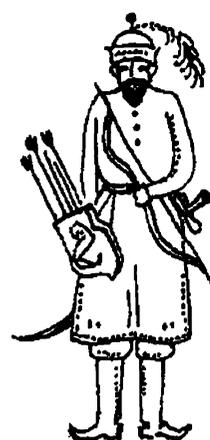
Ян-ди предпринял также работы по реконструкции Великой стены, которая за тысячелетие пришла в упадок. Едва ли это сооружение могло сыграть серьезную роль в деле защиты от вторжений кочевников — а именно для этого стена была в свое время построена. Практика показала, что вторжениям она не мешала, разве только несколько осложняла их. Но как символ того, что в дальнейшем империя вторжений с севера не потерпит, ремонт стены был вполне уместным.

Словом, Ян-ди вел одновременно несколько колоссальных строек, каждая из которых требовала миллионов рабочих рук и огромных средств, не говоря уже о том, что оказывалась могилой для десятков, а то и сотен тысяч людей. Если прибавить к этому, что параллельно Ян-ди пытался вести активную внешнюю политику и постоянно воевал — с Тюркским каганатом, во Вьетнаме, в Корее, — то вряд ли вызовет удивление тот факт, что страна не выдержала тяжести возложенного на нее бремени.

В 614 году, после нескольких безрезультатных и очень дорого обошедшихся империи походов в Корею, в Китае одно за другим вспыхнули восстания. К выступлениям крестьян вскоре присоединились заговоры недовольной правлением Ян-ди знати. Император бежал из столицы, но спастись все равно не сумел: он был убит, а правителем новой династии Тан провозгласил себя один из его военачальников и родственников по женской линии Ли Юань.

Расцвет империи при династии Тан (618 — 907)

Ли Юань и особенно его сын Ли Ши-минь (Тай-цзун, 626 — 649) заложили фундамент процветания китайской империи. Было покончено с крестьянскими восстаниями, прекращены траты на дорогостоящие престижные стройки, более умело стала вестись внешняя политика, что не замедлило дать результаты: в 630 году тюрки были разгромлены, их султан Селим попал в плен, а значительная часть каганата вошла в состав Китая. Но главное, что способствовало стабилизации

танского Китая, — это хорошо продуманная внутренняя политика первых правителей династии.

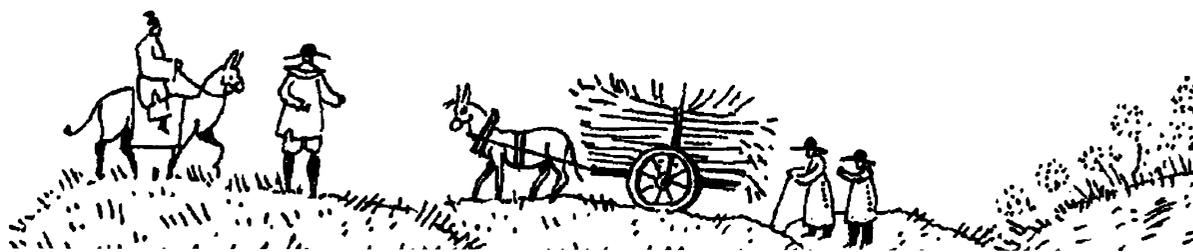
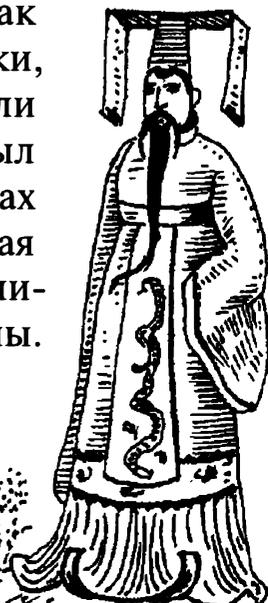
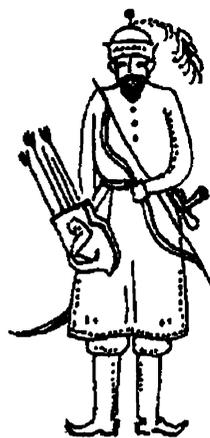
По декрету 624 года была подтверждена в чуть измененном виде надельная система: женщины (если в семье был мужчина) земли не получали, мужчины получали по 80 му, женщины-вдовы — по 30 му (при этом они освобождались от налогов). Зерновой налог с мужского надела равнялся двум даням, причем некоторые категории семей имели налоговые льготы. Как и прежде, все наделы считались временными, то есть давались от имени государства на период трудоспособности и, соответственно, регулярно перераспределялись, для чего всюду велись строгие реестры тяглых и свободных от тягла, владевших наделами разных категорий, а также беглых, пришлых и иных жителей. Пришлые обычно получали для обработки наделы беглых на правах своеобразной аренды от имени деревни — ведь вместе с надельной системой восстанавливался и принцип круговой поруки, так что пятидворка, да и деревня в целом отвечали за выплату налога каждым, включая и беглых. К слову, беглых никто и никогда не преследовал. Любой мог по разным причинам покинуть дом и надел, причем за ним долго еще сохранялось право вернуться и занять свой дом и участок — в этом случае получивший то и другое пришлый должен был безропотно отступить. Но это была только правовая норма; реальная практика обычно сводилась к тому, что пришлые — те же беглые из других мест — приживались на новых местах, хотя и имели при этом несколько менее выгодный в правовом плане статус.

В тех районах, где земли не хватало («тесные» районы), наделы соответственно уменьшались. Там, где земли было вдоволь, ею наделяли щедро, нередко с расчетом на трехпольный севооборот. Определенную долю обычного надела могли дать на нетрудоспособных и престарелых. Что касается казенных полей, то часть их давали титулованной знати в наследственное пользование, правда, не в вечное, ибо, согласно китайским правовым нормам, степень знатности понижалась с каждым поколением на ступень, а после пятой ступени исчезала вовсе. Другая часть казенных земель, как обычно, предоставлялась чиновникам на срок службы. В том

и другом случае имелось в виду не столько владение казенными землями, сколько право на ренту-налог с указанных земель.

Земельная реформа и реализация налоговой системы в рамках наделного землепользования обеспечили казну регулярным притоком дохода, а государство — необходимой рабочей силой (трудовые повинности). То и другое способствовало укреплению инфраструктуры империи — строились дороги, каналы, дамбы, дворцы, храмы, целые города. Расцветали ремесло и торговля, включая казенное ремесло, где обычно сосредоточивались лучшие мастера высокой квалификации, работавшие в порядке трудовой повинности либо сверх этого по найму. Ремесло и торговля находились под строгим контролем государства, специальных чиновников, которые через посредство глав туаней и ханов (цехов и цехо-гильдий) строго регулировали каждый шаг городских жителей.

Вообще говоря, рост городов, ремесла и всей городской культуры начались в Китае в Чжоу и достигли немалого уровня в Хань. Этот процесс активно продолжался и в эпоху Наньбэй чао, несмотря на смуты и неурядицы, особенно на юге страны, где до того городов было немного. При династии Тан развитие городов получило дополнительный импульс. Значительно увеличались их размер и численность. Изменилась, прежде всего за счет буддийских храмов, их архитектура. Более строго линейной, ориентированной по странам света, стала планировка кварталов, в частности в танской столице Чанани (совр. Сиань). В городах жили не только торговцы и ремесленники, хотя численно они и преобладали, по крайней мере вне столицы. Большое место среди городского населения крупных городов занимали чиновники, представители богатых кланов, аристократы, монахи, армия слуг и обслуживавшего персонала, а также такие специфические группы как врачеватели, актеры, гадатели и предсказатели, проститутки, нищие и пр. Как и везде на Востоке, окна в жилищах были обращены внутрь дворов, кроме тех случаев, когда дом был одновременно мастерской и лавкой. За порядком в городах следили специальные служители и подчиненная им городская стража. Они же отвечали за водоснабжение и соблюдение чистоты на улицах. В зажиточных домах были бани и бассейны.

Существовали и городские платные бани. Многие городские улицы были вымощены камнем.

Конечно, всем этим город разительно отличался от деревни, даже если в деревне были дома богачей. Но в одном, причем в самом главном, город был абсолютно одинаков с ней — в статусе и правах. В этом смысле город был всего лишь податной и административной единицей — у него не было ни особых прав, ни привилегий, ни гарантий. Напротив, в городе были жестче порядки, хотя бы потому, что следившие за этим органы находились здесь же, в городе. Ведь города обычно бывали центрами провинций, областей, уездов.

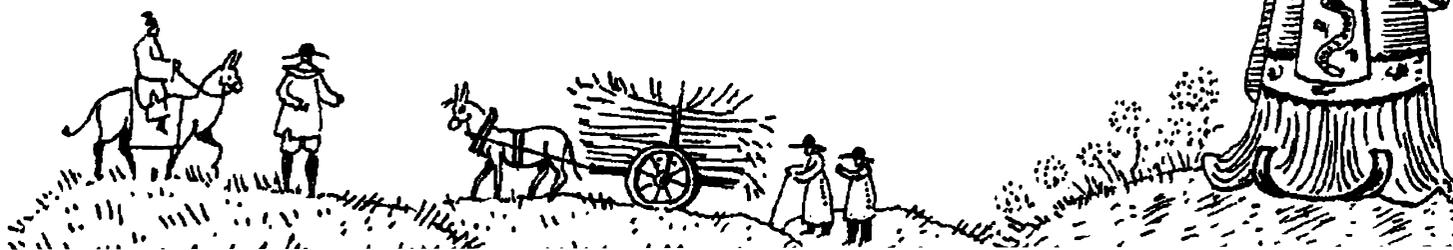
В танское время империя была разделена на 10 провинций (дао), которые, в свою очередь, подразделялись на области (чжоу) и уезды (сянь). Области (или округа) и уезды различались по размерам, населению, сумме налогов и соответственно делились на категории, что сказывалось на статусе и количестве (штатном расписании) управлявших ими чиновников. Но при этом все чиновники, вплоть до уездных, всегда назначались из центра и им контролировались.

Система государственно-административного управления страной была сложной, но достаточно стройной. При императоре существовал Государственный совет из наиболее видных сановников, включая подчас близких родственников правителя. Исполнительную власть представляли в нем обычно два канцлера (цзайсаны или чжичэны) — левый (он обычно считался старшим) и правый, каждый из которых ведал тремя из шести ведомств палаты Шаншушэн, своего рода Совета министров. К первой группе ведомств относились управления чинов (подбор кадров и назначения по всей империи), обрядов (контроль за соблюдением норм поведения, охрана общественного порядка) и налогов (учет податных, распределение наделов, сбор налогов, земельный кадастр и т. п.). Ко второй — управления военными делами (содержание войск, охрана рубежей, военные поселения на границах и соответствующие назначения), наказаний (суды, кроме уездного, где этим ведал сам уездный начальник; тюрьмы, содержание преступников) и общественных работ (реализация трудовых повинностей, строительство, включая ирригационное). Работу исполнительных органов и всей государственной системы

строго контролировали цензоры-прокуроры специальной палаты Юйшитай, которые имели большие полномочия, включая право подачи докладов на высочайшее имя. Кроме того, при дворе существовали еще две влиятельные палаты, ведавшие подготовкой императорских указов и церемониалом.

На уровне провинций были свои чиновные управы во главе с наместником-губернатором; то же, но в меньшем объеме имелось на уровне областей и округов различных категорий. Уезд обычно был представлен лишь начальником, который сам комплектовал свой штат помощников из числа местных влиятельных лиц, обычно готовых работать на общественных началах, что, однако, никак не было равнозначно бескорыстной работе, и наемных служащих низшего ранга, то есть писцов, служек, стражников и т. п. Власть уездного начальника ограничивалась как сроком (не более трех лет на одном месте с последующим перемещением на другое), так и местом службы (ни в коем случае не там, откуда чиновник родом).

Чтобы административная система и бюрократический аппарат действовали максимально эффективно, в империи уделялось особое внимание подготовке чиновничьих кадров. Этим много занимались в свое время и конфуцианцы, начиная с самого Конфуция, и легисты. В Китае издревле существовало немало методов отбора чиновников, как общих для всего Востока и даже для всего мира (назначение близких родственников, приближенных, сподвижников правителя по его воле и выбору; предоставление должности по праву знатности либо родственной близости; назначение по рекомендации и протекции влиятельных лиц и т. п.), так и специфически китайских. К числу последних относятся классический конфуцианский принцип выдвижения «мудрых и способных» и беспристрастный конкурс претендентов на должность. В танском Китае на первое место понемногу, но со все большим успехом стал выходить конкурс, нашедший свое отражение в уже хорошо отлаженной системе экзаменов — в принципе той самой, что теперь благодаря китайцам хорошо известна и активно работает во всем мире: каждый в предельно объективных и равных для всех условиях демонстрирует свои знания и способности, отвечая в устной или письменной форме на заранее не известные ему вопросы.

Экзамены проходили в уездных, провинциальных и столичном центрах, обязательно в закрытых помещениях, под строгим надзором специальных комиссий, члены которых не должны были быть знакомы с экзаменуемым, а те сдавали работы в письменной форме не под своими именами, а под девизами. Для успешной сдачи экзамена следовало хорошо знать сочинения древних, прежде всего классические конфуцианские каноны, а также уметь творчески интерпретировать сюжеты из истории, отвлеченно рассуждать на темы философских трактатов, обладать литературным вкусом и уметь сочинять стихи. Лучше других справившиеся с заданием (3 — 5 процентов из числа кандидатов) удаивались первой учебной степени и получали право сдавать экзамен на вторую степень, а обладатели двух степеней — на третью.

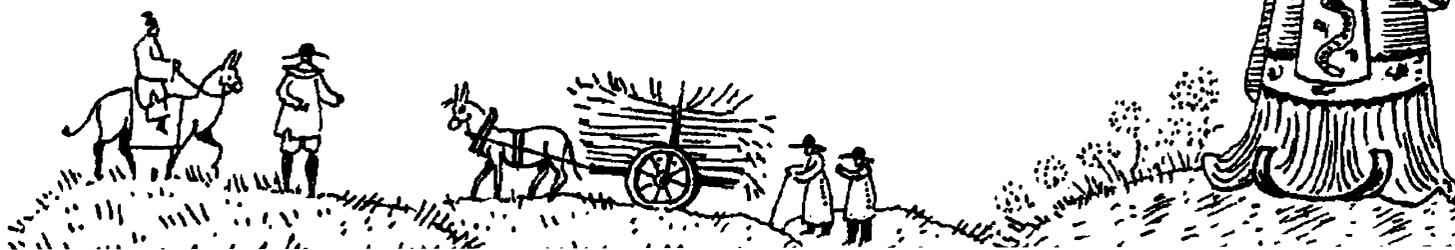
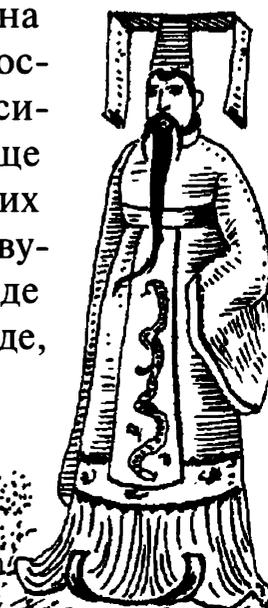
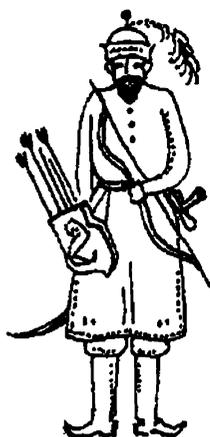
В танском Китае трехступенчатая структура была принята еще не везде, но со временем она устоялась и получила всеобщее признание. Сдавшие экзамен трижды, на все три степени, получали высшую учебную степень цзиньши. Они считались самыми подготовленными, трижды проверенными конфуцианцами, из их числа назначались чиновники на наиболее ответственные должности, низшей из которых была должность уездного начальника (в стране было около 1,5 тысячи уездов). И хотя успешная сдача тройных экзаменов не была единственным путем к должности, этот путь казался наиболее подходящим: кто как не хорошо знающий суть и принципы конфуцианства и доказавший свои знания в честном соперничестве с другими может наилучшим образом справиться с нелегким делом управления страной? При этом для системы как таковой было не важно, откуда, из какого социального слоя появился способный знаток официальной доктрины. Гораздо важнее было то, что это хорошо образованный человек, который с немалым трудом пробился наверх, и потому будет ценить свое место и по убеждению, не за страх, а за совесть, отстаивать заповеди, положенные в основу империи.

Что же касается вопроса о том, из каких все-таки социальных слоев выходили наверх «мудрые и способные», то здесь важно быть предельно четким. Да, в большинстве случаев это были потомки знати и чиновников, зажиточных земледельцев, для которых хорошее воспитание в конфуцианском духе

было делом семейной чести (примерно так же, как и знание французского для русских дворян в начале XIX века). Но в то же время хорошо известно, что с ростом престижа экзаменов среди всех слоев империи сильно развился стимул к учебе, к получению знаний. А так как формально каждый налогоплательщик имел право попробовать свои силы и испытать свой шанс, а в случае удачи сделать блестящую карьеру (ограничения были лишь для немногочисленной категории не плативших налоги несовершеннолетних — цзянь-минь), ясно, что появление способного мальчика в деревне всегда обращало на себя внимание односельчан и родни. Обычно находился богатый покровитель (из родни, клана, иной корпорации) либо коллектив, которые готовы были взять на себя расходы, связанные с обучением такого мальчика, ибо это сулило в случае удачи и престиж, и немалые материальные выгоды. Удача, разумеется, приходила далеко не всегда. Но в том случае, когда шанс бывал успешно реализован и выходец из низов выдвигался наверх, это оказывалось выгодным для всех родных и близких сделавшего карьеру, причем выгода была многообразная и постоянная, и не только материальная, хотя она играла не последнюю роль.

Дело в том, что положение штатного, то есть сдавшего экзамены, получившего степени и назначенного на подобающую должность чиновника было в китайской империи необычайно престижным и предоставляло немалую реальную власть. Влияние и возможности такого чиновника были весьма велики — стоит вспомнить о гоголевском городничем, да еще принять во внимание, что, в отличие от этого городничего, китайский чиновник имел под своим началом не только уездный город, но и весь уезд, то есть был в уезде и судьей, и ответственным за налоги, и любой другой властью.

Формально в танское время чиновничество делилось на девять рангов, да еще каждый из них имел две степени — основную и приравненную. Уложения, касавшиеся статуса и системы организации чиновников, землевладельцев и вообще всех подданных империи, их немногих прав и всеобъемлющих обязательств перед властью, а также вся система соответствующих регламентов были сведены воедино в танском своде законов из 500 статей в 12 разделах — уникальном в своем роде,

особенно для Востока, сборнике указаний и запретов, разграничений и пояснений. Похожего типа сборник существовал, видимо, и в Хань, но от него дошло до нас очень немного.

Танский законник интересен как документ, свидетельствующий о взаимоотношениях в государстве и обществе, а также между государством и обществом. Из него, в частности, хорошо понятно, кто управлял империей, кто был в ней если не господствующим классом в полном смысле слова, то, во всяком случае, в положении господствующего класса, кто выполнял функции этого класса. В законнике, помимо прочего, содержались статьи о праве «тени»: «тень» высокопоставленных чиновников после их смерти падала на их ближайших потомков, детей и внуков, давая им определенные преимущества, в том числе и при определении на должность. Но стоит заметить в этой связи, что речь шла об очень немногих, чей статус был приравнен к статусу родовой знати (которой тоже было немного, и статус каждого ее представителя с очередным поколением, как упоминалось, снижался). Во всех же остальных случаях статус чиновника практически не отражался на его детях — им следовало начинать все сначала.

Трансформация танского общества в VIII — X веках

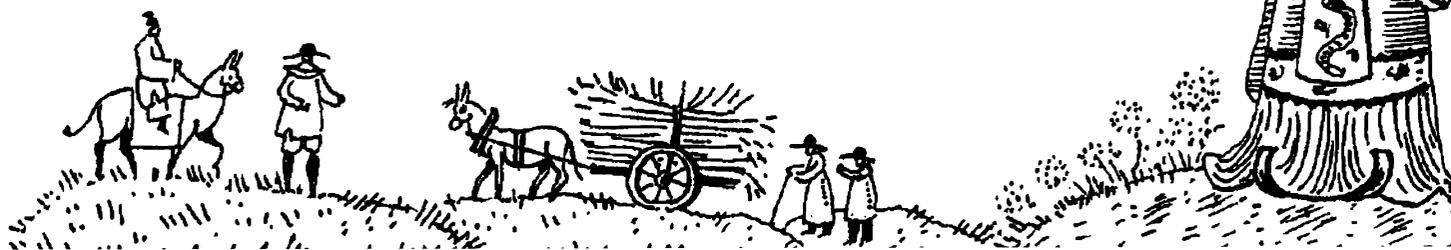
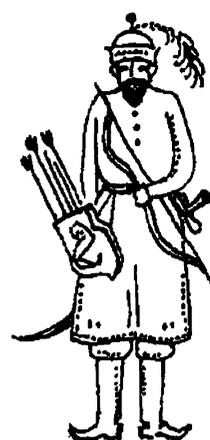
Успехи первых танских императоров, включая и внешнеполитические, в том числе открытие вновь Великого шелкового пути, завоевание некоторых территорий на севере, укрепление власти в других окраинных районах империи, позволили восстановить мощь Китая как великой азиатской державы. Кульминацией этих достижений можно считать годы правления танского Сюань-цзуна (713 — 755), совпавшие с периодом расцвета танской культуры, особенно поэзии (Ли Бо, Ду Фу) и вообще изящных искусств. Последние годы этого царствования, оставившего в памяти страны немало воспоминаний (стоит напомнить, в частности, о знаменитой фаворитке Ян Гуй-фэй, считавшейся красивейшей женщиной в истории страны, — ее красоту воспевали лучшие поэты Китая), был ознаменован началом упадка.

Во-первых, в стране получили большую власть военные наместники в окраинных районах — цзедуши (институт цзедуши

был создан в 711 году как раз в связи с необходимостью укрепить окраинные районы империи), причем один из них, Ань Лу-шань, в 755 году поднял восстание и заставил императора бежать из столицы. И хотя восстание в конечном счете было подавлено, царствование Сюань-цзуна на этом окончилось (бежавшего из столицы императора офицеры из его окружения заставили выдать им Ян Гуй-фэй, в которой они видели корень зла; после ее смерти император вскоре ушел из жизни). Преемники Сюань-цзуна сумели побороть всевластие цзедуши и восстановить пошатнувшуюся было централизованную администрацию, но это им обошлось недешево. Империя вновь оказалась в состоянии, близком к критическому.

Во-вторых, кризис империи объяснялся не только внутриполитическими раздорами. Хуже было то, что — в полном соответствии с закономерностями династийного цикла — стало резко ухудшаться положение в сфере аграрных отношений. Время, когда земли было много и власти заботились лишь о том, чтобы справедливо распределить ее, обложив каждого надельного крестьянина небольшим налогом, ушло в прошлое. Выявившееся в годы мятежа ослабление централизованной администрации сказалось и на формах землевладения. Если прежде — изредка, в виде исключения (скажем, за неимением денег на достойные похороны — дело первой важности в системе социально-семейных конфуцианских норм) — разрешалось продать часть надела, то теперь практика купли-продажи наделов стала общераспространенной, причем в качестве приобретателей выступали богатые и власть имущие. В первую очередь это были имевшие власть и деньги чиновники, а также крупные городские торговцы, ростовщики и т. п. В императорских эдиктах Сюань-цзуна можно обнаружить немало требований запретить чиновникам скупать крестьянские наделы и установить наказания за скупку земель. Но ситуация явно выходила из-под контроля.

Наделы крестьян уменьшались, а налог оставался прежним, отчего тяжесть его резко возрастала. В то же время проданная часть надела как бы ускользала от налогов. Нередко продавались неполные наделы — земли неустроенных и нетрудоспособных, вдов, которые имели официальные налоговые льготы или вовсе были освобождены от налогов. Все это вело

к уменьшению доходов казны, так как оставшиеся в своих наделах крестьяне были просто не в состоянии платить прежние налоги. В то же время оставшиеся без земли крестьяне бедствовали, брали в аренду у богатых свои прежние наделы или работали на них в качестве батраков. Это приводило к быстрому увеличению доходов немногочисленных частных лиц и росту напряженности в деревне.

В 780 году, по предложению канцлера Ян Яня, государство отменило систему наделов и окончательно отказалось от контроля за перераспределением земли. Все дворы в строгой зависимости от их имущественного положения были поделены на категории. Их обязали платить налог в соответствии с реальным количеством земли, причем дважды в год, летом и поздней осенью (система двух налогов ляншуй). В зависимости от качества земли налог изменялся, но размер его был одинаков для всех категорий землевладельцев, хотя самые бедные в трудные годы получали льготы либо даже освобождение от налога.

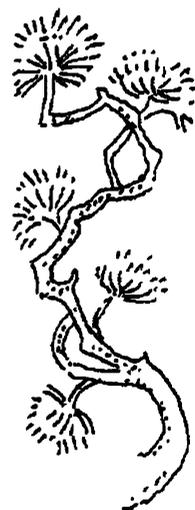
Не вполне ясен вопрос об арендаторах. Там, где пришлые (кэху) обрабатывали выморочную землю, они отныне были признаны ее владельцами и обложены общим для всех налогом. Там, где арендаторы обрабатывали чужую землю, особенно в хозяйствах богачей, они, видимо, налогоплательщиками не считались, хотя по статусу все-таки принадлежали к лян-жэнь (то есть к платившим налоги, в отличие от цзянь-жэнь — неполноправных).

Некоторые специалисты подчас склонны преувеличивать значение реформы 780 года в том смысле, что видят в ней грань, после которой надельные земли в Китае превратились в частные, чуть ли не свободно отчуждаемые. На деле это не так. И прежде наряду с мелкими крестьянскими наделами в Китае были крупные землевладения сильных домов. И прежде существовала негласная практика отчуждения крестьянских земель, что и вело спорадически к кризисам. Принципиально в этом смысле ничего не изменилось: землевладельцы, являвшие собой для казны недифференцированную массу налогоплательщиков, всегда были совокупностью множества мелких и средних и небольшого количества крупных сельских хозяев. Изменилось лишь то, что теперь крестьянские

земли с большей легкостью, нежели прежде, то есть практически почти официально, могли переходить из рук в руки, становились объектом купли-продажи. Впрочем, это никак нельзя считать принципиально иным отношением к земле, превращением ее, скажем, в легко отчуждаемую частную собственность. Владение землей по-прежнему находилось под строгим контролем властей, для которых не было безразлично, кто владеет полем. Государство по-прежнему было заинтересовано в том, чтобы каждый пахарь имел свое поле, чтобы низшие категории землевладельцев не разорялись и не лишались земли, чтобы крестьяне-хозяева не переходили в категорию безземельных арендаторов. Это было важно как с социальной и политической точки зрения (неимущий и разоренный крестьянин часто пополнял ряды мятежников), так и с экономической, поскольку вело к сокращению налоговой базы.

Система ляншуй не слишком много дала танскому Китаю. Но она все-таки на время сняла остроту кризиса и тем самым продлила династийный цикл, так что в целом ее введение следует признать вполне удавшейся реформой. Но уже в первой половине IX века положение в стране вновь стало ухудшаться. В 845 году танские императоры были вынуждены прибегнуть к конфискации земель буддийских монастырей, которые казались слишком уж богатыми и процветающими на фоне оскудевавшей казны. Но и это помогло ненадолго.

В конце IX века в стране разразилось мощное восстание крестьян под руководством Хуан Чао, который в 881 году занял столицу и провозгласил себя императором. Восстание было подавлено, но танские императоры так и не смогли вернуть себе прежнюю власть. Наступил период разброда и междоусобных войн («пяти династий и десяти царств», как именуют его в китайских источниках), продолжавшийся более полувека (907 — 960), после чего появилась новая династия.

Китай в период Сун (960 — 1279)

Сунский период в истории Китая тоже считается временем расцвета — во всяком случае, в сфере экономики, культуры, управления. Несколько иначе обстояло дело с внешней по-

литикой и сохранением суверенитета. В известном смысле можно сказать, что все три столетия Сун прошли под знаком успешного натиска северных кочевых племен и малоуспешных попыток сунской империи отразить этот натиск. Порой приходилось даже от него откупаться.

В начале X века стала быстрыми темпами развиваться и консолидироваться протомонгольская этническая общность киданей, обитавшая на северо-восточных рубежах китайского государства и многое впитавшая в себя в результате достаточно длительных контактов с китайской культурой. В годы, когда китайская империя была в состоянии политического разброда, вождь Абаодзи из рода Елюй захватил верховную власть в племени и в 916 году провозгласил себя императором. С этого момента и отсчитывается история государства киданей, которое просуществовало до 1125 года. Войны с разрозненным Китаем принесли молодому государству успех: в 946 году кидани даже ненадолго захватили столицу одного из китайских царств Кайфын. Активно укрепляясь на севере Китая, они добились того, что часть захваченных ими китайских земель вошла в состав их государства, которое с 947 года получило китайское наименование Ляо.

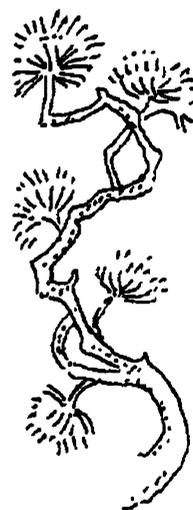
Китайцы и корейцы помогли наладить в Ляо основы управления; на китайской иероглифической базе из китайских элементов письма была создана своя письменность (пока не расшифрованная); развивались города, ремесла, торговля, также преимущественно за счет китайцев и корейцев. Империя Сун, едва возникнув, попыталась было отбить у Ляо северокитайские земли, но не преуспела в этом. Больше того, по унижительному для Китая мирному договору, заключенному в 1004 году, когда кидани вновь были у стен Кайфына, теперь уже столицы Сун, империя вынуждена была согласиться платить Ляо дань — 200 тысяч штук шелка и 100 тысяч лянов серебра ежегодно. Договор 1042 года еще более увеличил размеры дани — до 300 тысяч штук шелка и 200 тысяч лянов серебра. Однако и это не помогло: в 1075 году сунский Китай был вынужден уступить киданям еще несколько северокитайских округов.

Но кидани были не единственным серьезным врагом сунского Китая. На северо-западных его окраинах, к западу от

киданей, на рубеже X и XI веков сложилось крупное государство тангутов — Западное Ся. Вначале тангутские вожди, потомки одной из ветвей древнего народа цянов, признавали вассальную зависимость от империи Сун и многое, как и кидани, заимствовали от китайской культуры. Но затем они усилились и перешли к военным экспедициям против сунских правителей, отторгнув от Китая часть провинций Шэньси и Ганьсу. Приняв в 1038 году императорский титул, тангутские предводители еще умножили натиск на сунский Китай и по мирному договору 1047 года заставили его, следуя примеру киданьского Ляо, платить ежегодную дань (100 тысяч штук шелка и 30 тысяч цзиней чая).

Нельзя сказать, чтобы сунские императоры вовсе не стремились к организации отпора северным соседям. Напротив, они заботились об этом, в частности, уделяли много внимания своей армии, достигавшей в середине XI века полутора миллионов. Однако, будучи напуганы военными мятежами танских цзедуши, сунские императоры сознательно ослабили роль военачальников, что не могло не сказаться на боеспособности армии. В целом стоит заметить, что ставка на умеренные уступки противнику, пусть даже унижительные для престижа Поднебесной империи, ради сохранения внутривосточной стабильности вполне себя оправдала.

Экономика сунского Китая развивалась. Росло количество городов, причем они становились все больше, богаче, многолюднее. Китайские ремесленники освоили новые виды ремесел: они научились делать те изысканные вещи, которые и поныне являют собой национальную гордость страны, будь то знаменитый сунский фарфор, изысканные тонкие шелка, изделия из лака, дерева, слоновой кости и т. п. Именно в сунское время были изобретены порох и компас, стало широко распространяться книгопечатание в форме знакомой частично еще и танскому Китаю ксилографии (с резной доски, на которой зеркально вырезаны ряды иероглифов, делалось до 1000 — 1500 оттисков — вполне приличный тираж даже и для нашего времени). Немалых успехов достигло сельское хозяйство: появились новые агротехнические приемы, искусственно выведенные урожайные сорта зерна, культивацию индийского хлопка и многое другое.

Аграрная политика сунских императоров в целом сводилась к тому же, что и всегда: крестьяне должны быть обеспечены землей и платить в казну налоги. Однако отказ в 780 году от наделной системы значительно усложнил дело. По статусу все владельцы земель категории минь-тянь, которые составляли основу земельного фонда империи, были в одинаковом положении: каждый из них был обязан платить казне в среднем доу (10 литров) зерна с му, что равнялось примерно 1,5 центнера с гектара. Но это в среднем. Реально же в наиболее выгодном положении оказывались те, у кого земли было больше (и часть ее соответственно можно было сдать в аренду) и у кого она была лучше, то есть давала большие урожаи.

Рост числа крупных землевладельцев, как о том уже не раз говорилось, был невыгоден для государства, ибо объективно сокращал доходы казны и способствовал разорению крестьян. Именно этим объяснялись различные налоговые льготы для бедных и неполномерных крестьянских дворов. Но, несмотря на льготы, количество крестьян-землевладельцев снижалось, а число арендаторов, особенно из числа кэху, росло (после реформы 780 года они лишились прежних возможностей получать бесхозные наделы; теперь они были обречены на положение неполноправных и в большинстве не имеющих собственной земли арендаторов). Поземельные отношения такого типа вели к появлению в китайской деревне немалого слоя малоземельных и безземельных, угнетенных и недовольных, что стало основой для крестьянских движений в XI — XII веках; одно из них впоследствии было в художественной форме запечатлено в знаменитом китайском романе «Речные заводи» (XIV век).

В этих условиях считавшая себя ответственной за состояние страны конфуцианская элита стала предлагать правительству новые реформы. С проектом, призывавшим принять ряд мер с целью «обогащения государства, усиления армии и успокоения народа», как это было удачно выражено в заголовке соответствующего трактата, выступил философ Ли Гоу. Его идеи нашли отражения в нововведениях Ван Ань-ши, ставшего канцлером в 1068 году.

Смысл реформ Ван Ань-ши заключался, как то обычно бывало в китайской истории, в мерах, направленных на укреп-

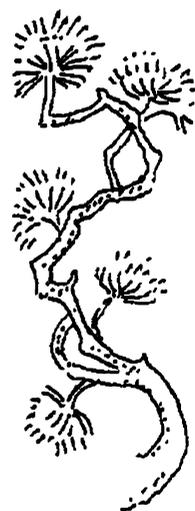
пление централизованной администрации, увеличение доходов казны и ограничение интересов и возможностей частного собственника. Был произведен обмер полей с целью упорядочить налогообложение, приняты меры для улучшения ирригационного хозяйства, что способствовало росту урожайности, введена практика государственного страхования под невысокий процент. Ван Ань-ши нанес удар по спекулянтам зерном, создав учреждение, ведавшее централизованными закупками зерна с тем, чтобы выбрасывать его на рынок в случае неурожая и роста цен. Важной реформой было создание ополчения на рекрутской основе и учреждение централизованных арсеналов.

Следует заметить, что деятельность Ван Ань-ши вызвала большое недовольство и он вынужден был выйти в отставку; поэтому далеко не все, что было им задумано, удалось довести до конца. Однако и то, что было сделано, сняло напряжение в обществе. В немалой мере благодаря реформам Ван Ань-ши сунская династия сумела не только выжить в неблагоприятных для нее обстоятельствах, но и просуществовать еще около двух веков. Но эти века прошли под знаком почти непрерывной борьбы за выживание.

Чжурчжэни (Цзинь) и южносунская империя

Чжурчжэньские племена, обитавшие на территории Южной Маньчжурии, издревле были связаны с Китаем, торговали с ним, а затем вошли в сферу влияния киданьской империи Ляо. Ускоренные темпы развития — что следует в немалой степени отнести за счет постоянных контактов с более развитыми культурами и народами — привели на рубеже XI и XII веков к возникновению у них протогосударственных образований и к появлению влиятельных вождей. В 1113 году правитель чжурчжэней Агуда выступил против киданей, захватил часть их земель и основал там собственное государство Цзинь (1115 — 1234), позже провозглашенное империей.

Вначале сунские правители увидели в Цзинь союзника в борьбе с киданями. Однако вскоре ситуация прояснилась. В 1125 году киданьское Ляо было уничтожено чжурчжэнями, и часть киданей ушла на запад, где в районе рек Талас и Чу

сложилось небольшое государство кара-китаев Западное Ляо (1124 — 1211), откуда и пришел затем к русским этноним «китайцы», а новая империя Цзинь вторглась на территорию сунского Китая и стала постепенно поглощать ее. В 1127 году был захвачен Кайфын и сам император с семьей оказался в плену у чжурчжэней. Один из сыновей плененного императора бежал на юг, в Ханчжоу, который и стал затем столицей новой южносунской империи (1127 — 1280).

Победоносная армия чжурчжэней успешно продвигалась на юг, и только полноводная Янцзы задержала ее продвижение. Со временем граница между Цзинь и южносунской империей установилась по междуречью Хуанхэ и Янцзы, в результате чего Северный Китай вновь, как и почти тысячелетие назад, оказался на длительное время в составе государства, в котором господствовали иноземцы. Правда, как то было и ранее, в этом государстве основную часть населения составляли китайцы, а сама чжурчжэньская родовая знать начала быстро китаизироваться, чему способствовало установление типично китайских норм, стандартов и стереотипов в различных сферах жизни империи Цзинь, от политической администрации до образа жизни населения. Тем не менее между Цзинь и южносунским Китаем сохранялись сложные, чаще всего откровенно враждебные отношения.

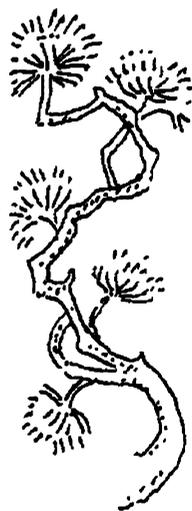
Вначале вторжение чжурчжэней и вынужденное отступление за Янцзы вызвало в китайском обществе патриотический порыв. Случившееся было воспринято как национальная катастрофа. Крестьянские ополчения, созданные в свое время Ван Ань-ши, оказывали яростное сопротивление захватчикам. Укреплялась и регулярная правительственная армия, причем в числе ее военачальников были талантливые и решительные полководцы, такие как знаменитый Юэ Фэй (1103 — 1141), который в середине 30-х годов одержал несколько побед над чжурчжэнями и был, видимо, близок к тому, чтобы добиться большего. Однако южносунский двор, относившийся с явно выраженным недоверием и даже подозрением к удачливым полководцам, испугался успехов Юэ Фэя. Противостоявшая военачальнику группировка при дворе во главе с канцлером Цинь Гум вызвала в 1141 году Юэ Фэя в Ханчжоу и заточила в тюрьму, где он вскоре был казнен. После этого, в 1142 году,

империя Сун заключила с чжурчжэнями очередной для нее унижительный мир, согласно условиям которого она ежегодно отправляла им 250 тысяч штук шелка и 250 тысяч лянов серебра.

Хотя мир был унижительным, а выплаты — весьма весомыми, для изнеженного, богатого и явно не готового к решительным военным действиям с храбрыми кочевниками сунского Китая это был по-своему логичный выход. Приняв такое решение и надолго обезопасив себя от вторжений с севера, южносунская династия просуществовала еще около полутора веков. При этом Южный Китай в XII — XIII веках являл собой богатое и очень развитое в экономическом и социально-культурном плане государство, где в изобилии произрастали зерно и хлопок, чай и сахарный тростник, выделялись лучшие в мире шелка и уникальные изделия из фарфора, лака, керамики, серебра, бамбука и т. п. Великолепие Ханчжоу, произведшего в свое время неизгладимое впечатление на Марко Поло, до того не видевшего, по его собственным словам, ничего подобного (хотя Марко был едва ли не больше всех повидавшим на своем веку европейским путешественником), говорит само за себя.

Южносунский Китай был не только развитым экономически государством, но и центром высокоразвитой духовной культуры, средоточием китайской философской мысли в ее едва ли не наивысшем для императорского Китая проявлении. Именно здесь расцвел феномен неоконфуцианства — учения, поставившего своей целью не просто реформировать и обогатить древнюю почитаемую доктрину за счет новых идей, но и как бы вдохнуть в нее новую жизнь, заставить ее засверкать новыми гранями. Благодаря усилиям знаменитых мыслителей, наиболее выдающимся среди которых был Чжу Си (1130 — 1200), феномен неоконфуцианства в его чжусианской форме стал вершиной китайской философии. Вслед за этим неоконфуцианство стало распространяться в соседних с Китаем странах и особенно активно — в Японии.

В сунское время невиданного расцвета достигла и китайская живопись. В это время жили и работали лучшие в истории Китая художники, объединенные вокруг специальной Академии живописи. Написанные ими свитки в наши дни

украшают многие музеи мира. В числе мастеров тонкого пейзажа, любителей изображать цветы и птиц были и некоторые из сунских императоров, работавшие под псевдонимами. Были среди сунских художников и признанные теоретики живописи, авторы почитаемых трактатов.

Для китайцев не прошел бесследно факт деления страны на север и юг. Во-первых, господство на севере иноплеменников внесло дополнительные акценты в те пусть небольшие, но заметные этнические различия, которые на протяжении веков складывались и закреплялись отдельно на севере и на юге, — различия в языке, культуре, даже в пище и одежде. Конечно, эти различия не следует преувеличивать. Они в конечном счете не повлияли на то, что китайцы и на севере, и на юге оставались китайцами, — для этого были достаточно сильны связывавшие всех их воедино выработанные еще в древности основы духовной культуры, принципы жизни, нормы привычного бытия, отношений в семье, обществе и т. п. Но все же отличия были. По оценке современников, они проявлялись в некоторой изнеженности южан, которая противопоставлялась твердости и решительности северян, как то было сформулировано, в частности, одним из сунских реформаторов Ли Гоу.

Во-вторых, существенное воздействие на китайцев оказали их взаимоотношения с северными соседями — тангутами, киданями, чжурчжэнями. Китайцы издревле привыкли мыслить себя и свое государство в терминах «Поднебесная» и «Срединная империя», и государство это было окружено отсталыми ничтожными варварами. И вот эти «варвары» оказались чуть ли не в господствующем положении, и Китай платит им дань. Трудно было смириться с реальностью — но приходилось. Не то чтобы китайцы отказались от привычных стереотипов: они по-прежнему жили в Поднебесной империи, а император был сыном Неба. Но им пришлось признаться самим себе, что одно дело — завещанные традицией и потому как бы незыблемые представления о величии и всемогуществе, а совсем другое — реальная жизнь. Будучи по натуре прагматиками, они не переживали это слишком болезненно.

Глава 10

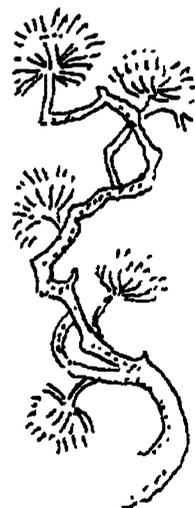
Закат китайской империи.
Династии Юань, Мин, Цин

Строго говоря, однозначным словом «закат» характеризовать всю историю китайской империи после Сун не вполне справедливо: на протяжении шести с лишним веков после гибели южнотанской империи под ударами монголов Китай знал и периоды упадка, и времена стабилизации, и порой даже некоторый расцвет, по крайней мере в сфере политики. Достаточно напомнить, что многие ныне окраинные районы Китая были присоединены именно в эти столетия. И все же в целом на фоне расцвета Тан-Сун последующие века были уже периодом если не всегда деградации, то, во всяком случае, стагнации. Иными словами, движение вперед, пусть даже зигзагообразное, было сокращено в это время до минимума, кроме, разве что, развития демографического и связанной с этим существенной интенсификации сельского хозяйства.

Итак, танская империя пала под ударами монголов — тех самых, что вихрем промчались по всей Евразии в XIII веке, оставив после себя разрушенные города, опустошенные поля, миллионы трупов. Что же представляли собой монголы в XIII веке?

Монголы и династия Юань (1280 — 1368)

Сам термин «монголы» восходит лишь ко временам Чингисхана. До того собственно монголы были лишь частью большей этнической общности сибирских татар и именовались, в отличие от остальных, «черными татарами». Едва ли вообще можно говорить о монголах как о сложившейся этнической общности (пусть даже просто «черных татар») ранее, нежели применительно к XII веку. До того существовали лишь протомонгольские этноплеменные группы и народы, одним из которых были кидани (речь о монгольском языке и этносе, но не о монголоидности как расовом типе!). Протомонгольские и раннемонгольские группы являли собой степной народ,

разводивший лошадей и рогатый скот, кочевавший по степи от пастбища к пастбищу, живший в войлочных юртах и организованный преимущественно в небольшие родоплеменные коллективы, связанные друг с другом общностью происхождения, языка, культуры и т. п. Соседство на юге с развитой китайской цивилизацией оказывало на кочевников степной северной зоны немалое влияние, содействовавшее, в частности, убыстрению процесса создания племен, а затем мощных племенных союзов во главе с влиятельными вождями, которые при благоприятном стечении обстоятельств объявляли себя императорами, как то было с тангутами, киданями, чжурчжэнями. Монголы были очередным такого рода этносом, обладавшим, по терминологии Л. Н. Гумилева, неслыханным до того запасом пассионарной энергии. Ускорение процесса социального развития и имущественного расслоения способствовало созданию протогосударств у монголов, а тенденция к интеграции привела после жестких междоусобных схваток влиятельных вождей к победе Темучина, сына Есугея. На всемонгольском курултае 1206 года он был провозглашен вождем всех монголов под именем и с титулом Чингисхан.

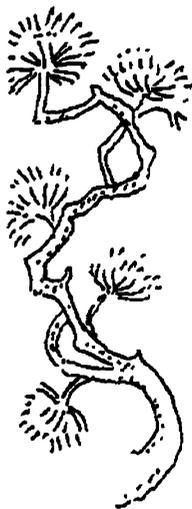
Чингисхан начал с того, что создал строго организованную армию, состоявшую из десятков, сотен, тысяч и 10-тысячных отрядов во главе с десятскими, сотскими, тысячниками и темниками, причем начальники назначались не по принципу родства или знатности (хотя и то, и другое всегда учитывалось), а на основе свойственного ранним политическим структурам принципа меритократии, то есть из лучших воинов, что сыграло огромную роль в укреплении боеспособности армии. Армия Чингисхана была новым важным политическим фактором в степной зоне, до того не знавшей боевых организованных формирований подобного типа и в таком количестве. Собственно, именно созданная Чингисханом армия и стала решающим фактором в последующих успехах сравнительно немногочисленного этноса монголов (во времена Чингисхана их было едва ли более 100 тысяч, если считать только воинов, а воин у кочевников каждый четвертый, а то и третий). Только хорошо организованная армия, послужившая костяком всей военно-политической структуры монголов, помогла им

завоевать и подчинить себе почти полмира, да еще и всерьез угрожать многим из остальных стран и народов.

Покорив народы Южной Сибири, соседние с монгольской степью, Чингисхан в 1210 году начал войну с чжурчжэнями, и уже в 1215 году монголы заняли Пекин. За 1219 — 1221 годы была превращена в руины цветущая Средняя Азия и разбито государство Хорезмшахов. В 1223 году был нанесен решающий разгром ополчению русских князей, в 1226 — 1227 годах было уничтожено государство тангутов на северо-западных рубежах Китая, причем тангутов вырезали с особой жестокостью, а немногих уцелевших превратили в рабов. И наконец, в 1231 году основные силы монголов вернулись назад в Северный Китай и довершили в 1234 году разгром чжурчжэньского государства Цзинь. В дальнейшем основным делом монголов на китайском направлении стало завоевание южносунского Китая, на что ушло свыше сорока лет.

Цифра эта, если сопоставить ее с молниеносными темпами военных захватов в других районах мира, вызывает невольное уважение к сунскому Китаю — тому самому, что десятилетиями откупался от воинственных кочевников и этим сохранял мир на своих границах. Но когда пришел срок и понадобилось воевать, южносунский Китай все же сумел мобилизовать силы для отпора врагу. Напор монголов был силен, но только в 1276 году пала южносунская столица Ханчжоу, и после этого последние южносунские императоры оказывали сопротивление еще около четырех лет, в конечном счете чуть ли не на кораблях, которые вынуждены были отчалить от захваченной монгольскими войсками береговой полосы Южного Китая. Только в 1280 году Китай целиком оказался под властью монголов, и великий хан Хубилай стал китайским императором монгольской династии Юань (1280 — 1368).

Династия Юань просуществовала — если считать не формальные годы, указанные в китайских летописях, а фактическое господство в основной части Китая — свыше века, может быть, даже, для Северного Китая, около полутора веков. Это было едва ли не самое тяжелое время для Китая, по крайней мере после Нань-бэй чао. Можно напомнить, что монголы вообще склонны были истреблять всех, кто отказывался сдаться им добровольно. Но в сунском Китае сопротивлялись почти

все, и тогда у них возник проект истребить китайцев пяти самых распространенных фамилий (а таковых в стране, где количество фамилий исчисляется немногими десятками, от силы сотней-другой, была едва ли не половина, во всяком случае это была весомая часть населения страны). И если эти кровавые проекты не были осуществлены — во многом благодаря киданину Елюй Чуцаю, который был советником хана и настойчиво рекомендовал ему не уничтожать тех, кто может приносить регулярный доход, — то уж в рабство к монголам попало великое множество китайцев, особенно на севере. Пожалуй, никогда в истории Китая не было так много рабов, как по количеству, так и в процентах к остальному населению, как в период Юань. Не приходится и говорить, что экономика Китая к началу правления монголов (после полувека войн) пришла в упадок, земледелие и торговля были расстроены. Что же касается администрации, то конфуцианские чиновники были вынуждены уступить свое место монгольским ханам и военачальникам, а также малознакомым с Китаем выходцам из иных районов Азии, прежде всего из исламских стран. Китайцы севера и тем более юга страны считались монголами людьми третьего и четвертого сорта (после самих монголов и сэму-жэнь, то есть выходцев из других стран).

Потребовалось несколько десятилетий, чтобы Китай постепенно обрел привычную для него норму существования. На протяжении этих десятилетий с нарастающей активностью действовали свойственные ему ассимиляционные и адаптирующие факторы: восстанавливались нарушенные кочевниками земледелие, ремесла, торговля; рос объем налоговых поступлений (во второй половине Юань, по некоторым данным, налогов собиралось в двадцать раз больше, чем во времена Хубилая); в администрацию снова шли конфуцианские чиновники (с 1317 года начала функционировать система экзаменов); потомки первых монгольских правителей, нередко бравших китайок в жены, постепенно превращались в обычных китайцев. Быть может, в иных условиях все эти процессы мало-помалу привели бы к тому, что монгольская династия в конечном счете осталась монгольской только по названию, как то случилось несколькими веками позже с маньчжурами в Китае. Но условия оказались неблагоприятными — как для

китайцев, живших под монгольским игом и тяжело ощущавших это, так и для самих монголов, которые мало делали для блага управляемой ими страны.

Наиболее наглядно проявилось это в связи с потребностями ирригационного строительства. Хотя ирригационное земледелие не было главным либо жизненно важным для китайского сельского хозяйства, оно все-таки имело большое значение для страны, особенно после создания рисового пояса на юге. Немалую роль играла ирригация и в деле защиты населения от разливов рек, особенно наполненной лёссом своенравной Хуанхэ, периодически выходившей из берегов и затоплявшей страну, как то было, в частности, во времена Ван Мана. В функции любого китайского правительства входило заботиться о водном строительстве и вовремя ремонтировать каналы, дамбы, чистить русла и т. п. Монголы этим почти демонстративно пренебрегали. А конфуцианских чиновников, которые могли бы своими силами на местах что-либо организовать, действуя в соответствии с традицией, в стране долго не было. Неудивителен и результат.

Система дамб на Хуанхэ понемногу пришла в негодность. Великая река то и дело прорывала дамбы и широко разливалась по долине, затопля поля и жилища. В 1334 году прорыв оказался настолько мощным, что река в очередной раз изменила русло, уничтожив на своем пути сотни тысяч жизней. В стране резко возросло недовольство монголами. Вскоре Китай охватило мощное народное движение, тут и там вспыхивали с трудом подавлявшиеся восстания. Власти попытались было в 1351 году восстановить систему дамб и заставить реку вернуться в старое русло. Но было уже поздно. Объединение в районе строительства сотен тысяч людей лишь подлило масла в огонь: восстания вспыхнули с новой силой, причем во главе их оказались вожди тайной секты «Байляньцзяо» («Белый лотос»). Буддийская по своей религиозной основе, эта секта существовала в Китае по меньшей мере с V века. Однако в XIV веке она обрела особенную популярность, став выразителем эгалитарных крестьянских идеалов и предвещая скорое наступление века будды Майтреи и соответственно новой династии Мин (свет), которая покончит с мрачным господством монголов.

Покрыв свои головы красными повязками (символ грядущего царства Света), восставшие организовались в отряды «красных войск», которые начали решительную борьбу с монгольскими угнетателями. Восстание приняло не столько сектантско-крестьянский, сколько национально-патриотический характер. И хотя первая его фаза закончилась в 1363 году поражением красных войск, антимонгольское движение в стране не угасло. С новой силой оно разгорелось, когда его возглавил Чжу Юань-чжан (1328 — 1398).

Родом из крестьян, в молодости Чжу Юань-чжан был послушником в буддийском монастыре. Когда сторонники секты подняли восстание, он примкнул к нему и, проявив недюжинные способности, быстро выдвинулся в ряды вожаков. Опираясь на примкнувших к нему конфуцианцев, знатоков китайской истории и носителей культуры, он сумел консолидировать народные массы и в конечном счете разгромил монгольские войска, а себя провозгласил императором новой династии — Мин. Кроме названия, от эгалитарно-буддийских основ первоначального движения осталось к этому времени не так уж много. И это, в общем, понятно. Оставаясь вождем восставших крестьян, Чжу Юань-чжан, как и его далекий предшественник Лю Бан, с готовностью воспринял давным-давно апробированную конфуцианскую систему управления государством и обществом, конфуцианские принципы и порядки. Хотя как личность новый император был далек от конфуцианского идеала мудрого и справедливого правителя и скорее был деспотом типа суйского Ян-ди, он тем не менее последовательно проводил конфуцианскую политику, в том числе в организации администрации, столь подорванной за время правления монголов. И это, безусловно, сыграло немаловажную роль в деле упрочения Мин.

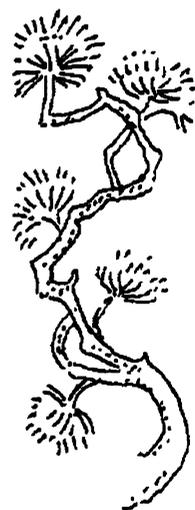
Китай в период династии Мин (1368 — 1644)

Взойдя на престол, Чжу Юань-чжан прежде всего занялся укреплением центральной власти. Сущность его аграрной политики, в частности, сводилась к увеличению доли крестьянских дворов в клине земель минь-тянь и к усилению

строгого контроля за распределением казенных земель гуань-тянь. Раздача земли безземельным и малоземельным, переселение крестьян на пустующие земли, создание различного рода специализированных, то есть опекаемых казной, поселений, как военных, так и гражданских, наконец, создание всекитайских налогово-земельных реестров, Желтого и Рыбьечешуйчатого, — все это означало, что система аграрных отношений в империи вновь берется под строгий контроль центральной администрации.

Было введено фиксированное налогообложение со сравнительно невысокими налогами, а некоторые категории дворов подчас вообще освобождались от налогов, как то бывало и прежде. Система повинностей была всеобщей, но реализовывалась поочередно, по разверстке. Поочередным было и выполнение функций старост, отвечавших перед властями за соблюдение порядка и выполнение государственных указов. Что касается частных владений, то есть тех случаев, когда земли категории минь-тянь в сравнительно большом количестве скапливались в руках богатых и сдавались в аренду, то таких земель в начале Мин было, видимо, немного, да и арендная плата была, вероятно, умеренной — хотя бы потому, что любой арендатор имел альтернативу: государство активно предлагало всем безземельным и малоземельным наделы на весьма необременительных условиях.

Аграрная политика Чжу Юань-чжана имела успех и способствовала созданию сильной централизованной империи. Правда, наделение родственников императора уделами, в которых они чувствовали себя почти независимыми владетелями, — дань традиционной норме, последняя в этом роде в истории Китая, — привело было после смерти основателя империи к смуте, но она была сравнительно быстро ликвидирована одним из сыновей Чжу Юань-чжана — Чжу Ди, правившим под девизом Юнлэ (1403 — 1424). Чжу Ди восстановил пришедший в некоторый упадок аппарат центральной власти, построенный его отцом по классической конфуцианско-танской модели (высшие палаты; шесть центральных ведомств в системе исполнительной власти; провинциальные управления с разделением власти на гражданскую и военную; система экзаменов и др.), после чего около столетия эта система дей-

ствовала достаточно эффективно, что сказалось, в частности, и в сфере внешней политики.

Успешно изгнав монголов с территории империи (они были оттеснены на север, где стали после этого активно осваивать степи современной Монголии), минская армия провела несколько успешных военных операций и на юге, в районе Вьетнама. Кроме того, китайский флот, возглавлявшийся Чжэн Хэ, с 1405 по 1433 год совершил несколько престижных морских экспедиций в страны Юго-Восточной Азии, в Индию и даже к восточному побережью Африки. Экспедиции были весьма внушительными: они состояли из нескольких десятков многопалубных кораблей с командой из сотен человек на каждом из них. Впрочем, эти пышные и дорогостоящие вояжи легли очень тяжелым бременем на казну и не принесли стране экономической выгоды, почему и были прекращены, а корабли разобраны на части. Для сравнения стоит вспомнить о почти одновременных с ними экспедициях Колумба, Васко да Гамы или Магеллана, куда более скромно оснащенных, но положивших начало Великим географическим открытиям, которые ознаменовали собой начало новой эпохи для всего человечества. Впечатляющая разница. Она лучше многих теоретических рассуждений свидетельствует о принципиальных структурных различиях между европейским рыночно-частнобизнесменским методом хозяйства с его индивидуально-личным интересом, энергией, предприимчивостью и т. п. и азиатским государственным командно-административным строем, для которого значение имели прежде всего престиж, демонстрация величия и всемогущества власти.

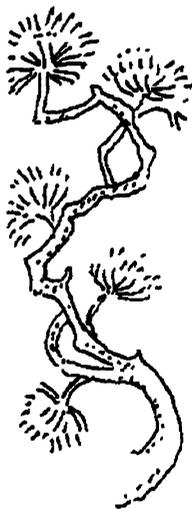
Аналогичной была ситуация и в сухопутных внешних связях, особенно торговых. С официальной точки зрения иноземные торговые караваны в императорском Китае воспринимались как приезд варваров с дарами для принесения дани китайским императорам. Дары* принимались торжественно и, согласно древним нормам обмена, требовали от императора ответных

* Дары составляли весомую часть товаров, прибывавших в Китай извне, особенно по Великому шелковому пути. Но основная часть товаров все-таки предназначалась для частной торговли в специально отведенных для этого китайскими чиновниками местах.

даров, причем объем и ценность императорских наград и пожалований должны были во столько же раз превышать «дань», во сколько престиж китайского императора ценился самими китайцами выше престижа любого из тех правителей, из чьей страны прибыл караван. Отсюда и результаты: торговля была крайне выгодной для иноземцев, перед которыми стояла легко разрешимая задача представить караван в виде официальной миссии. Это вело к тому, что китайские власти были вынуждены вводить лимиты на подобного рода караваны для каждой из стран, но не меняли взглядов на торговлю с иноземцами, поскольку «данническая» торговля способствовала самоутверждению китайцев в представлениях о том, что весь мир состоит из потенциальных данников и вассалов императора Поднебесной империи.

В минское время такого рода соображения чуть было не привели Китай к драматическим событиям. На рубеже XIV и XV веков было послано официальное послание великому завоевателю Тамерлану с предложением и ему засвидетельствовать свое почтение китайскому императору. Получив подобное предложение и негодуя на наглость его авторов, владыка полмира начал подготовку к карательному походу на Китай, и только его неожиданная смерть в 1405 году спасла только что оправившуюся от мятежа удельных князей империю от нашествия.

В целом на протяжении первого века своего существования династия Мин проводила успешную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, хотя случались, конечно, и тревожные моменты. Так, в 1449 году один из монгольских ханов, предводитель племени ойратов Эсен, совершил удачную экспедицию вглубь Китая вплоть до стен Пекина. Но это было лишь эпизодом; практически столице минского Китая ничто не угрожало, как и империи в целом. Лишь с конца XV века Китай, что характерно для второй половины династийного цикла, начал медленно, но верно вступать в полосу затяжного кризиса. Причем кризис начался, как и обычно, с изменений в экономике и социальной структуре страны, но наиболее наглядно проявился в области внутренней политики.

Росло количество населения, увеличивалось число крестьян, не имевших земли либо имевших ее в недостаточном

количестве. Параллельно с этим шел обычный процесс поглощения крестьянских земель минь-тянь: богатые понемногу скупали или отбирали за долги земли разорявшихся крестьян, которые после этого либо уходили с насиженных мест, либо оставались на них в качестве арендаторов. Те, кто менял местожительство, нередко приходили к тому же итогу. Все это вело к снижению доходов казны по уже не раз упомянутой причине: взять равный утерянному налог с богача было практически невозможно, ибо многие богатые имели льготы, подчас налоговый иммунитет, или играли важную роль в местном самоуправлении и могли повлиять на уменьшение своих налогов. Недобор налогов вынуждал казну прибегать к различным дополнительным мелким, местным, чрезвычайным и иным поборам и пошлинам, что в совокупности ложилось тяжелой ношей на добросовестных налогоплательщиков и тоже вело к кризису.

Создавался своего рода заколдованный круг. В годы предшествовавших династий (Тан, Сун) этот круг разрывался посредством решительных реформ. Династия Мин этого сделать не смогла, ибо требование реформ встретило жесткое противодействие со стороны двора, которое минские правители преодолеть не смогли.

Минские императоры после Чжу Ди, за редкими исключениями, были в основном слабыми правителями. Делами при их дворах обычно заправляли временщики из числа родни императриц и евнухи — картина, очень похожая на ту, что уже бывала в Китае. Неудивительно, что в конце XV — начале XVI века в стране сформировалось мощное движение во главе с наиболее влиятельными конфуцианцами. В конце XVI века они официально объединилась вокруг академии Дунлинь в Уси, которая готовила кадры знатоков конфуцианства, будущих чиновников. К этому времени движение за реформы уже получило в стране всеобщее признание, его стали поддерживать видные чиновники, и некоторые из них демонстративно шли на обострение отношений временщиками и даже, в пределах своей власти, сурово наказывали ставленников двора за казнокрадство.

С начала XVII века сторонники реформ значительно усилили свои позиции. В отдельные моменты им даже удавалось

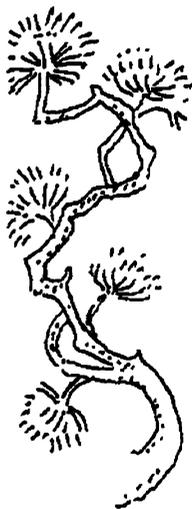
оказывать влияние на того или иного императора. Правда, склонный к реформам император тут же устранялся дворцовой кликой, а на реформаторов обрушивались гонения. К их чести следует заметить, что они не предавали свои убеждения. Не раз и не два очередной влиятельный чиновник подавал на имя императора доклад с обличениями и требованиями реформ и одновременно готовился к смерти, ожидая от императора приказа удавиться (символом такового обычно была присылка виновному шелкового шнура).

Власть евнухов и временщиков была свергнута в 1628 году. Но было уже поздно. В стране уже полыхало мощное крестьянское восстание во главе с Ли Цзы-чэном, которое закончилось с династией Мин.

Маньчжуры и династия Цин в Китае

Пока в верхах шла политическая борьба, разорение крестьян достигло крайней степени. Год от года возрастало количество беглых, значительная часть их пополняла отряды разбойного люда, которому нечего было терять. Во власти этих отрядов порой оказывались целые уезды. Брошенные против них войска ничего не могли поделать. А тут, на беду правительства, 1628 год выдался на редкость засушливым, что привело к массовому голоду. Началось стихийное возмущение, и вскоре выдвинулись его предводители, одним из которых был Ли Цзы-чэн (1606 — 1645). Спустя еще какое-то время, проявив незаурядные организационно-политические и полководческие способности, он единолично возглавил восстание. На территории, захваченной восставшими, Ли Цзы-чэн отбирал имущество у богатых, раздавал земли бедным и всенародно наказывал взяточников и притеснителей. Восставшие одерживали одну победу за другой, и в 1644 году войска Ли заняли Пекин, а сам он объявил себя императором. Но на этом события не закончились. Напротив, они стали развиваться самым драматическим образом.

На протяжении второй половины правления Мин отношения Китая с соседями оставались сложными. Хотя при императоре Вань Ли на рубеже XV и XVI веков была отреставрирована Великая стена, она не мешала набегам с севера. На

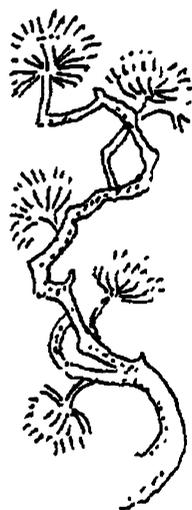
юге усилившаяся в XVI веке Япония, которой управлял сёгун Хидэёси, попыталась вторгнуться в Корею и Китай. Вторжение закончилось неудачей, но военных лавров минской армии оно не прибавило. В XVI — XVII веках в Китае появились первые европейцы — португальцы, затем голландцы. Большую роль при дворе последних минских императоров играли католические миссионеры-иезуиты, познакомившие Китай с неизвестными ему инструментами и механизмами (часы, астрономические приборы) и наладившие производство огнестрельного оружия. К началу XVII века относятся и первые контакты России с Китаем. На фоне всех этих многообразных связей отношения с небольшим племенем маньчжуров, отдаленных потомков некогда разгромленных монголами чжурчжэней, казались чем-то маловажным и второстепенным. Однако в начале XVII века ситуация стала быстро меняться.

Вождь маньчжуров Нурхацци (1559 — 1626) сумел не только сплотить под своим началом несколько десятков разрозненных племен, но и заложить основы политической организации. Как и в свое время монгольский Темучин, он обратил преимущественное внимание на армию. И хотя Нурхацци не сумел либо не стремился создать армейскую структуру по монгольскому образцу, а ограничился укреплением племенных отрядов (по числу основных племен армия стала именоваться «восьмизнаменной»), маньчжурское войско было весьма боеспособным. В 1609 году Нурхацци прекратил выплачивать дань минскому Китаю, связи с которым, как и влияние китайской культуры, немало сделали для ускорения темпов развития маньчжурского этноса. Затем он провозгласил собственную династию Цзинь (название, взятое от чжурчжэньского, явно подчеркивало как родство, так и претензии молодого государства) и в 1618 году начал вооруженную борьбу с Китаем. За сравнительно небольшой срок он успел выйти к рубежам Великой стены в районе Шаньхайгуаня, на крайней восточной оконечности стены. Преемник Нурхацци Абахай, правивший в 1626 — 1643 годах, провозгласил себя императором, изменил название династии на Цин и установил на всей территории Южной Маньчжурии и захваченных им ханств Южной Монголии централизованную администрацию по китайскому образцу.

С этого времени маньчжурская конница стала совершать регулярные набеги на Китай, грабя и увозя в плен, превращая в рабов, сотни тысяч китайцев. Естественно, это вынудило минских императоров не просто стянуть войска к Шаньхайгуаню, но и сконцентрировать здесь едва ли не лучшую, самую крупную и наиболее боеспособную из всех своих армий во главе с У Сань-гуем. После разгрома всех остальных минских армий и вступления Ли Цзы-чэна в Пекин только армия У Сань-гуя продолжала представлять собой серьезную воинскую единицу, с которой следовало считаться. И новый император, понимая это, решил пойти на переговоры.

Собственно, У Сань-гуй был готов к переговорам. И как знать, чем они могли бы завершиться, если бы не драматическая случайность, которая спутала все карты. Согласно китайским хроникам, в поисках контакта с родственниками У Сань-гуя новый император посетил дом семьи У, где ему случайно попала на глаза любимая наложница полководца. Трудно сказать, как точно развивались события, но одно вполне определено: отец У Сань-гуя в письме к сыну, где излагались предложения Ли Цзы-чэна покончить спор миром, одновременно упомянул о том, что новый император остался равнодушен к его любимой наложнице. Реакция У Сань-гуя была однозначной: он вскипел гневом и уже не только не помышлял о переговорах, но стал искать способы быстрее наказания самозванного императора.

У Сань-гуй обладал достаточными силами, чтобы покончить с Ли Цзы-чэном. Но от Шаньхайгуаня до Пекина путь для его пехоты был немалый. Иное дело — конница. И недолго думая, китайский полководец вступил в переговоры с маньчжурами. Видимо, немало им пообещав, он добился их согласия участвовать в своей авантюре. Маньчжурская конница ринулась через открытые для нее ворота Шаньхайгуаня на Пекин, а У Сань-гуй двинулся следом. Есть основания полагать, что в мечтах он уже видел себя на китайском троне. Однако когда он со своими войсками вошел в Пекин, оказалось, что маньчжуры не только изгнали из столицы Ли Цзы-чэна (который вскоре погиб), но и успели объявить своего малолетнего императора Шуньчжи правителем всего Китая — теперь уже цинского Китая. И хотя власть маньчжурской династии про-

стиралась в это время лишь на район столицы и ее окрестности, дело было сделано. Воевать с маньчжурами в создавшейся ситуации, имея опору лишь в растянутой на многие сотни километров армии, У Сань-гуй не решился.

Антиманьчжурская борьба продолжалась в Китае довольно долго. Но все-таки ослабленная длительными внутривосточными неурядицами и только что пережившая крестьянскую войну страна оказалась легкой добычей для хорошо организованного и хорошо вооруженного войска завоевателей. На то, чтобы полностью подавить сопротивление, у маньчжуров ушло не более двух-трех десятков лет. Отчасти это произошло благодаря тому, что им удалось довольно быстро поставить на службу себе уцелевшие китайские войска, ядром которых стала армия У Сань-гуя во главе с самим полководцем. Последней отчаянной попыткой китайцев сбросить маньчжурское бремя было восстание 1673 года, которое возглавил все тот же У Сань-гуй, назначенный к тому времени наместником юго-западных провинций. Жребий неудачника, однако, явно преследовал его: восстание было подавлено, а Китай на долгие века остался империей Цин.

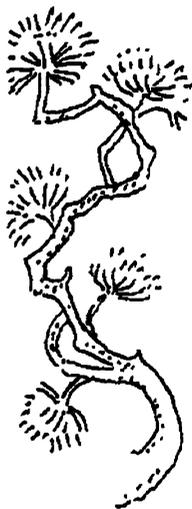
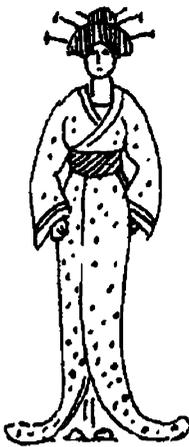
Как и их многочисленные иноземные предшественники на императорском троне, маньчжуры, несмотря на сохраненные для восьмизнаменных войск и всей маньчжурской аристократии привилегии и на официальное запрещение смешанных браков (запрет, правда, действовал не слишком строго), быстро китаизировались. Конечно, они стремились сохранить от растворения в гигантской массе китайцев свой немногочисленный этнос, и благодаря запретам и изоляции им это в определенной мере удалось. Но они никогда, подобно монголам, не противопоставляли себя китайцам в плане культурном и, напротив, охотно впитывали китайскую культуру.

Начиная с Канси, правившего в 1662 — 1723 годах, маньчжурские императоры были конфуцианцами, причем ревностными, и управляли страной, внимая советам конфуцианских ученых-чиновников. Были сохранены традиционная китайская административная система и механизм воспроизводства бюрократии, то есть система экзаменов. Были проведены аграрные мероприятия, направленные на упорядочение землепользования и налогообложения. Казенные земли

гуань-тянь щедро раздавались маньчжурам, и правительство строго следило за тем, чтобы не слишком привязанные к земле вчерашние воины-кочевники не продавали своих наделов. Такое же строгое внимание проявлялось к крестьянской общинной деревне, где за налоги отвечали связанные круговой порукой низовые ячейки — пятидворки или десятидворки. Все эти меры, в общем, давали свои результаты. Китай под властью династии Цин на протяжении первых двух веков развивался достаточно интенсивно.

Тут надо заметить, что невероятно быстрый рост народонаселения (на рубеже XVIII и XIX веков в Китае насчитывалось около 300 миллионов человек, тогда как на протяжении предшествующих двух тысячелетий средняя численность населения страны колебалась на уровне 60 миллионов) внес свои коррективы в привычную динамику династийного цикла. Это имело и плюсы, и минусы. Минусом была явная нехватка земли. Давно ушли в прошлое те времена, когда крестьянский надел измерялся сотней му. Теперь он стал значительно меньше — в лучшем случае вдвое. Но зато во многом изменилось отношение к земле. Демографическое давление вызвало к жизни феномен все возрастающей интенсификации и увеличения производительности труда. Улучшались агротехнические приемы, использовались севообороты, принимались во внимание местные условия для выращивания наиболее выгодных культур и реализации их на рынке. И во всем этом активное участие принимало государство, поскольку ситуация, которая складывалась в земледелии, имела для него первостепенное значение.

В соответствии с классическим тезисом китайской древности: «земледелие — ствол, основа; торговля, ремесло и иные занятия — ветви, второстепенное» — маньчжурское правительство и весь его аппарат обращали внимание прежде всего на состояние землепользования, так как стабильность именно в этой сфере экономики гарантировала основную часть доходов казны, но и обеспечивало устойчивость империи. Маньчжуры обеспечили покорность китайского населения (символом его была коса, которую под страхом смерти обязаны были носить китайцы мужского пола), но в то же время ревностно заботились о его процветании, взяв на вооружение

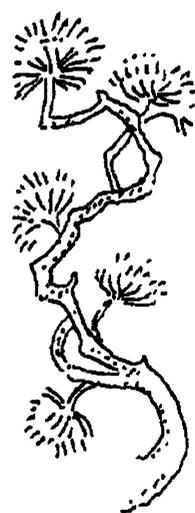
классический конфуцианский тезис о том, что благополучие государства зиждется на благе народа.

Если не считать земель категории гуань-тянь, которые раздавались маньчжурской знати и солдатам, за счет которых существовали императорский двор и храмы и из которых выделялись служебные надельные участки чиновникам, то все основные земли страны были, как и обычно, землями минь-тянь. Было бы неточным считать эти земли частными, даже если они почти свободно переходили из рук в руки. Для китайского государства в принципе было не так уж важно, у кого земля; важно только, чтобы за ее использование аккуратно выплачивалась рента-налог. Правда, существенное перемещение земель во владение богатых всегда, как мы знаем, ударяло по казне, и именно поэтому государство то и дело воздвигало препятствия для такого перемещения. Как же обстояло дело с этим в цинском Китае?

Из источников явствует, что основной контингент богатых землевладельцев составляли шэньши* и разбогатевший городской люд. Связи между этими категориями владельцев, как и между ними, с одной стороны, и разбогатевшими деревенскими землевладельцами — с другой, издавна были самыми тесными. В богатых деревенских кланах всегда были свои шэньши, а богатые горожане не упускали случая породниться с обедневшими шэньши и тем повысить свой статус. Все это в конечном счете влекло за собой, как и обычно, перекачивание всей тяжести налогов на средних и мелких землевладельцев. Ведь с шэньши, которые помогали чиновникам управлять страной и принимали активное участие во всех общественных делах на местах — в строительстве дорог, храмов, плотин, каналов, сборе налогов, организации тех или иных массовых движений и начинаний и т. п., — много взять не представлялось возможным. Напротив, к ним еще и прилипало немало из того, что бралось в форме налогов и повинностей в данном уезде. Так что же было делать с интересами казны?

* Шэньши — букв.: «ученые мужи, носящие широкий пояс». Широкий пояс был в древности символом власти. К шэньши принадлежали лица, выдержавшие экзамены на ученую степень, которая давала им право занимать государственные и общинные должности.

Уже говорилось о том, что в цинском Китае обычный династийный цикл несколько деформировался за счет гигантского демографического взрыва. Умножение населения и резкая интенсификация земледельческого труда с соответствующим ростом производства способствовали поступлению налогов в казну. Более того, с увеличением производства объективно возникала возможность и роста налогов. Хотя значительная часть земель оказывалась в руках богатых и они не очень-то торопились платить в казну налоги, на общей массе налогов с данного уезда это сказывалось не слишком заметно, так как возросшее количество дворов возмещало потери. С 1713 года налоговая квота с каждого уезда была жестко фиксированной. На практике это значило, что казна довольствовалась сбором означенной суммы, тогда как все остальное оказывалось в распоряжении местной власти, то есть уездного чиновника и окружавших его богатых земледельцев и шэньши, на которых этот чиновник, а вместе с ним и вся власть, надежно опирались. Из этих собранных сверх квоты налоговых сумм свою долю получали и чиновники более высоких рангов, вплоть до столичных. Государство знало о происходящем, но ничего не предпринимало, видя в этом форму дополнительной оплаты власть имущих и подкормки шэньши, число которых в XVIII — XIX веках в цинском Китае исчислялось, с семьями, в несколько миллионов человек.

Цинский Китай и внешний мир

Маньчжурская династия в некотором смысле оказалась уникальной для Китая. Ни одному из завоевавших Китай народов не удавалось так удачно вписаться в классическую структуру империи. И не просто вписаться, но найти свое место в этой структуре, не раствориться целиком в ней, а сохранить формальный этнополитический приоритет на протяжении немногим менее трех столетий. Чем же можно объяснить это?

Прежде всего тем, что маньчжуры хорошо усвоили конфуцианскую культурную традицию. Стоит напомнить в этой связи о шестнадцати заповедях императора Канси — катехизисе для простого народа, вобравшем в себя в сжатом и понятном виде всю суть великого древнего учения, квинтэссен-

цию его, весь его нравственный потенциал. Уже одно то, что этого не делал никто до Канси и что это было сделано именно маньчжурским императором на китайском троне, говорит о многом.

Маньчжуры не только приняли конфуцианство, что называется, всем сердцем, но и весьма удачно реализовывали его на практике, прежде всего в сфере администрации. Выгодные для них демографическо-экономические процессы они сумели использовать таким образом, чтобы, не обременяя чересчур налогами земледельцев, которые едва ли не с каждым поколением вынуждены были довольствоваться все уменьшавшимися наделами земли, распределять доходы так, чтобы, как говорится, и овцы были целы, и волки сыты.

Разумеется, нет нужды идеализировать маньчжурское правление. Но памятуя, сколь много гневных стрел было направлено исследователями в адрес цинского Китая и его политики, стоит все-таки восстановить историческую справедливость. А она в том, что по меньшей мере на первых порах, в XVII — XVIII веках, маньчжурское правление в Китае было не таким уж скверным для китайцев. Пожалуй, даже — если не иметь в виду чувство попранного национального достоинства в первые десятилетия правления цинской династии — маньчжурское правление, начиная с Канси, было временем сравнительно благополучного существования страны. Этот период продолжался достаточно долго. В частности, он охватил и долгие годы правления Цяньлуна (1736 — 1796), когда в империи достаточно быстрыми темпами развивались города, ремесла и торговля, а внутренняя стабилизация была настолько очевидной, что создавала весьма благоприятные условия для активной завоевательной внешней политики.

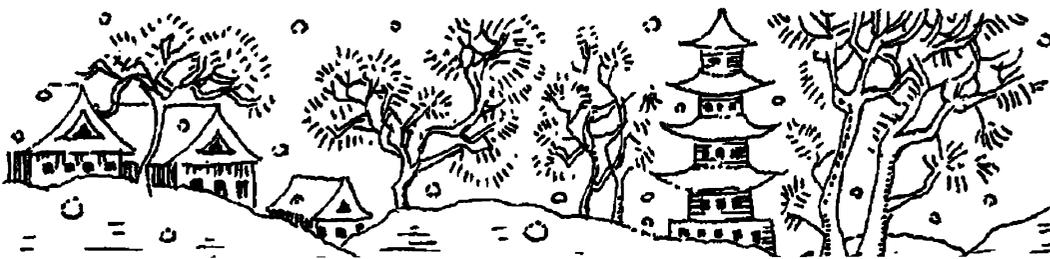
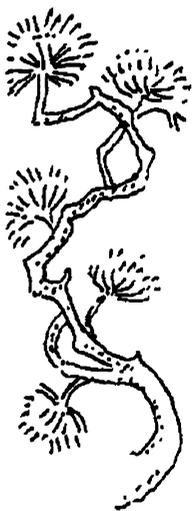
Вообще отношения цинского Китая с внешним миром складывались в XVII — XVIII веках с явным преимуществом в пользу Китая. Колонизация Китая почти не затронула. Первое поколение миссионеров, энергично начавшее осваивать Китай в конце правления династии Мин, занимало заметные позиции и при цинском дворе вплоть до конца XVII века. Однако уже в начале XVIII века от их услуг Китай стал отказываться, а затем и вовсе закрыл христианские церкви и выслал миссионеров из страны. Соответственно цинское

правительство поступило и с иностранными торговцами. Если в XVII веке португальские, голландские, а затем также английские и французские купцы пытались наладить с Китаем торговые связи и добились некоторых успехов, то в середине XVIII века торговля с европейцами была ликвидирована, за исключением одного порта в Кантоне (Гуанчжоу), да и там она велась через посредство утвержденной правительством компании китайских купцов, строго контролируемой чиновниками. При этом в распоряжении португальцев остался прибрежный остров Макао, который был своего рода опорным пунктом иностранной торговли.

Правда, к концу XVIII века узкий ручеек транзитной торговли с Китаем понемногу вновь стал расширяться. Китайский шелк, чай, фарфор и иные товары, пользовавшиеся в Европе исключительным спросом, стали продаваться иностранным купцам в большем количестве. Но и здесь не все было гладко. Дело в том, что европейцы мало что могли предложить взамен. Показателен в этом смысле эпизод с английской миссией Макартнея.

Когда в 1793 году в Китае побывала первая европейская официальная миссия (к слову, на кораблях, везших миссию по рекам и каналам Китая, была начертана весьма характерная надпись: «Носитель дани из английской страны»), ее главе Макартнею был вручен императорский эдикт для передачи королю Георгу III. В эдикте* между прочим было сказано: «Как ваш посол мог сам убедиться, у нас есть абсолютно все. Мы не придаем значения изысканно сделанным предметам и не нуждаемся в изделиях вашей страны». И это, в общем, было правдой. Потребности китайцев вполне удовлетворялись китайскими изделиями, и расширять эти потребности цинское правительство резонно не желало, не говоря уже об ограничительной силе самой китайской традиции. Так что иностранные колонизаторы практически мало что могли извлечь из торговых связей с цинским Китаем. Даже наоборот,

* Содержание его сводилось в основном к следующему: приветствуем ваше желание приобщиться к нашей культуре, готовы принять вашу дань, но на постоянное пребывание посла в Китае не рассчитывайте, и т. п.

они вынуждены были платить, скажем, серебром за китайские товары. Во всяком случае, до тех пор, пока англичане не сумели найти выход.

В обмен на китайские изделия они стали ввозить выращенный в других странах, в основном в Индии, опиум, к курению которого китайцы, особенно жившие в приморских районах, стали быстро привыкать. Ввоз опиума в конце XVIII и особенно в XIX веке все возрастал, пока объем ввозимой отравы не превратился в подлинное бедствие для страны, что и привело к серии опиумных войн в середине XIX века. Собственно, только после этих войн и поражения в них Китая цинская империя начала превращаться в полуколонию. До того ситуация была совершенно иной. Цинское правительство, закрыв свою страну для повседневных контактов с внешним миром и ограничив эти контакты минимумом регулярных связей, немало способствовало тому, что Китай в XVII — XVIII, да и в начале XIX века сохранял статус независимой державы и демонстрировал свои немалые возможности.

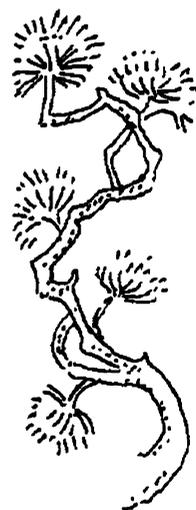
Усилиями цинских властей в начале XVII века была завоевана Внутренняя Монголия, которая после превращения Китая в империю Цин стала ее частью. Вассалом цинского Китая была Корея, к Китаю был присоединен Тибет. В середине XVIII века экспедиции Цяньлуна привели к включению в империю Внешней Монголии и Восточного Туркестана (Синьцзян), а в конце того же века цинские войска совершили ряд успешных походов на Непал, Бирму, Вьетнам, а также несколько потеснили русских в районе Амура. Уже один этот краткий перечень свидетельствует о том, что в течение XVII — XVIII веков цинский Китай территориально вырос едва ли не вдвое, далеко выйдя за пределы Великой стены (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет стали как бы буферными землями, надежно охранявшими собственно Китай), да к тому же еще и оброс вассально зависимыми от него государствами на востоке и юго-западе империи.

Особо следует сказать о русско-китайских отношениях. Если первые шаги в этой области были сделаны, как упоминалось, в конце периода Мин, то основные миссии, главным образом русских в Китай, последовали после установления цинской власти (миссии Ф.И. Байкова в 1654 — 1657 годах,

Н.Г. Спафария в 1675 — 1678 годах и др.). Хотя эти миссии не достигли поставленной цели, то есть не сумели установить с Китаем прочные связи, они немало сделали для этого. Параллельно с миссиями шло продвижение русских казаков, которые вышли к Тихому океану и Амуру и начали осваивать некоторые приамурские территории, которые маньчжуры считали своей вотчиной. Назревала остроконфликтная ситуация. В 80-х годах XVII века Канси перешел к активным действиям: маньчжурское войско вытеснило казаков из крепости Албазин. И хотя вскоре казаки вернулись обратно, обеспокоенное московское правительство решило начать переговоры, для чего было направлено специальное посольство Ф.А. Головина. Трудные переговоры в Нерчинске закончились подписанием в 1689 году невыгодного для России договора (казаки были обязаны оставить Албазин и очистить Приамурье).

Как бы в компенсацию за это через четверть века (1715) была достигнута договоренность об открытии в Пекине Русской духовной миссии — под формальным предлогом заботы о религиозных потребностях тех из албазинских казаков, кто попал в китайский плен и жил в Пекине. Миссия со временем стала не столько духовным, сколько культурным, научным и дипломатическим центром. Там получали китаеведческое образование и писали свои сочинения лучшие специалисты XVIII — XIX веков по Китаю. Миссия сыграла немалую роль в налаживании контактов России с Китаем в те времена, когда регулярного обмена посольствами и тем более стационарных посольств иных стран цинский Китай еще не знал. Важно также, что уже с середины XVIII века между Россией и Китаем через Монголию была налажена достаточно регулярная торговля.

Из сказанного вполне очевидно, что вплоть до XIX века цинский Китай уверенно и даже не без оттенка высокомерия сохранял свои традиционные позиции в сношениях с внешним миром. Кое в чем он время от времени поступался, разрешая, в частности, вести торговлю с европейскими и русскими купцами без обычного прикрытия этих связей камуфляжем даннических отношений. Хотя, как это хорошо видно из материалов о посольстве Макартнея или из описей русских мис-

сий, во взаимоотношениях с официальными представителями держав маньчжуры твердо стояли на почве традиции, едва ли не искренне считая послов представителями от государств-вассалов, если не реальных, то потенциальных. Словом, цинский Китай, особенно после его немалых территориальных приобретений XVII — XVIII веков, был одной из крупнейших стран мира с достаточно еще стабильной и жизнеспособной внутренней структурой, с хорошо налаженной экономикой, сильной армией. Но слабость его была именно в том, что в другие времена всегда составляло его силу, — в мощи китайского традиционного государства и отсутствии развитой по европейским меркам и принципам частной собственности. Это стало отчетливо сказываться с начала XIX века, когда англичане начали быстрыми темпами наращивать ввоз опиума в Южный Китай.

Движимые жаждой наживы, английские купцы поставили дело на широкую ногу, так что то самое серебро, которое до того шло в Китай, теперь стало щедрым потоком идти в обратном направлении — в качестве платы за опиум, торговля которым шла в основном контрабандным путем. Несмотря на официальные запреты и даже эдикты императора, торговля не прекращалась, причем нет сомнений в том, что на этом грели руки и наживались многие чиновники цинской администрации. Только в 1839 году, когда наместником двух южных провинций стал Линь Цзэ-сюй, началась энергичная борьба против опиумной контрабанды, в ходе которой конфискации подверглись запасы опиума в английских торговых факториях. Эти события были использованы Англией в качестве повода для войны. В конце 1839 года были спровоцированы первые столкновения китайцев с англичанами, а летом 1840 года британская военная эскадра высадила десант. Отставка Линь Цзэ-сюя не смягчила остроту конфликта, начались открытые военные действия, которые завершились капитуляцией цинского Китая летом 1842 года.

Неповоротливость традиционного государственного механизма, неумение вести бои против хорошо вооруженных современным оружием английских войск — все это, равно как и экономическая незаинтересованность Китая в активных связях с внешним миром, поставило страну в крайне

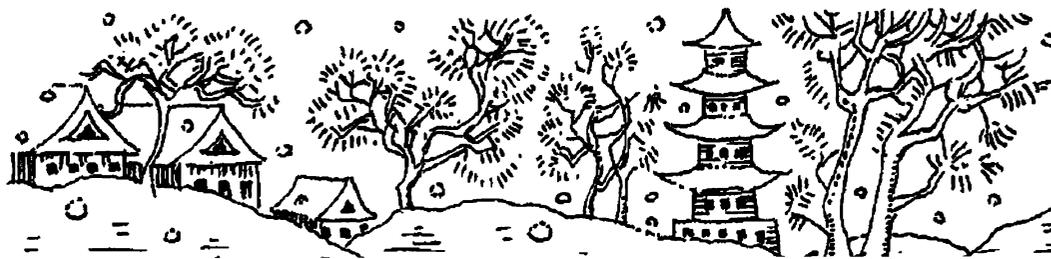
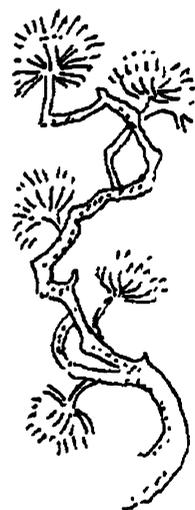
невыгодное положение перед лицом активного, энергичного, напористого врага, движимого чувством наживы и стремлением найти емкий рынок для своей нуждающейся в новых рынках промышленности. Нанкинский договор 1842 года практически поставил Китай на колени: империя должна была выплатить огромную контрибуцию и предоставить Англии множество льгот, начиная с открытия для торговли теперь уже пяти портов и кончая льготными условиями для британских торговцев, вплоть до низких пятипроцентных таможенных тарифов. Вскоре аналогичные льготы получили торговцы других европейских стран, а все иностранцы приобрели право экстерриториальности, то есть неподсудности китайским властям.

Эта серия неравноправных договоров и открытие Китая для иностранной торговли на очень льготных основах, с откровенными привилегиями для иностранцев, и положили начало не столько превращению Китая в полуколонию (преувеличивать этот момент едва ли стоит — Китай оставался вплоть до XX века политически независимым государством), сколько упадку империи, концу цинской династии.

Глава 11

Юго-Восточная Азия: Цейлон и страны Индокитая

На протяжении тысячелетий взаимоотношения развитых центров мировой цивилизации с варварской периферией складывались достаточно сложно. Собственно, принцип взаимоотношений был однозначным: более развитые культурные земледельческие центры влияли на отсталую периферию, втягивая ее постепенно в свою орбиту, стимулируя ускорение темпов социального, политического, экономического и культурного развития ее народов. Но этот генеральный принцип в различных условиях действовал по-разному. В одних случаях ближнюю периферию постепенно аннексировала расширяющаяся империя; в других — энергично развивавшийся и обладавший пассионарным зарядом народ,

получив первоначальный импульс для движения вперед от других, начинал затем вести активную политику и, в частности, вторгался в зоны тысячелетней цивилизации, подчиняя себе многие древние страны (арабы, монголы и др.). Наконец, третьим вариантом было постепенное накопление полезных заимствований и некоторое ускорение за этот счет собственного развития без активной внешней политики, но с учетом взаимных контактов и миграций народов. Вот этот третий путь был типичным для народов, населяющих Юго-Восточную Азию.

Юго-Восточная Азия — уникальный регион, место пересечения многих мировых путей, миграционных потоков, культурных влияний. Пожалуй, в этом смысле ее можно сравнить только с Ближним Востоком. Но если ближневосточные земли были в свое время колыбелью мировой цивилизации, если к ним так или иначе тянутся истоки едва ли не всех древнейших народов мира, важнейших изобретений и технологических открытий, то с юго-восточно-азиатским регионом дело обстоит несколько иначе, хотя и в чем-то похоже.

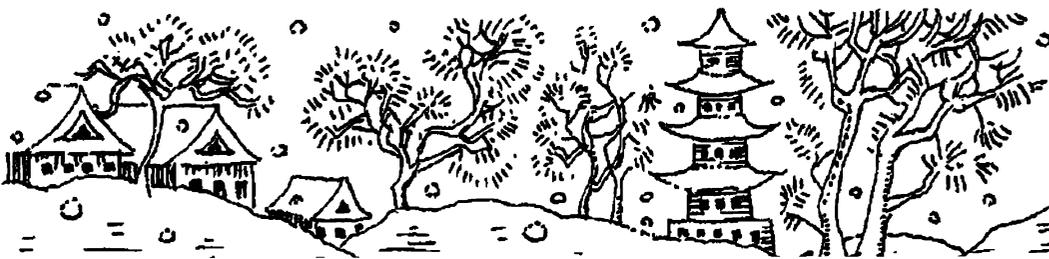
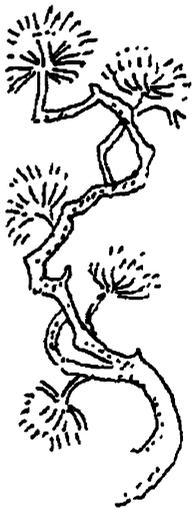
Сходство в том, что, как и Ближний Восток, Юго-Восточная Азия еще на заре антропогенеза была местом обитания человекообразных: именно здесь наука обнаружила следы архантропов (питекантроп яванский), а в середине XX века дала и множество других аналогичных открытий. Если и есть на Земле самостоятельные — иные, кроме ближневосточного, — центры неолитической революции, то в Евразии это именно юго-восток: здесь археологи нашли следы раннеземледельческих культур едва ли не большей древности, чем ближневосточные. Однако существенная разница в том, что земледелие в этом регионе было представлено выращиванием клубне- и корнеплодных (особенно таро и ямса), но не зерновых.

Казалось бы, разница не столь уж велика, главное все-таки в принципе: дошли же жившие здесь народы, причем вполне самостоятельно, до искусства выращивания растений и собирания плодов! Как, к слову, и до искусства керамики. И все-таки эта разница оказалась в некотором смысле роковой по результатам: возделывание зерновых привело в свое время ближневосточный регион к накоплению избыточного

продукта, которое сделало возможным возникновение первичных очагов цивилизации и государственности, тогда как возделывание клубней с их менее полезными свойствами похожих результатов не дало (клубни, в отличие от зерна, долго не сохранишь, особенно в жарком климате, да и еда эта по своему составу во многом уступает зерну). И хотя несколько десятилетий назад специалисты нашли в пещерах Таиланда следы весьма древней культуры бронзового века, что вносит немало нового в существующие представления о развитии и распространении бронзовых изделий, решающей роли в пересмотре взглядов на место юго-восточно-азиатского региона в мировой истории это не сыграло. Ни местное земледелие, ни — позже — изделия из бронзы не привели здесь к возникновению древнейших очагов цивилизации и государственности, которые были бы сопоставимы с ближневосточными.

Достаточно рано, еще в IV тысячелетии до н. э., быть может, не без воздействия извне, юго-восточно-азиатские народы перешли к возделыванию зерновых, в частности риса, но лишь сравнительно поздно, незадолго до нашей эры, в этом регионе стали возникать первые протогосударственные образования. Не вполне ясны причины такой задержки в развитии региона, который стартовал так давно и достиг столь многого еще в глубокой древности. Быть может, сыграли свою роль не очень благоприятные для образования крупных политических организмов природные условия, включая жаркий, тропический климат. Или повлияла географическая среда. Но факт остается фактом: первые протогосударства, возникшие под сильным влиянием, а порой и под прямым воздействием индийской культуры, сложились в этом регионе только незадолго до начала нашей эры.

Индийское культурное влияние (брахманизм, касты, индуизм в форме шиваизма и вишнуизма, затем буддизм) определяло социальное и политическое развитие протогосударств и ранних государств всего юго-восточно-азиатского региона — как его полуостровной части (Индокитай), так и островной, включая Цейлон (хотя этот остров в строго географическом смысле не входит в Юго-Восточную Азию, по историческим судьбам он достаточно тесно примыкает к ней, что мы и при-

мом во внимание). Воздействие индийской культуры было самым непосредственным: многие представители правящих домов в регионе возводили свой род к выходцам из Индии и весьма этим гордились. В религиозных верованиях и в социальной структуре, включая кастовое членение, это воздействие видно, что называется, невооруженным глазом. Но со временем влияние со стороны Индии ослабевало. Зато усиливались иные культурные потоки.

Прежде всего имеется в виду Китай. Западные районы Индокитая, и особенно Вьетнам, были зоной китайского влияния со времен династии Цинь, когда первые вьетнамские протогосударства были подчинены циньской армией и затем на долгие века, несмотря на порой героическое сопротивление вьетнамцев, остались под властью Китая. Да и после обретения Вьетнамом независимости китайское воздействие на регион не ослабло. Позже на юго-востоке Азии появился и третий мощный поток культурного влияния — мусульманский, который стал вытеснять влияние индийское.

То, что страны и народы Юго-Восточной Азии оказались под воздействием трех великих восточных цивилизаций, не могло не наложить на регион своего отпечатка и не сказаться на сложности культурно-политической ситуации. Если же прибавить к сказанному, что в Индокитай постоянно шли с севера миграционные потоки и что этот полуостров с его горными цепями, узкими долинами, бурными реками и джунглями был, что называется, самой природой уготован для существования многочисленных разрозненных и этнически замкнутых групп, то станет очевидным, что и этническая, языковая ситуация здесь всегда была сложна. Обратимся теперь к истории основных стран и народов Индокитая, затронув при этом и Цейлон.

Шри-Ланка (Цейлон)

В географическом и историко-культурном плане Цейлон всегда тяготел к Индии. Но он всегда имел и достаточно тесные связи с Индокитаем. В частности, немалая доля того культурного влияния со стороны Индии, о котором уже говорилось, шла именно через Цейлон, который на рубеже нашей эры стал

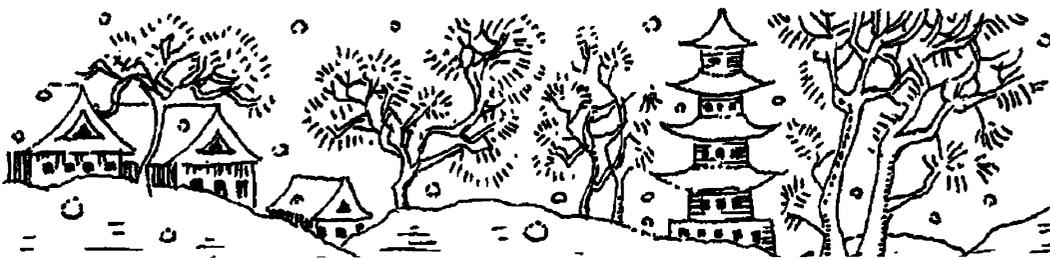
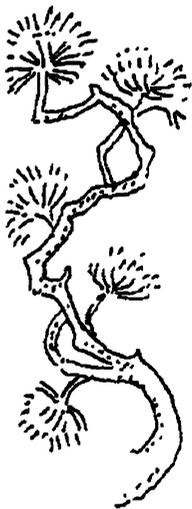
признанным центром пришедшего из Индии буддизма в его ранней хинаянистской модификации*.

Трудно с точностью говорить о первых шагах государственности на острове. Легенды повествуют о том, что в III веке до н. э. местный правитель послал посольство ко двору императора Ашоки и что в ответ на Цейлон прибыл сын Ашоки, буддийский монах Махинда, который обратил в буддизм правителя острова, его окружение, а затем и все местное население. Неясно, насколько эти предания соответствуют истине, но весьма вероятно, что они как-то отражают ее и что именно в III веке до н. э. под влиянием потока мигрантов-буддистов из Индии, ознакомивших местное население с буддизмом и другими элементами индийской цивилизации, включая и рисосеяние, на острове возникли первые устойчивые государственные образования. Во всяком случае, вполне определенно, что государство со столицей в Анурадхапуре с самого своего возникновения стало буддийским, а буддийские монастыри и монахи играли в нем огромную роль.

Цейлон быстро превратился в святилище буддизма. Здесь был торжественно высажен отросток от священного дерева, под которым некогда, по преданию, прозрел великий Будда. Сюда со всей пышностью были привезены мощи Будды. Здесь началось составление писаного канона буддизма Трипитаки. И наконец, именно на Цейлоне в первые века нашей эры был выстроен знаменитый храм в Канди, где как самое ценное достояние страны хранился зуб Будды, для поклонения которому стекались из соседних буддийских стран многочисленные пилигримы.

Вся политическая история острова с III века до н. э. по XII век н. э. связана с борьбой за укрепление и отстаивание позиций буддизма. Ассимиляция мигрантов из Индии с туземным населением заложила на рубеже нашей эры основы сингальского этноса. Сингальские правители были, как

* Хинаяна (букв.: «малая колесница» — в значении «малый или низший путь», «узкий путь») — наряду с махаяной одно из двух основных направлений буддизма, в махаяне считается частью пути к просветлению. В основе хинаяны лежит буддийская идея о двух состояниях бытия: проявленном и непроявленном. Характерная черта хинаяны — отрицание души как самостоятельной духовной сущности.

правило, ревностными защитниками буддизма. Вместе с тем остров время от времени захлестывали волны пришельцев из Южной Индии, завоевателей-тамиллов, вместе с которыми на Цейлон прибывали многочисленные индуисты. Индуизм начинал теснить буддизм, и это вызывало многочисленные конфликты. Новые волны мигрантов из Индии несли с собой также элементы буддизма махаянистского толка*, так что религиозная ситуация на Цейлоне становилась все более сложной. В целом, однако, она свелась к тому, что окрашенная в религиозные тона рознь между местным сингальским буддистским населением и пришлым индуистским тамильским** сохранялась на протяжении всей истории страны и дожила, как известно, до наших дней.

Столицей страны вплоть до XI века была Анурадхапура с ее обилием буддийских храмов и монастырей. Затем, в связи с завоеванием Цейлона южноиндийским государством Чолов и провозглашением в качестве официальной религии индуизма в форме шиваизма, столица была перенесена в город Полоннарува, центр индуизма. Впрочем, буддийские монастыри, как и индуистские храмы, на Цейлоне процветали всегда. В их распоряжении были богатые земли и иные сокровища, они обладали налоговым иммунитетом и имели огромный престиж среди местного населения.

Политическая история острова, как и других стран Востока, подчинялась общим законам цикловой динамики: периоды централизации и эффективной власти сильных правителей

* Махаяна (букв.: «великая колесница») — одно из двух основных направлений буддизма. Главными «опорами» махаянской традиции являются праджня (интуитивная мудрость) и каруна, или сострадание. С помощью каруны и искусных средств, или упай, реализуется учение о бодхичитте, подразумевающее стремление к собственному пробуждению «на благо всех живых существ». Спасение всех без исключения живых существ подразумевает безграничную любовь и сострадание к ним, или махакаруну, что воплощается в бодхисаттве — существе, которое дало обет отказаться от индивидуального достижения нирваны до тех пор, пока оно не поможет всем существам освободиться от страданий.

** Оседание тамильцев на севере острова превратило некоторые его районы почти целиком в тамильские; там время от времени возникали самостоятельные тамильские государства.

сменялись периодами децентрализации и междоусобной борьбы, после чего вновь возникали сильные централизованные государства, обычно покровительствовавшие буддизму (если только это не были государства, основанные мигрантами из Индии). Верховным собственником земли в стране считался глава государства. Крестьяне платили ренту-налог в казну либо монастырям и храмам. Существовала довольно сильная, близкая по стандарту к индийской (хотя и без каст) община, делами которой ведал общинный совет. В административном плане страна делилась на провинции, области и уезды.

В XII — XV веках заметно усилились феодально-сепаратистские тенденции на Цейлоне, вследствие чего лишь отдельным правителям и на короткий срок удавалось объединить страну, фактически распавшуюся на части. Наиболее сильной и богатой частью острова был юго-запад, где возникло самостоятельное государство Котте, основу дохода которого составляло выращивание кокосовых пальм и коричневого дерева. Торговля корицей, которая велась транзитом через Индию, приносила огромные доходы и послужила одним из источников представлений европейцев об Индии (о Цейлоне они тогда еще и не подозревали) как о стране пряностей. Стремление овладеть путями к стране пряностей было, как мы знаем, важнейшим стимулом, способствовавшим Великим географическим открытиям XV — XVI веков. Португальцы обосновались на юго-западе Цейлона уже в самом начале XVI века; на территории Котте ими был выстроен форт Коломбо. Подчинив Котте, они затем подчинили своему влиянию и государство Канди в центре острова.

Однако в конце XVI века серия восстаний заставили португальцев отступить, и в середине XVII века они окончательно были изгнаны с Цейлона, но зато на смену им пришли голландцы, захватившие в свои руки монополию на торговлю корицей. В конце XVIII века были изгнаны и голландцы, а их место заняли англичане. На фоне этих междоусобных войн колонизаторов местные политические деятели из числа сингальской и тамильской знати уже не были в силах защищать интересы страны и народа. С начала XIX века Цейлон стал английской колонией, центром разведения идущих на экспорт кофе, а затем и чая.

Плантационное хозяйство заметно трансформировало привычную аграрную структуру страны. У многих крестьян были отняты их земли, а сами они были превращены в батраков, работавших на плантациях. В помощь им порой привозились из Индии завербованные там рабочие. Впрочем, сравнительно быстрое развитие страны в XIX веке вело к возрождению в ней национального сознания на новой основе. И хотя идейной базой национализма продолжал оставаться в основном буддизм, что является характерным для Шри-Ланки и сегодня, в стране возникла и с середины XIX века стала играть немалую роль светская национальная культура (газеты на сингальском, а затем и тамильском языках, новая литература), что способствовало развитию антиколониальных настроений, а затем и политических движений.

Бирма

Территория Северной Бирмы издревле служила пешеходным мостом между Индией и Китаем, но государственность в самой Бирме возникла сравнительно поздно. Достоверно известно лишь о том, что древнейшие аборигены здешних мест еще во II тысячелетии до н. э. были потеснены пришедшими с севера и северо-востока мон-кхмерами, после чего в I тысячелетии до н. э. с севера сюда стали прибывать волнами тибето-бирманские племена. Протогосударство Аракан на юго-западе Бирмы было, видимо, древнейшим, причем не исключено, что в возникновении его сыграли определенную роль явившиеся из Индии на рубеже нашей эры монахи, которые привезли с собой буддийские реликвии, — так, во всяком случае, гласят легенды. Позже, примерно в IV веке, в центре современной Бирмы возникло протогосударство Шрикшетра бирманского племени пью, где, очевидно, господствовал буддизм южного хинаянистского толка. Впрочем, пью уже были знакомы и с вишнуизмом, о чем свидетельствуют сохранившиеся от того времени каменные скульптуры Вишну. На юге Бирмы возникло монское государство Раманадеса.

Все эти ранние государственные образования, особенно Шрикшетра, сыграли определенную роль в возникновении

более развитого государства — королевства Паган, которое с XI века объединило под своей властью как населенные бирманцами северные земли, так и южнобирманскую страну монов. Вассально зависимым от Пагана стал и Аракан. Наиболее прочные позиции в Пагане (специальная пагода Швезигон была выстроена для того, чтобы в нее торжественно поместили копию цейлонского зуба Будды из Канди) занял южный буддизм Тхеравада*, оттеснивший на второй план проникавший с севера махаянистский буддизм, в немалой степени отягощенный элементами тантризма с его сексомагией.

Как считается, много сделал для укрепления королевства Паган его легендарный основатель Аноратха (1044 — 1077). При нем, по преданиям, были заложены основы бирманского письма на основе графики пали и монского алфавита, получили развитие литература, различные искусства, прежде всего в их индианизированной мифологической форме. Видимо, определенное влияние на культуру Пагана оказал и Китай. Мало известно о внутренней социально-экономической структуре паганского общества. Но то, что дошло до нас, вполне вписывается в привычные параметры: в стране господствовала верховная собственность на землю, существовали вассальные владения крупной знати, аппарат чиновников, а также общинные крестьяне, которые платили в казну либо поставленному над ними казной владельцу земли, аристократу и чиновнику, ренту-налог.

Укрепление экономических позиций знати и буддийской церкви привело в конце XII века к ослаблению не устоявшейся еще централизованной структуры паганского королевства. Слабеющая держава начала распадаться на части, а нашествие монголов во второй половине XIII века ускорило ее развал. В XIV — XVI веках в Бирме сосуществовало несколько небольших государств. В середине XVI века шанское княжество Пегу ненадолго объединило Бирму под своей властью и даже на пятнадцать лет поставило в вассальную зависимость от себя крупное тайское государство Аютию. Но на рубеже

*Тхеравада (букв.: «учение старцев») — старейшая, наиболее консервативная школа буддизма.

XVI и XVII веков ситуация резко изменилась в связи с появлением в Бирме португальцев, развивших активную деятельность, которая включала чуть ли не насильственную христианизацию местного населения. Возмущение действиями португальских колонизаторов, пользовавшихся определенной поддержкой властей, привело к гибели государства Пегу. На смену ему пришло новое государство под властью правителя княжества Авы, который сумел объединить вокруг себя большую часть Бирмы. Авское государство просуществовало свыше ста лет, до середины XVIII века, причем временами оно находилось под сильным давлением со стороны цинского Китая, хотя при этом в нем по-прежнему хозяйничали португальские, индийские, а чуть позже также голландские и английские купцы, державшие в своих руках всю внешнюю и транзитную торговлю.

Социально-политическая структура в позднем Средневековье в принципе оставалась той же, что была ранее. Правитель, высший субъект власти-собственности, опирался на достаточно развитый аппарат власти, состоявший из нескольких центральных учреждений и различных административных подразделений. Управители-мьютуджи считались чиновниками и за свою службу имели право на часть ренты-налога с управляемых ими областей. Остальное шло в казну государства и использовалось на содержание центрального аппарата, войска и иные нужды. Существовало монастырское землевладение, освобожденное от налогообложения. Значительной автономией пользовались правители окраинных княжеств, населенных в основном небирманскими племенами.

Буддийская церковь в Бирме была официально господствующей. Расположенные по всей стране монастыри были здесь не только религиозными, но также образовательными и культурными центрами, блюстителями знаний, нормы и порядка. Считалось нормальным, что каждый юноша учится — если вообще он учился — именно в соседнем монастыре и, естественно, прежде всего мудрости буддизма.

Едва ли не весь XVIII век в Бирме прошел бурно. На западе древнее государство Аракан, вновь обретшее самостоятельность, испытывало сильное давление со стороны Бенгалии. Сложные взаимоотношения Аракана с бенгальскими

исламскими правителями — а через них и с администрацией империи Великих Моголов, пока она еще существовала, — и с явно стремившимися расширить зону своего влияния за счет Бирмы англичанами усугублялись внутрибирманскими конфликтами и необходимостью постоянной борьбы с португальцами. Новое бирманское государство, сложившееся на месте Авского, тут же вступило в вооруженный конфликт с китайскими войсками. Постоянно велись весьма обременительные войны бирманских государств с Сиамом.

Тем не менее можно сказать, что в XVIII веке Бирма переживала постепенный процесс политической интеграции. Одним из его проявлений стали военно-политические успехи: в начале XIX века к Бирме были присоединены индийские княжества Ассам и Манипур. Правда, в ходе первой англо-бирманской войны 1824 — 1826 годов не только эти княжества, но также и Аракан были аннексированы англичанами, равно как и Тенассерим — вытянутая полоса между Андаманским морем и западным Таиландом. Аннексия бирманских земель была продолжена в ходе второй (1852), а затем и третьей (1885) англо-бирманских войн, после чего независимая Бирма перестала существовать.

Таиланд (Сиам)

Если не считать упоминавшихся уже находок изделий из бронзы в пещерах Таиланда, датируемых весьма ранней древностью, но пока еще никак не увязанных с какими-либо этническими группами и тем более компактными и четко фиксируемыми археологическими стоянками и культурами, — то придется признать, что наиболее ранние следы городской жизни, цивилизации и государственности в Таиланде относятся лишь к началу нашей эры, когда здесь обитали мигрировавшие сюда незадолго до того племена мон-кхмеров. Есть веские основания полагать, что, как и в случае с древней Бирмой, толчком для создания здесь первых очагов государственности послужило интенсивное проникновение индийского влияния и, в частности, буддизма хинаянистского толка.

Китайские летописи упоминают о независимом государстве Дваравати применительно к VII веку, а более ранние надписи

на монском и санскрите позволяют предположить, что это протогосударство существовало уже в IV — VI веках и первоначально было вассалом кхмерского государства Фунань. С VIII — IX веков его столицей стал город Лопбури (Лаватура), соответственно изменилось и название государства. Лопбури находилось в вассальной зависимости от кхмеров, с XI века — от Камбоджи. Другое монское государство на территории Таиланда — Харипуджайя — возникло в VIII — IX веках чуть севернее Лопбури и вело с ним непрерывающиеся войны. После фактического подчинения Лопбури Камбодже Харипуджайя стала вести войны с Камбоджей.

Пока моны и кхмеры выясняли отношения друг с другом, с севера волна за волной мигрировали на юг племена таи. Еще в VII веке таи, возможно, смешавшиеся с тибето-бирманскими племенами, создали на территории современного Южного Китая (провинция Юньнань) государство Наньчао, просуществовавшее как независимое политическое образование вплоть до нашествия монголов в XIII веке и немало способствовавшее как миграции тайских племен на юг, так и проникновению туда элементов китайской культуры. Смешиваясь с местным мон-кхмерским населением, а затем вновь наслаиваясь на эту ранее метисованную основу, тайские племена в XI — XII веках стали явно преобладать на территории Таиланда как количественно, так и в этноязыковом плане.

Создание нескольких тайских государственных образований было той солидной основой, на которой в XIII веке тайские вожди, воспользовавшись ослаблением кхмерской Камбоджи, объединились в рамках государства Сукотаи, достигшего наивысшего расцвета при правителе Рамкамхенге (1275 — 1317). Захват монголами Юньнани и падение государства Наньчао вызвали новую волну тайско-наньчаоской миграции, что усилило политические позиции Сукотаи, которое расширило свою территорию, заставив потесниться как древние монские государства Лопбури и Харипуджайю, так и кхмеров, то есть Камбоджу, к тому времени уже сильно ослабевшую.

Усиление влияния Сукотаи было, однако, недолговечным. Внутренняя слабость этого государства (правитель обычно

раздавал сыновьям в качестве наследственных уделов немалую часть территории страны, что не могло не привести к ее феодальной раздробленности; не исключено, что этот институт уделов был заимствован из китайской традиции) привела к распаду его после смерти Рамкамхенги. В результате последовавшей затем междоусобной борьбы тайских правителей возвысился один из них, основавший новую столицу Аютию и коронованный под именем Раматибоди I (1350 — 1369). Раматибоди и созданное им государство Аютия приложили серьезные усилия для объединения всех тайских земель. В XV веке Аютия распространилась почти на все территории, где жили тайцы, подчинила себе ряд соседних населенных монами земель и превратилась в одно из крупнейших государств Индокитая; даже Камбоджа была его вассалом.

Правители Аютии учли ошибки Рамхамхенги и вычленили из китайского опыта только его наиболее сильные стороны. Высшим и единственным распорядителем земли, субъектом власти-собственности в государстве был король, по отношению к которому все землевладельцы выступали в качестве налогоплательщиков. Управлял страной разветвленный государственный аппарат, причем чиновники в качестве жалованья получали право сбора определенной доли ренты-налога с управляемых территорий в строгом соответствии с рангом и должностью. Крестьяне жили общинами и платили ренту-налог в казну. Часть крестьян была приписана к военному ведомству. Видимо, завоевания тайцев в немалой степени зависели от этой части населения, то есть военнопоселенцев.

Однако и хорошо организованная армия не спасла в середине XVI века Аютию от захвата бирманским государством Пегу, бывшим тогда на вершине своего могущества. Правда, в подневольном состоянии Аютия пребывала недолго. В 1584 году началось мощное движение за независимость, и в период правления Наресуана (1590 — 1605) бирманцы и кхмеры, которые поспешили воспользоваться ослаблением Аютии и отхватили часть ее территории, были изгнаны. Более того, Аютия завершила объединение всех тайских земель.

Тут следует заметить во избежание путаницы, что Сиамом страну называли исключительно за рубежом. В разное время

с названием Сиам могут соотноситься как Аюття и Сукотаи, так и последовательно сменявшие их Тхонбури, Раттанакосин и Таиланд.

Как и другие страны региона, Сиам в XVI веке стал объектом колониальной экспансии со стороны португальских, голландских, английских и особенно французских купцов. Но на рубеже XVII и XVIII веков местные власти изгнали иностранных торговцев. Изоляция страны от европейского торгово-промышленного капитала способствовала некоторому упадку хозяйства и вызвала усиление эксплуатации крестьян. Теперь уже практически все крестьяне Сиама были обязаны шесть месяцев в году работать на казну. Иными словами, норма ренты-налога повысилась до 50 процентов. При этом кабально-зависимые, особенно из числа этнически чуждых тайцам народов, превратились почти в рабов, что время от времени вызывало в стране восстания, имевшие часто религиозно-мистическую окраску. Восстания эти обычно возглавлялись буддистами.

XVIII век прошел для Сиама под знаком войн с Вьетнамом и Бирмой, а также в стремлении подчинить ослабевшие Лаос и Камбоджу. Успехи в этих войнах укрепили центральную власть, которая смелее стала развивать хозяйственные связи страны с внешним миром.

В XIX веке Сиам был единственным независимым государством в Индокитае. Конечно, он также постепенно втягивался в мировой рынок, в него также проникал колониальный капитал, но колонией какой-либо из держав эта страна так и не стала, что определило ее особое положение в Юго-Восточной Азии.

Камбоджа

Древнейшим государственным образованием на территории Камбоджи была Фунань — индианизированное государство, история которого известна в основном по данным китайских хроник. Все, что известно о Фунани, указывает на индийские и индуистско-буддийские политические и культурные истоки, тогда как об этнической характеристике населения трудно сказать что-либо определенное. Не исключено, что одним

из основных местных субстратов уже и тогда были кхмеры, хотя, возможно, роль их в то время была еще невелика. Завоевание Фунани ее северным соседом Ченла, в прошлом ее вассалом, привело в середине VI века к господству кхмеров, культура и письменность которых сложились на индо-буддийской санскритской основе. Как полагают, индоиранским по происхождению было и название Камбоджа, как стало именоваться новое государство. Немногочисленные надписи на санскрите и кхмерском языках, а также материалы китайских источников содержат немало сведений о ранних периодах истории Камбоджи, которую нередко посещали китайские посольства (стоит вспомнить, что в эти века Китай был союзником Вьетнама и китайцы часто бывали рядом с кхмерским государством).

Сведения, о которых идет речь, позволяют предположить, что структура ранней кхмерской Камбоджи была типичной для восточных обществ. Землевладельцы в основном жили общинами. Существовало служебное землевладение. В казну шел поток ренты-налога. Государственный аппарат существовал на привычной иерархическо-чиновничьей основе. Господствующей религией был буддизм, хотя большую роль играл и индуизм. Даже в мифологии есть следы претензий правящего дома Камбоджи на родство с легендарными индуистскими «лунной» и «солнечной» династиями.

На рубеже VII и VIII веков Камбоджа распалась на несколько соперничавших государств, в ходе междоусобной борьбы которых с IX века стала усиливаться Камбуджадеша (Ангкорская Камбоджа) с ее обожествленными правителями (дева-раджа, то есть царь-бог), чей культ содействовал развитию строительства пышных дворцово-храмовых комплексов. Непревзойденной вершиной стали храмы Ангкора, где доминировали башни в форме линги — шиваистского символа правителя. Соответственно, огромную роль в стране играли индуистские жрецы-брахманы, то и дело прибывавшие в Камбоджу. Правитель страны был высшим собственником всего, включая земли, то есть субъектом власти-собственности. Часть земли непосредственно принадлежала двору, немало — жрецам и храмам. Доход с остальных шел в казну. Обрабатывали землю общинные крестьяне, но на королевских

и храмовых землях этим обычно занимались неполноправные кхньюм. Административный аппарат состоял из чиновников, получавших за службу временные служебные наделы, которые, как правило, тоже обрабатывали кхньюм. Поскольку должности, особенно в высших разрядах чиновничества, бывали наследственными, чиновник по статусу был близок к знатному аристократу с его наследственными, нередко перераставшими в феодальные, правами.

Расцвет Ангкорской Камбоджи пришелся на XI век; с XIII века она стала заметно ослабевать, чему способствовало проникновение из соседних стран буддизма в его южной хиньянистской форме. Религиозная борьба между индуистами-шиваитами и буддистами закончилась победой буддизма, что совпало по времени с ослаблением и распадом Камбуджадеша. С XIV века власть монарха потеряла божественный ореол, и государственной религией стал хиньянистский буддизм. В XV веке, когда сиамцы разграбили Ангкор, Камбуджадеша окончательно перестала существовать. Правда, вскоре Камбоджа была воссоздана заново со столицей в Пномпене, но величие страны, как и значение ее национальной гордости — храмов Ангкора, ушли в прошлое.

В XVI — XVII веках Сиам и Дайвьет (Вьетнам) сильно теснили Камбоджу. И хотя временами кхмерам удавалось постоять за себя, сила была уже не на их стороне. В XIX веке правители Камбоджи вынуждены были признать двойной сюзеренитет Сиама и Вьетнама и искать помощи против своих сюзеренов на стороне, у французов, которые не преминули воспользоваться этим, что и привело к превращению Камбоджи в колонию Франции.

Лаос

История Лаоса развивалась во многом параллельно тайландской: на местную аборигенную аустроазиатскую этноязычную основу наложился вначале мон-кхмерский, а затем тай-лаосский слой. Но в отличие от Таиланда города и протогосударства здесь оформились довольно поздно, в основном уже под влиянием кхмерской и даже тайской культур и через них — индо-буддизма. Этому процессу способствовали волны

тайской миграции, вызывавшиеся политическими событиями в Наньчао в IX — XIII веках. В XIII веке Северный Лаос вошел в состав тайского государства Сукотай, где господствующей религией был буддизм Тхеравада. Южные районы Лаоса в это время находились под влиянием кхмерских государств. В XIV веке несколько лаосских княжеств объединились в государство Лансанг, первый правитель которого Фа Нгун (1353 — 1373) расширил свои владения за счет северно-восточных районов Таиланда.

Административная структура Лансанга, как и тайская, вобравшая, видимо, немало из китайской традиции через посредство Наньчао, представляла собой иерархическую сеть центральных и окружных администраторов, каждый из которых управлял определенным ведомством либо округом, заботясь при этом о взимании с крестьян ренты-налога и осуществлении необходимых общественных работ. Видимо, окружные начальники ведали и соответствующими военными формированиями. Тайское население считалось привилегированным, именно из него в основном набирали воинов. Большим влиянием в стране пользовались буддийские монахи. Строились многочисленные буддийские храмы и монастыри, бывшие одновременно — как и в Бирме, Сиаме, на Цейлоне, в Камбодже и других буддийских странах — центрами образования, грамотности, культуры.

В XIV — XV веках Лансанг вел длительные войны с Аютией (Сиамом) за контроль над некоторыми тайскими княжествами. Затем начались войны с Дайвьетом, а с XVI века — с Бирмой. Эти века были временем расцвета единого лаосского государства, его литературы и культуры. Наивысшего могущества Лансанг добился в годы правления Сулигна Вонгса (1637 — 1694), но после его смерти государство распалось на ряд княжеств, из которых сильнейшим стал Вьентьян, правители которого, опираясь на поддержку бирманского Авского государства, соперничали с тайской Аютией.

Усиление Сиам в конце XVIII века и ориентация на него враждебных Вьентьяну князей привели к походу тайцев в Лаос, завершившемся превращением Лаоса на некоторое время в вассала Сиам. В начале XIX века в результате новых войн с сильным сиамским государством Лаос потерпел поражение

и был расчленен. Большая часть его территории попала под власть Сиама и Вьетнама. После вьетнамо-французских войн в 60-х и 80-х годах XIX века Лаос оказался под сильным влиянием Франции, а затем стал ее протекторатом.

Вьетнам

Вьетнамцы — наиболее многочисленный из современных народов Индокитая. Их история, если иметь в виду государственность, восходит по крайней мере к III веку до н. э. Известно, что протогосударства Намвьет (частично на территории современного Китая) и Аулак были в это время завоеваны войсками китайского императора Цинь Ши-хуанди и стали частью Китая. Правда, после крушения империи Цинь циньский военачальник Чжао То объявил о независимости Намвьета, а себя провозгласил императором. Позже, при У-ди, в 111 году до н. э., северо-вьетнамские земли вновь были подчинены Китаю и, несмотря на порой героическое сопротивление захватчикам (восстание сестер Чынг в 40 — 43 годах), оставались под властью китайской администрации вплоть до X века.

Все это время Северный Вьетнам, население которого было этнически близко древнекитайскому царству Юэ, в культурном плане ориентировался на китайскую империю, что не могло не наложить отпечаток на его историческую судьбу. Это сказалось и на характере социально-экономических отношений, и на формах политической администрации, и на всем образе жизни людей. Управляемый китайскими наместниками Северный Вьетнам имел типично китайскую внутреннюю социальную структуру. Общинные крестьяне платили ренту-налог в казну, а чиновники и немногочисленная вьетская знать существовали за счет централизованной редиистрибуции*. Чиновники имели служебные наделы, аристократы — наследственные, но с урезанными правами.

* Редиистрибуция (от *лат.* перераспределяю) — в самом общем виде концентрация большей или меньшей части продукта, созданного в той или иной человеческой группе, в руках ее главы с последующим его распределением внутри той же самой группы.

Эти права существенно ограничивались введением в стране административного членения по китайскому образцу на области и уезды, которое не учитывало веками складывавшиеся племенные территории.

С VI века большую роль на севере Вьетнама стал играть буддизм махаянистского толка, пришедший из Китая, но еще большее распространение получило китайское конфуцианство с его системой образования и китайской иероглификой. Были знакомы вьетнамцы — опять-таки через Китай — и с даосизмом. Таким образом, Северный Вьетнам на протяжении первых двенадцати веков своего существования был теснейшим образом связан с Китаем и целиком зависел от него в политическом и культурном плане. Это была в некотором смысле отдаленная периферия китайской империи, почти не имевшая автономии, хотя и отличавшаяся этническим составом и, естественно, некоторыми местными особенностями, традициями в образе жизни и т. п.

Южновьетнамское протогосударство Тьямпа, возникшее примерно во II веке, являло собой совершенно иное образование. Прежде всего оно, как и весь остальной Индокитай в то время, было под заметным влиянием индийской культуры. Находившиеся в зоне индо-буддийского влияния тьямы (лаквьеты) вели соответственно и иной образ жизни, что наиболее заметно проявлялось в сфере культуры и религии. Здесь господствовал буддизм хинаянистского толка, хотя важное значение имел и индуизм в его шиваистской форме, близкой к той, что была у кхмеров времен Ангкора. Буддийские и индуистские монастыри и храмы в Тьямпе процветали. В V веке в монастырях на южно-индийской графической основе была создана местная письменность. И только в IX веке на юге Вьетнама стали появляться первые махаянистские монастыри, знаменовавшие собой усиление северных влияний.

Отношения с севером, то есть с китайскими правителями Северного Вьетнама, складывались у Тьямпы сложно. В V веке Тьямпа даже вынуждена была признать формальный суверенитет Китая. В X — XI веках северные земли Тьямпы были захвачены соседями, освободившимися от власти Китая, а в XII веке тьямов заметно потеснила Анкорская Камбоджа.

В истории Северного Вьетнама важной вехой стал X век, когда падение династии Тан привело к его освобождению от власти Китая. Сначала освободившийся Вьетнам возглавили короли династии Кхук (906 — 923), затем Нго (939 — 965), после чего военачальник Динь Бо Линь основал династию Динь (968 — 981) и дал стране наименование Дайковьет. Он же провел ряд реформ, направленных на усиление власти центра (создание регулярной армии, новое административное членение) и против междоусобных войн феодально-сепаратистски настроенной аристократии. После смерти Диня власть перешла к Ле Хоану, основавшему династию ранних Ле (981 — 1009). Именно Ле серьезно потеснил тьямов, присоединив к Дайковьету часть их земель.

На фоне междоусобных войн в стране усилились фактически независимые крупные феодальные кланы (сы-куаны), чьи вотчины порой соперничали с властью центра. Именно из их числа то и дело выходили новые правители, основывавшие новые династии. Естественно, все это не нравилось каждому очередному правителю, так что, придя к власти, он стремился ограничить возможности крупной знати. Однако слабые государи всегда вынуждены были опираться на поддержку сильных вассалов для укрепления собственной власти, вследствие чего история раз за разом повторялась. Тем не менее попытки ограничить влияние знати следовали одна за другой. Сначала это были реформы Диня. Затем в том же направлении действовал Ле, который сумел ослабить сы-куанов настолько, что источники почти перестают упоминать о них. В результате этого в стране сложилась более или менее благоприятная обстановка для создания сильного централизованного государства, которое и возникло в XI веке, но уже при новой династии Ли (1010 — 1225).

Династия Ли, в 1069 году изменившая название страны на Дайвьет, разделила ее на 24 провинции во главе со сменяемыми губернаторами. Вся политическая администрация была преобразована по китайской модели: чиновники разных рангов с четкой иерархией; центральные ведомства и провинциальные администраторы; система экзаменов для замещения административных должностей; конфуцианство как основа администрации и всего образа жизни населения;

регулярная армия, основанная на рекрутской повинности, и т. п. Китайская модель стала базой также в сфере экономики и социальных отношений: земля считалась собственностью государства, олицетворенного королем; общинники платили в казну ренту-налог; чиновники жили за счет части этой ренты; существовала незначительная прослойка наследственной знати (в основном родня королей), имевшая земельные наследственные владения с ограниченными правами; большим влиянием пользовалась буддийская церковь, владевшая немалым имуществом. Буддизм, конфуцианство и близкие к даосизму местные крестьянские верования и суеверия имели явственную тенденцию к сближению в форме единой синкретической народной религии — тоже по китайскому образцу.

Словом, как это ни покажется странным, политическая независимость Дайвьета от Китая не только не привела к освобождению страны от влияния китайской культуры, но, напротив, еще очевиднее реализовала это влияние. По сути, вьетнамцы продолжали жить по тем стандартам, которые сложились прежде. Это видно даже на примере внутренней организации вьетнамских крестьянских общин, где существовали полноправные (местные) и неполноправные (пришлые), чаще всего не имевшие своей земли и оказывавшиеся в положении арендаторов.

Внешняя политика династии Ли в XII веке принесла определенные успехи, особенно в борьбе с тьямами. Были успешно отражены также предпринимавшиеся Ангкорской Камбоджей попытки потеснить Дайвьет. Но на рубеже XII и XIII веков династия Ли стала слабеть, чем не преминул воспользоваться один из аристократов — родственник короля Чан. Опираясь на недовольство крестьян притеснениями со стороны чиновников (похоже, что и династийный цикл вьетнамцы заимствовали у Китая), Чан в 1225 году совершил дворцовый переворот и объявил себя правителем новой династии, существовавшей до 1400 года.

В принципе, правители династии Чан продолжали ту же политику укрепления центральной власти, что и их предшественники. Но политическая обстановка в годы их правления сильно осложнилась вследствие нашествия монголов,

затронувшего большую часть Индокитая. Хотя Чаны создали сильную армию и боеспособный военно-морской флот, противостоять монголам было непросто. Не только армия, но буквально весь народ поднялся против захватчиков, и монголы, особенно после гибели их военачальника Сагату, были вынуждены отступить. По условиям мирного договора 1289 года китайская (монгольская) династия Юань признавалась формально сюзереном Вьетнама, но фактически Дайвьет остался независимым. Добившийся этого успеха вьетнамский полководец Чан Хынг Дао вплоть до сегодняшнего дня почитается как национальный герой.

Долгая война с монголами подорвала экономику страны. К этому прибавились климатические неурядицы, вызвавшие голод, что повлекло за собой в XIV веке серию крестьянских восстаний и попытки тьямов отвоевать отобранные у них территории. Казалось, Дайвьет ждет неминуемое поражение и распад, но в 1371 году во главе правительства оказался Хо Кюи Ли, который, сосредоточив в своих руках всю власть, сумел мобилизовать и сохранить страну.

Хо провел ряд важных реформ, которые резко ограничились права знати и упорядочили налогообложение в интересах общинного крестьянства, реорганизовал армию и административный аппарат. Реформы дали определенный эффект, но ущемленная аристократия принялась апеллировать к правителям минского Китая, который формально оставался сюзереном Дайвьета. Минские войска вторглись в Дайвьет, и в 1407 году правлению Хо был положен конец. Правда, вскоре патриотически настроенные вьеты вынудили китайцев вывести войска, а в Дайвьете к власти пришла новая династия, основателем которой выступил Ле Лой (1428 — 1789).

Ле Лой продолжил реформы Хо. В стране был произведен учет земель, восстановлен статус общины, неимущие крестьяне получили наделы. На юге были созданы военные поселения, где воины-крестьяне существовали на льготных условиях, но находились в постоянной боевой готовности для борьбы с тьямами. Была проведена административная реформа, проведены новые границы между провинциями и уездами. Чиновники аппарата администрации получили право строгого контроля над общинами. Была укреплена си-

стема экзаменов, равно как и практика условного служебного землевладения чиновников. Все это усилило власть центра, способствовало расцвету экономики и культуры, укреплению армии. В 1471 году были окончательно присоединены к стране южные земли Тьямпы.

С XVI века власть правителей династии Ле стала ослабевать, а борьба между домами крупных сановников привела к фактическому разделению Дайвьета на три части. Затем наиболее влиятельный дом Маков был потеснен объединенными усилиями домов — Нгуенов и Чиней, после чего они вступили в ожесточенную схватку друг с другом, под знаком которой прошел весь XVII век. Что характерно, и северная часть страны, находившаяся под властью Чиней, и южная, где закрепились Нгуены, быстро богатели. Росли частновладельческие хозяйства, официально признанные среди общинников и соответственно обложенные налогами, расширялось ремесленное производство, развивались торговля, добывающие промыслы. Ускорению темпов развития Южного Вьетнама и росту там крупных городов способствовала большая колония китайских поселенцев, которая выросла в дельте Меконга. И у Чиней, и у Нгуенов были хорошие армии, причем у Чиней она включала флот и даже боевых слонов.

Как на севере, так и на юге в XVII веке появилось множество католических миссионеров. Если в Китае, Японии, даже в Сиаме их деятельность была пресечена, то во Вьетнаме, напротив, они получили довольно широкий простор. По-видимому, вьетнамские правители рассматривали католичество как своего рода весомый религиозно-культурный противовес китайскому конфуцианству, чьи позиции в стране по-прежнему преобладали. Одним из результатов успешной деятельности католических миссионеров во Вьетнаме было то, что наряду с китайской иероглифической письменностью, которой до того пользовались грамотные слои населения и тем более официальная администрация, появилось еще и вьетнамское литературное письмо на латинской графической основе. Обращенных в католичество во Вьетнаме уже в XVII веке насчитывалось несколько сотен тысяч. И только после этого власти стали ограничивать деятельность миссионеров, что привело к закрытию в ряде городов страны евро-

пейских факторий и к некоторому ограничению деятельности католической церкви во Вьетнаме.

Со второй половины XVIII века в обеих частях страны начались массовые крестьянские движения, вскоре вылившиеся в могучее восстание тэйшонов, которое протекало под лозунгом восстановления власти законных правителей всего Вьетнама из династии Ле. Восстание, таким образом, было направлено против расчленения страны на север и юг, против Нгуенов и Чиней. Однако попытка одного из Ле реально восстановить власть династии удачи не принесла. В 1802 году Нгуены при поддержке французов сумели нанести тэйшонам поражение, после чего вся страна была объединена под их властью. Возникла новая династия Нгуен (1802 — 1945), последняя в истории Вьетнама, который с 1804 году именно так и стал официально именоваться.

При Нгуенах все более активную роль в хозяйстве страны начали играть иностранцы — как китайцы, так и европейцы, особенно французы. С середины XIX века французское влияние возобладало, и Вьетнам шаг за шагом стал превращаться во французскую колонию. Этот процесс, растянувшийся на десятилетия, завершился в конце XIX века.

Глава 12

Юго-Восточная Азия: островной мир

Островной мир Юго-Восточной Азии (Индонезия, Филиппины), равно как и близкий к нему географически и в историко-культурном плане полуостров Малакка (Малайя), — это особая часть юго-восточно-азиатского региона, во многом отличная от континентальной. Здесь преобладает иной язык (индонезийская ветвь малайско-полинезийской семьи), обитают по преимуществу другие этнические группы, не говоря уже о много более заметном, нежели на континенте, негро-австралоидном расовом компоненте.

Данные антропологии, археологии и палеолингвистики свидетельствуют о том, что здесь на древнейший негроидный и аустро-меланезоидный расово-этнический субстрат в III —

I тысячелетиях до н. э. наложился этнокультурный слой мигрировавших из Юго-Западного Китая малайских племен, принесших с собой культуры неолита и бронзы.

Вначале близкий к континентальному субрегиону в историко-культурном плане (господство индуизма и буддизма в религиозных представлениях, преобладание индийского влияния в социально-политической системе ранних государственных образований), островной мир с начала II тысячелетия стал сильно отличаться от него, ибо именно здесь быстрые темпы исламизации привели к почти полной победе ислама, что сказалось на культуре и образе жизни населения. Наконец, и это важно принять во внимание, именно островной субрегион с его субтропическими и тропическими продуктами, прежде всего пряностями, столь желанными для европейцев, оказался одним из первых объектов колонизаторских устремлений раннего европейского капитализма.

Этот островной мир и был, если угодно, той самой Индией, удобный путь в которую так стремились найти и в поисках которой предприимчивые европейцы совершили свои самые известные географические открытия, включая открытие Америки. И далеко не случайно долгие века эти земли именовали Голландской Индией, как не случайно в этом плане и современное название Индонезии.

Малайя

Выгодное географическое положение (через Малаккский пролив пролегают наиболее удобные торговые пути) способствовало превращению южной части полуострова Малакки в торговый перекресток, где на протяжении веков скрещивались пути индийских, арабских, затем китайских купцов и где поэтому уже с рубежа нашей эры возникали портовые города, служившие и перевалочной базой, и рынком, и носителем быстро распространявшихся культурных влияний.

Особо заметную роль играли здесь индийские купцы и вообще выходцы из Индии, включая представителей брахманских каст и буддийских монахов. Именно они создали в городских и портовых поселениях Малайи первоначальную социально-политическую и религиозно-культурную основу.

Индийская первооснова была ощутима долгие века и вплоть до исламизации даже явственно преобладала, так что далеко не случайно регион в целом воспринимался иностранцами (европейцами) как нечто связанное с Индией.

Первые протогосударства на территории Малайи, возникшие на рубеже нашей эры, были, таким образом, скорее иноземными анклавами, нежели результатом спонтанного развития местных этнических общностей. Однако со временем индо-буддийское религиозно-политическое ядро городских поселенцев обрастало тяготеющей к нему местной сельской периферией. Возникали образования типа городов-государств, значительная часть которых вначале находилась в вассальной зависимости от кхмерской Фунани либо, чуть позже, с VIII века, от суматранской Шривиджайи.

Когда в XI веке южноиндийское государство Чолов овладело на некоторое время Шривиджайей, это отразилось и на малайских государствах, попавших под власть Чолов. В XII веке часть малайских княжеств оказалась под властью кхмерского Ангора. Но одновременно от своих претензий на сюзеренитет не отказывались и суматранская Шривиджайя, и усилившееся государство Джамби, бывшее прежде вассалом Шривиджайи. В XIII веке среди малайских княжеств выделилось государство Трамбралинга, решившее освободиться от вассальной зависимости. Однако апелляция за помощью к тайскому Сукотай привела лишь к тому, что Трамбралинга оказалась под властью Сукотай. Долгие годы малайцы боролись за вытеснение тайцев из своей страны. А когда эта цель была достигнута, на гегемонию стал претендовать яванский Маджапахит.

Слабые малайские княжества, располагавшиеся в стратегически важном районе Юго-Восточной Азии и контролировавшие судоходство по Малаккскому проливу, были слишком лакомым куском, чтобы долго сохранять полную независимость. Ситуация изменилась лишь на рубеже XIV и XV веков, когда бежавший из Маджапахита в Малайю яванский принц Парамешвара сделал ее своей социально-политической опорой в борьбе за создание сильной власти мусульман.

Дело в том, что после начала процесса исламизации Индии основной поток индийских торговцев в Юго-Восточную

Азию стал формироваться за счет торгового флота Гуджарата. Гуджаратские индийские купцы были преимущественно мусульманами, что не замедлило сказаться на превращении ислама в ведущую силу в малайско-индонезийской торговле. В 1414 году Парамешвара официально принял ислам, под именем Искандер-шаха стал во главе созданного им Малаккского султаната и быстро захватил не только почти всю Малайю, но также часть Суматры и ряд прилежащих островов.

Хотя сам новоявленный султан не сумел добиться сразу полного успеха, ибо ориентированная на индуизм часть малайской торгово-политической верхушки была в то время еще достаточно сильна, с середины XV века ислам в Малайе уже прочно закрепился. Именно с помощью исламских политических и социальных институтов Малаккский султанат превратился в крепкое централизованное государство с верховной властью правителя, осуществлявшего — как то бывало свойственно всем исламским политическим структурам — строгий верховный контроль и над земельными отношениями, и в сфере политической администрации, и в торговле.

Существенно заметить, что хотя мусульмане проникали на острова Индонезии задолго до возникновения Малаккского султаната, только после победы ислама в Малайе и появления сильной исламской державы в районе Малаккского пролива мусульмане стали одерживать победу за победой и в Индонезии. В частности, этому способствовала миграция малайцев-мусульман на Калимантан, в области Саравак и Сабах — те самые, которые уже в наше время вошли, далеко не случайно, в состав Малайзии.

На протяжении XV века ислам активно вытеснял остатки индуизма и буддизма в сфере малайской культуры, что привело здесь, в частности, к замене индийской письменности арабо-персидской и к упадку храмовых сооружений индo-буддийского происхождения. В то же время исламизация способствовала выходу на передний план собственно малайского языка, превращению его в литературный.

Малаккский султанат прекратил свое существование в 1511 году под натиском португальцев, разбивших армию султана и превративших его столицу Малакку в свою тор-

говую факторию, где португальские купцы господствовали вплоть до середины XVII века. Крушение султаната не привело, однако, к гибели исламской государственности. На месте одного султаната возникло сразу несколько меньших по размеру, каждый из которых проводил собственную политику, противостоял натиску португальских, а затем и голландских колонизаторов либо в чем-то сотрудничал с ними. Правда, децентрализация привела к ослаблению власти султанов, что и было целью колонизаторов. Да и в рамках небольших султанатов колонизаторы активно содействовали сепаратизму правителей областей, нередко превращавшихся в самовластных наследственных князьков. Но, несмотря на все это, со временем некоторым из султанатов, и прежде всего южно-малайскому Джохору, удалось заметно усилиться. В середине XVII века султаны Джохора использовали благоприятную внешнеполитическую ситуацию и, вступив в союз с голландцами, изгнали португальцев из Малайи.

Впрочем, на месте португальцев в Малакке тут же прочно закрепились голландцы. Но при этом резко вырос престиж Джохора, что способствовало превращению его в крупнейшее государство полуострова. Почти весь XVIII век прошел в ожесточенном соперничестве джохорских султанов с голландцами, которые в конце концов взяли верх, а Джохор, как некогда Малаккский султанат, распался на мелкие султанаты.

Однако эта победа не принесла голландцам удачи. Английская Ост-Индская компания подкупила некоторых султанов, и вскоре выяснилось, что развал Джохора был выгоден именно ей. В 1795 году англичане заняли Малакку, вытеснив оттуда голландцев, а затем, в начале XIX века, один за другим прибрали к рукам важнейшие малайские султанаты. Захват в 1819 году Сингапура окончательно закрепил ведущие позиции Англии в Малайе, фактически превратившейся в английскую колонию, с чем, подписав Лондонский договор 1824 года, согласилась и Голландия. В результате контроль над морским путем через Малаккский пролив оказался у англичан.

Индонезия

Ранние протогосударства в Индонезии появились, как и практически во всей Юго-Восточной Азии, примерно на рубеже нашей эры, может быть, чуть позже, чем на континенте, в IV — V веках. Это были индуистское Тарума и буддистское Калинга на Яве, буддистское Гэин на Суматре, индуистское Варунадвипа на Калимантане. И названия, и религиозно-культурная ориентация ранних индонезийских государств, даже локализация их преимущественно в западных районах архипелага — убедительное свидетельство той огромной роли внешних влияний в процессе их генезиса, о которой уже не раз говорилось применительно ко всей Юго-Восточной Азии. В отдельных случаях древние надписи фиксируют даже существование в ранних индонезийских государствах каст по индийскому стандарту. А правитель Тарумы сопоставлялся в текстах с индийским Вишну.

Структурно эти государства были однотипны. Существовали верховный правитель-вождь, его наместники и помощники, а также производители-общинники, платившие ренту-налог в казну. Возможно, что некоторые из государственных образований были типологически близки малайским городам-государствам, возникавшим вокруг торговых портов. В идеологии и культуре господствовали индуизм, преимущественно в шиваистской форме, хотя встречались и вишнуисты, и буддисты. Преобладала санскритская письменность. Индо-буддийским было монументальное храмовое искусство с соответствующей архитектурой и скульптурой.

Исторически наиболее развитыми и ранее других достигшими уровня цивилизации и государственности были тесно связанные между собой Суматра и Ява, географически представлявшие как бы единую узкую полосу островов, тянувшихся с северо-запада на юго-восток. Первым крупным государством на Суматре была Шривиджайя, просуществовавшая с VII по XIII век. В пору своего расцвета власть правителей Шривиджайи простиралась не только на всю Суматру, но также и на часть соседних мелких островов, а временами и на часть Малакки. Шривиджайя была признанным центром мировой торговли, и именно через нее в островной мир Индоне-

зии активно проникал буддизм. Впрочем, стоит заметить, что в самой Шривиджайе правители были достаточно равнодушны к буддизму: во всяком случае, там не обнаружено остатков таких величественных буддийских храмов и иных строений, как на Яве.

Яванское государство Матарам, основатель которого Санджайя был индуистом-шиваитом, возникло в VIII веке, но уже при внуке Санджайи, основавшем династию Шайлендров, религиозная ориентация государства изменилась. Яванские Шайлендры стали активно поддерживать буддизм махаянистского толка, свидетельством чего является величественный храмовый комплекс Боробудур. Возможно, буддийская ориентация Шайлендров сыграла определенную роль в том, что в начале IX века один из представителей этой династии с помощью династического брака стал правителем Шривиджайи и основателем там той же династии Шайлендров — факт, внесший немалую путаницу в историю индонезийских государств. Что же касается Матарамы, то это яванское государство было типично восточным по своей внутренней организации. Землей в нем распоряжался сам правитель, административный аппарат состоял из служивших ему чиновников. Общинные крестьяне вносили в казну ренту-налог, за счет редистрибуции которой содержались знать, воины, чиновники, духовенство. Важную роль в Матараме играли торговые города-порты и вообще торговля и торговые операции.

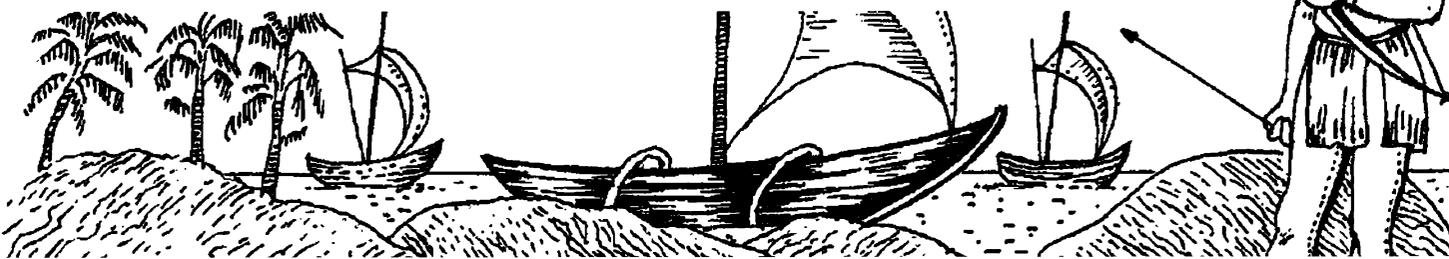
Матарамские Шайлендры сошли с исторической арены в XI веке, уступив место государству, созданному одним из приближенных последнего правителя — его зятем Эрлангги, который восстановил на Яве приоритет шиваизма, но не преследовал буддистов, а, напротив, стремился создать некий синтез обеих религий. Государство Эрлангги подчинило себе почти всю Яву и являло собой строго централизованную организацию с хорошо налаженной чиновной администрацией, развитыми ремеслом и торговлей. Оно заботилось о поддержании в порядке ирригационной сети и упорядочило налогообложение. Размер ренты-налога составлял примерно десятую долю урожая.

После Эрлангги созданное им государство распалось, но вскоре один из его наследников сумел усилиться в княжестве

Кедири, которое стало едва ли не сильнейшим на Яве в XII веке. В начале XIII века правитель Кедири пал жертвой заговора, а в последовавшей за тем династической борьбе победителем вышел Кертанагара, который затем сумел объединить яванские земли и противостоять нашествию монголов. Впрочем, предотвратить само нашествие он не смог, и уже после появления монголов на Яве, когда Кертанагара пал жертвой очередного заговора, его наследник Виджайя сумел ловко использовать монгольские отряды для победы над соперниками, после чего уничтожил часть их, а остальных вынудил убраться восвояси.

Виджайя создал новое государство Маджапахит (1293 — 1520) и стал его первым правителем. С этого времени Ява становится центром политического могущества Индонезии. Справедливости ради стоит заметить, что эта тенденция начала проявлять себя еще в XIII веке, когда стала слабеть суматранская Шривиджайя. Удары со стороны южноиндийского государства Чолов подорвали ее могущество еще в XI веке, а в конце XII века ряд суматранских княжеств, бывших до того вассалами Шривиджайи, добились самостоятельности, как, например, Джамби. В XIII веке под ударами с севера, со стороны Сукотай, и с востока, со стороны яванского правителя Кертанагары, Шривиджайя распалась. В этих условиях значительная часть ее наследства на Суматре и попала под власть яванского Маджапахита.

Маджапахит был крупнейшим государством в истории Индонезии. Хотя некоторые специалисты сомневаются подчас в том, что его правители реально контролировали все те земли, которые считали своими вассалами, факт остается фактом: владения Маджапахита распространялись на всю Яву, Суматру, Калимантан, даже Сулавеси, а также на многочисленные мелкие острова архипелага. Наивысшего развития это государство достигло в те годы, когда им управлял всесильный первый министр Гаджа Мада (20 — 60-е годы XIV века). Этот выдающийся политический деятель не только много сделал для собирания земель, но и умело управлял обширной и весьма разнородной империей, как Маджапахит иногда именуют.

Созданный Гаджой Мадой свод законов закрепил социально-политическую организацию государства. Во главе Маджапахита стоял махараджа, личные потребности двора которого удовлетворялись за счет доходов с земель, считавшихся его доменом. Остальные территории находились под управлением наместников, чаще всего из числа родственников правителя и знатных аристократов, а реальную власть на местах осуществляли многочисленные чиновники, получавшие за это от казны служебные наделы. Основной производственной и хозяйственной единицей была община, напоминавшая индийскую, хотя и без кастового неравенства. Налоги с общинников шли в казну, и за счет этих средств существовал весь аппарат власти. Немалое место в обществе занимали индуистские (прежде всего шиваиты) и буддийские жрецы и монахи. Большого развития достигла культура. Внимание уделялось архитектуре, литературе и особенно театру (театр марионеток ваянг — национальная гордость индонезийцев по сей день).

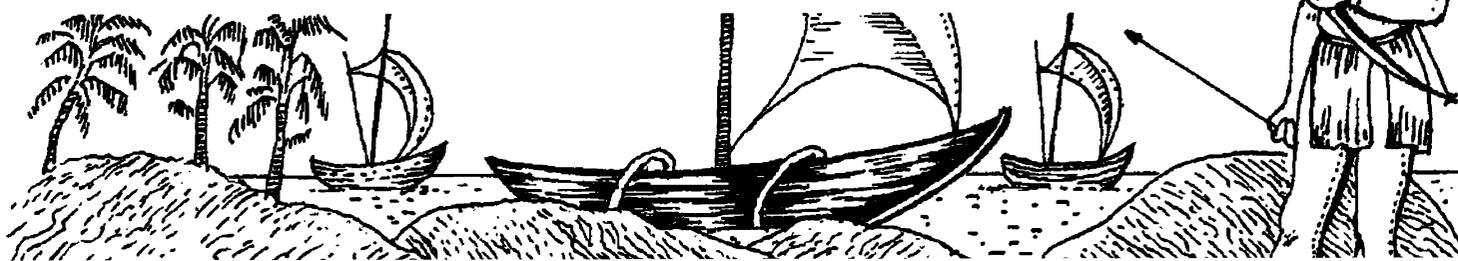
После смерти Гаджи Мады в 1364 году Маджапахит стал понемногу клониться к упадку. Вассальные князья в разных частях обширного государства то и дело стремились освободиться от опеки центра и добиться укрепления своих владений за счет более слабых соседей. Слабеющие правители государства, нередко ведшие изнурительные войны с претендентами на престол, заботились лишь о том, чтобы сохранить свою власть (а то и видимость власти), для чего нередко обращались за дипломатической поддержкой к третьим странам, в частности к минскому Китаю, чьи миссии (флот адмирала Чжэн Хэ) в начале XV века посещали Индонезию. Вообще следует заметить, что с XV века в городах Индонезии появились китайские мигранты, преимущественно ремесленники и торговцы, число которых со временем все возрастало, пока они, получившие сводное наименование хуацяо, не стали играть заметную роль в экономике Индонезии. Правда, это случилось не сразу. До этого Индонезия подверглась натиску иноземцев другого рода. Речь об ее исламизации.

Ислам впервые появился на островах Индонезии, видимо, в XIII веке, а уже на рубеже XIV и XV веков, как упоминалось, бежавший из Маджапахита яванский принц Парамешвара, воспользовавшись ослаблением власти на Яве, сумел создать

в Малайе сильный султанат. Исламизированные малайцы, равно как и мусульманские торговцы из числа индийцев-гуджаратцев, арабов и персов, в XV веке стали активно заселять Суматру, укрепляться на Калимантане и Яве и, главное, нести с собой ислам как новую и дававшую в руки правителей мощные рычаги власти религиозную систему. Надо сказать, что многочисленные вассалы Маджапахита сразу же ухватились за эту возможность усилить свою власть. Все большее количество правителей княжеств превращались в султанов мусульманских государств, пока в 1520 году коалиция султанатов не уничтожила Маджапахит, который распался на множество самостоятельных мелких государств, в основном султанатов. Их междоусобные войны в XVI веке создали своего рода политический вакуум в Индонезии, что значительно облегчило португальцам задачу укрепления на островах архипелага.

В конце XVI века на развалинах Маджапахита в западной части Явы возникло государство Бантам. Этому, в частности, способствовал рост значения Зондского пролива в торговых операциях после того, как Малаккский пролив полностью попал под контроль португальцев. Бантам стал крупнейшим торговым портом, в котором проживало множество иностранных купцов, в том числе большая колония китайских мигрантов, игравших ведущую роль в торгово-ростовщических операциях.

Следует заметить, что возрастающий спрос на пряности — гвоздику, корицу, мускатный орех, перец и т. п. — заметно сказался и на сельскохозяйственных занятиях населения. Крестьяне все чаще, причем нередко под нажимом, переходили к выращиванию новых культур, что сильно меняло весь их образ жизни, ставило их в зависимость от рынка, где господствовали колонизаторы. Работа на рынок вела к ломке традиционно устоявшихся связей, а порой к превращению крестьян-общинников в батраков и росту числа рабов. Португальцы, а затем и голландцы захватывали сильных здоровых мужчин на одних островах, как правило, наиболее отсталых по уровню развития, и привозили их в качестве рабов на другие, где эти рабы использовались для работы на плантациях. Разумеется, это вызывало протесты и даже восстания. Но

восстания топились в крови, а колониальная эксплуатация местного населения лишь усиливалась. Богатели торговцы, ростовщики, скупщики, а еще больше связанные со всеми ими и стоявшие за их спиной колонизаторы.

Что касается колониальных держав, то господство португальцев в Индонезии, как и в Малайе, длилось недолго. В начале XVII века на Яве уже достаточно прочно обосновались голландцы и англичане. Их соперничество завершилось в пользу голландской Ост-Индской компании. Голландцы в середине XVII века укрепились на Яве, заставив считаться с собой занимавший в основном внутренние районы центральной части Явы султанат Матарам (его обычно называют Матарамом «поздним», чтобы не путать со средневековым государством, существовавшим на Яве в 732 — 1043 годах). Лавируя между Бантамом и Матарамом, голландцы в конечном счете подчинили себе оба султаната и в XVIII веке продолжили дальнейшее освоение островов Индонезии, внедряя выгодную для себя систему монокультур.

На рубеже XVIII и XIX веков голландская Ост-Индская компания была ликвидирована и все ее владения перешли к Голландии как государству. Начался новый этап колониального господства, в ходе которого голландцам пришлось выдержать энергичный натиск со стороны англичан. Лондонский договор 1824 года, разделивший сферы влияния Англии и Голландии, закрепил Индонезию за голландцами, которые стали полными хозяевами архипелага. Привлекая на свою сторону правящую верхушку местных султанатов и жестоко подавляя вспыхивавшие восстания, они энергично вводили на островах архипелага нужные им культуры (кофе, табак, индиго и др.), которыми занимали приблизительно пятую часть возделываемых земель и покупались у крестьян по заниженным ценам.

Жестокие методы эксплуатации привели население Индонезии в состояние полной нищеты. При этом Голландская Индия была практически лишена тех пусть небольших, но все же важных для развития страны промышленных нововведений, которые реализовывались в других колониальных странах, в частности в Британской Индии.

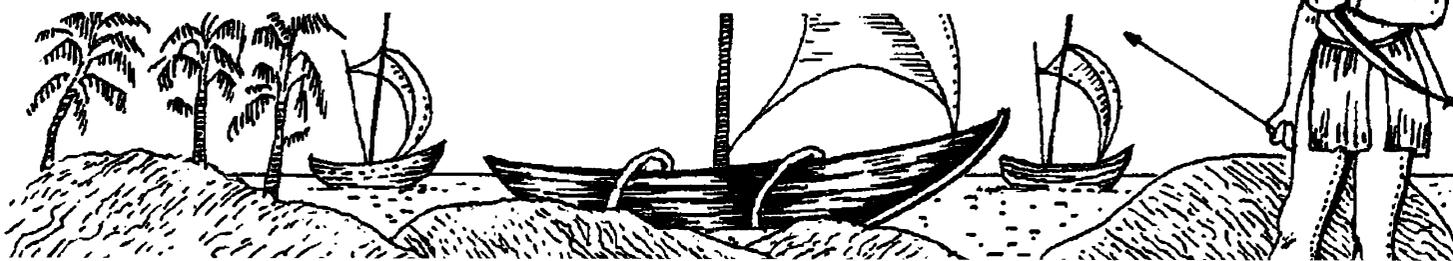
Филиппины

Географически Филиппинский архипелаг — это часть все того же островного мира Юго-Восточной Азии, но, будучи восточной и исторически периферийной его частью, он развивался более медленными темпами: к моменту вторжения испанцев на Филиппины в XVI веке только небольшая часть населения островов начала переходить от первобытности к ранним государственным образованиям.

Население Филиппин в принципе комплектовалось из тех же компонентов, что и остальной островной мир: на древний негро-австралоидный субстрат во II — I тысячелетиях до н. э. волнами насаивались аустронезийцы южномонголоидного типа. Но набегали эти волны не сушей через Малайю, как то было на западе, а морем, порой через Тайвань, причем все из того же Южного Китая. С рубежа нашей эры, когда Малайя и Индонезия в ее западной части были уже индианизированы, индо-буддийская культура стала понемногу проникать и на восток, в том числе и на Филиппины. Связи с буддийской Шривиджайей, а позже с индуистской культурой Маджапахита сыграли определенную роль в развитии местного населения, но больших результатов на дали.

Большее значение в этом смысле имела новая китайская миграция в конце I тысячелетия. Это были уже не южнокитайские племена юэ, которые тысячелетием-двумя ранее сыграли роль одного из компонентов при формировании местного населения, а жители высокоразвитой империи, несшие с собой многогранную и яркую культуру. Археологические данные, в частности, свидетельствуют о том, что в начале нашего тысячелетия материальная и духовная культура жителей Филиппин находилась под сильным влиянием как Индии, так и Китая. С XIV века через южные острова сюда стал проникать ислам, и это способствовало появлению на Филиппинах первых очагов государственности.

Наблюдения испанцев в XVI веке позволяют, хотя и фрагментарно, проследить этот процесс. На островах существовали общины, власть в которых принадлежала старейшинам. Община среднего размера состояла из 30 — 100 семей, но были и очень крупные, куда входило до 2 тысяч семей. Наиболее

развитые общины вели локальные войны с соседями, причем в случае удачи вчерашний общинный старейшина становился правителем надобщинного протогосударства. Вожди такого рода вначале именовались преимущественно индийскими терминами — чаще всего раджа, иногда — дато. Терминология в данном случае является индикатором влияний.

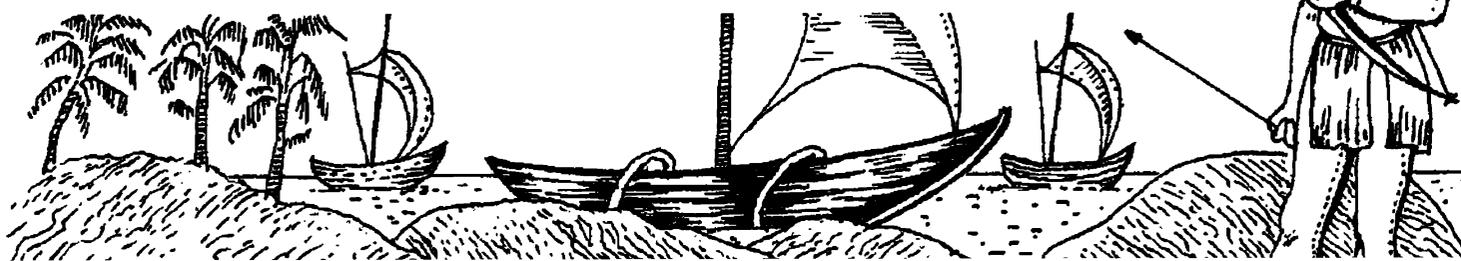
В XV и начале XVI века, когда португальцы изгнали из Малакки султана, его родню и приближенных, часть их мигрировала на восток и достигла Филиппин. В результате на юге архипелага население начало быстро исламизироваться, а первые государственные образования приняли форму султанатов, что было обычным для всего островного мира. По характеру ранние султанаты были еще очень примитивными: вокруг вождя (султана), выборного либо наследственного, группировались социальные верхи, которые жили за счет дохода с общин и труда разных зависимых категорий людей, из числа как пленных и чужаков, так и разорившихся общинников. Эта форма социально-политической организации в 1433 году была зафиксирована в судебнике, определявшем наказания за различные проступки в зависимости от социального статуса человека.

Экспедиция Магеллана, бросившего якорь на острове Себу в 1521 году на пути к Молуккским островам, привела к освоению архипелага испанцами. Хотя первая попытка подчинить местных правителей и прочно обосноваться здесь была неудачной для испанцев (сам Магеллан погиб на Себу, а его победитель Лапу-Лапу до наших дней почитается как первый герой в борьбе за независимость), она не пропала даром: уже в середине XVI века испанцы закрепились на архипелаге, который в 1542 году был назван ими в честь принца Филиппа, будущего короля Филиппа II. Успешные завоевания и освоение новых выгодных районов, в частности создание порта Манила в 1570 году, привели к тому, что в конце XVI века испанцы не только были полными хозяевами на севере и в центре архипелага, но и успешно христианизировали население захваченных районов. Только мусульманский юг, «страна Морро» (мавров), как называли его испанцы, оставался мятежной периферией вплоть до XIX века, и даже в наши дни он заметно отличается от других частей Филиппин.

Христианизированные части архипелага в принципе мало чем отличались от колонизованной теми же испанцами приблизительно в то же время Америки. Те же наместники короля и губернаторы провинций, опиравшиеся на аппарат чиновников и богатые слои испанских колонизаторов. Та же всеильная католическая церковь с ее неистовыми монахами-миссионерами различных орденов и в целом весьма послушная им паства. Правда, методы завоевания и поддержания порядка здесь были менее жестокими: на Филиппинах не было золота, столь разжигавшего страсти конкистадоров. А для освоения страны нужны были люди, которых следовало беречь (в XVII веке население архипелага составляло около 500 тысяч человек, из них только около 1 процента было испанцев).

Система управления на первых порах тоже формировалась по общему для латиноамериканских колоний образцу: на Филиппинах было создано около 270 участков, переданных в энкомиенду (своего рода опека) испанским колонистам, как частным лицам из числа влиятельных землевладельцев, так и монашеским орденам либо представителям короны. Попечитель-энкомендеро обычно собирал с вверенного его опеке населения при посредстве старост общин фиксированный налог трибуто и требовал от крестьян выполнения различных повинностей. Возглавляемое старейшинами-касиками население подчас бунтовало против новых порядков, но эти выступления легко подавлялись. В начале XVII века по настоянию католической церкви система энкомиенд была заменена сбором трибуто и иных налогов непосредственно в пользу королевской казны.

Торговля между Филиппинами и Испанией была ограниченной, зато в азиатской торговле архипелаг занимал все более заметное место, прежде всего благодаря китайским мигрантам-хуацяо, число которых все возрастало (в конце XVI века их колония в Маниле насчитывала 10 тысяч, а в начале XVII века уже 25 тысяч человек). Китайцы со временем фактически монополизировали азиатскую торговлю, что и неудивительно: богатые испанцы были к этому высокомерно равнодушны, а местное население недостаточно для этого подготовлено. Следует, однако, заметить, что китайских

торговцев не любили ни те, ни другие, хотя обойтись без их посредничества уже не могли. Налоги и пошлины китайцы обычно платили вдвое большие, чем другие торговцы.

В XVII веке сложные международные обстоятельства, в том числе войны в Европе, оказали свое воздействие на судьбы Филиппин, которые подвергались вторжению со стороны то голландцев, то англичан. Заметное ослабление Испании по сравнению с другими колониальными державами вело к замедлению развития архипелага. Здесь усиливалась примитивная докапиталистическая эксплуатация населения: на государственной барщине каждый обязан был отработать 40 дней в году.

Лишь с начала XIX века, когда в Испании появилась своя энергичная буржуазия и правительство более уже не могло противостоять экономическому вторжению на архипелаг капитала из других стран, на Филиппинах начало развиваться частнокапиталистическое колониальное хозяйство. Кроме введенного раньше табака, здесь стали выращивать сахарный тростник, пеньку, индиго.

Глава 13

Дальний Восток: Корея и Япония

Влияние китайской цивилизации и государственности на соседние страны и народы всегда было ощутимым. Оно стимулировало ускорение социального, экономического и особенно политического развития близких соседей Китая на протяжении всей его истории, будь то древние кочевники сюнну или сяньби, средневековые кидани, чжурчжэни, монголы или маньчжуры. Через Наньчао это влияние достигало тайцев и тибето-бирманских племен, а во Вьетнаме оно просто задавало тон, определяя внутреннюю организацию государства и общества.

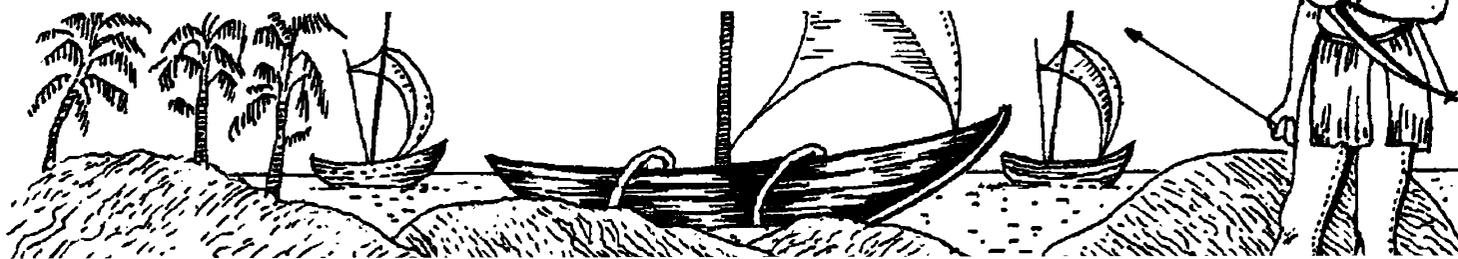
Корея и Япония в этом смысле близки к Вьетнаму. Для них воздействие китайской цивилизации было совершенно очевидным, само собой разумеющимся.

Формирование государственности в Корее

На Корейском полуострове южнее реки Амноккан (Ялуцзян) в начале нашей эры существовало несколько племен, наиболее сильными среди которых были протокорейские (когурё). В III — IV веках на полуострове возникло три племенных протогосударства — Когурё, Пэкче и Силла — с типичной для подобных образований внутренней организацией: верховная власть-собственность вождя-вана; родовая знать, воины и чиновники; общинники, платившие ренту-налог в казну. Органы управления и иерархия чинов в них развивались под воздействием соответствующих китайских институтов, причем его проводником было конфуцианство, ставшее основной идейной доктриной всех трех государственных образований. С конца IV века в Корею из Китая проник буддизм в его китаизированной махаянистской модификации, причем влияние его здесь оказалось даже сильнее по сравнению с той ролью, которую он играл в самом Китае вообще когда-либо.

Процесс заимствования идей и институтов из Китая шел, когда тот переживал междоусобицы периода Нань-бэй чао, и это в немалой степени помогло Корею не только сохранить независимость, но и успеть в этом качестве укрепиться — в отличие от того, что произошло во Вьетнаме, где этот процесс начался раньше, в эпоху централизованных империй Цинь и Хань. Еще в процессе формирования три корейских государства начали воевать между собой, и в результате в выигрыше оказалась Силла, которая, призвав на помощь танские войска, одолела своих соперников и во второй половине VII века объединила всю Корею под своей властью, формально признав себя вассалом танского Китая.

Строилось объединенное корейское государство целиком и полностью по китайскому образцу. Вся страна была разделена на девять провинций (по три в каждом из бывших государств), которые, в свою очередь, делились на округа и уезды. В округах и уездах управляли назначенные из центра чиновники, получавшие свои должности после успешной сдачи экзаменов. В земледелии господствовала надельная система, то есть каждый двор получал землю от государства на период трудоспособности хозяина, за что тот был обязан пла-

тить налог и исполнять необходимые повинности. Чиновники получали должностные земли, аристократы — наследственные с учетом своего ранга, который снижался в каждом последующем поколении.

Неудивительно, что в созданных по китайскому образцу государстве и обществе происходили те же процессы, что и в Китае. Речь идет о циклическом характере развития с экономическими кризисами, ослаблением центра и восстаниями крестьян. Одно из таких восстаний на рубеже IX и X веков привело к захвату власти представителями дома Когурё. Основатель новой династии Ван Гон, придя к власти опять-таки в удачный для страны период ослабления китайской танской империи, многое сделал для того, чтобы сохранить независимость от натиска киданей и чжурчжэней. Кроме того, он провел несколько важных реформ. В частности, идеологически переместил акценты, сделав официальной государственной религией буддизм — при всем том, что влияние конфуцианства, его идей и институтов не только сохранялось, но и высоко ценилось как основа образа жизни.

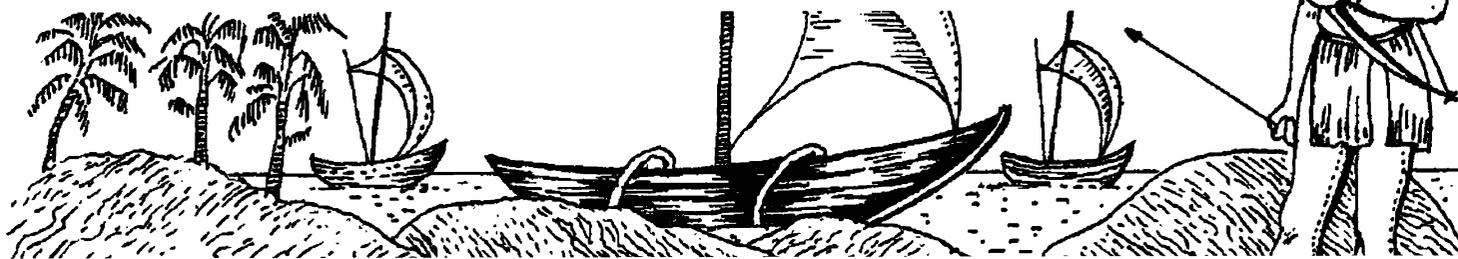
Структура Корё, как стало именоваться теперь государство (именно от этого названия возникли его эквиваленты в европейских языках, включая и русский), в принципе не изменилась. Правда, провинций вместо девяти стало шесть, потом десять, но все с тем же делением на округа и уезды. Продолжала сохраняться и надельная система с налогами и повинностями общинников, со спорадическими перераспределениями наделов. Центральная администрация имела шесть основных ведомств по китайскому танскому образцу. Чиновники получали служебные должностные надельные земли и делились на гражданских и военных. Армию набирали на рекрутской основе: четыре-пять дворов выставляли одного солдата, экипировавшегося за счет тех дворов, которые солдата не давали. Существовала система централизованного регулирования экономики, включая государственное кредитование крестьян и амбары для помощи в случае неурожая. Большое место в системе аграрных отношений занимало буддийское монастырское землевладение. Существовало и типично китайское сословное деление на полноправных крестьян-налогоплательщиков — янин (сюда включались и платившие

налоги городские слои) и неполноправных — чхонин, которые имущества не имели, налогов не платили и занимались грязными и презируемыми профессиями, хотя могли быть и зависимыми арендаторами. Обрабатывая земли чиновников, аристократов и иных крупных землевладельцев, чхонин обычно безжалостно эксплуатировались.

Следует сказать, что правители Кореи прилагали немало усилий для того, чтобы сохранять стабильность государства. В 976 году с этой целью был составлен общегосударственный земельный кадастр и введен строгий контроль за использованием земли. Тем не менее в Корее, как и в Китае, шел процесс укрупнения землевладения, постепенного присвоения служебных и иных казенных земель. Временами возникали крупные полуавтономные уделы влиятельной наследственной знати, и соответственно ослабевала центральная власть. С особой силой это проявилось в XII веке, когда власть правителя-вана была ограничена или даже сведена на нет военно-феодалской кликой.

Не успела страна оправиться от внутренних неурядиц, как в начале XIII века ей пришлось испытать монгольское нашествие. Борьба с монголами растянулась на долгие годы (1231 — 1258), и только междоусобные распри и апелляция части знати к монголам с просьбами устранить соперников привели Корею в конечном счете к капитуляции, хотя и после этого одно за другим продолжали вспыхивать антимонгольские движения.

Монгольское иго длилось несколько десятилетий, на протяжении которых Корея была превращена в плацдарм для монгольского вторжения в Японию. С ослаблением власти монголов в Китае и особенно после начала там мощного антимонгольского движения под эгидой будущих правителей династии Мин в Корее произошел раскол на сторонников монгольской (юаньской) и минской династий, между которыми разгорелась ожесточенная борьба. Сторонники минской династии, во главе которых стал ван Конмин (1352 — 1374), в 1356 году изгнали монгольские войска с территории страны. И хотя их промонгольские противники не сложили оружия, а в 1374 году сумели даже убить Конмина и захватить власть, продержались они недолго. Ставший во главе корейской

армии генерал Ли Сон Ге в 1388 году заставил капитулировать промонгольскую клику. В 1392 году он провозгласил себя основателем новой династии Ли, правившей в Корее до 1910 года.

Корея в позднем Средневековье (династия Ли)

Новая династия энергично покончила с существованием в стране мятежных феодалов, подорвав их экономическую основу: все земельные владения знати, равно как и ее привилегии, в 1391 году были отменены. Вся земля страны поступила в распоряжение центрального правительства и была передана в пользование крестьянам. Чиновники получили право на ренту-налог со служебного надела в соответствии с рангом и должностью. Был создан по китайскому образцу институт цензоров-инспекторов, следивших за порядком в администрации. Системе экзаменов было придано еще большее значение, а военные чиновники поставлены, как и в Китае, ниже гражданских. Страна получила новое название — Чосон, а столицей ее стал Сеул. Статус Чосона был урегулирован в ходе специальных переговоров с минским Китаем: Корея получила автономию в обмен на признание сюзеренитета Китая. И наконец, официальной государственной идеологией вновь стало конфуцианство — на сей раз в его неоконфуцианской чжусианской модификации, тогда как буддизм официальный статус утратил.

Эти нововведения, утвержденные несколькими указами, значительно укрепили власть центра и легли в основу той стабильности, которая обеспечила стране благополучный XV век, но и заложила основы, позволившие династии сохранять свою власть на протяжении более пяти веков. И это при том, что история Кореи отнюдь не выглядит безоблачной.

Уже следующий XVI век в Корее, как и в минском Китае, прошел под знаком ожесточенной борьбы влиятельных группировок — конфуцианских ученых и придворных временщиков, в основном из числа родни вана и высшей знати. Это соперничество сопровождалось казнями, дворцовыми переворотами. А завершился век чужеземным вторжением.

В апреле 1592 года сёгун Тоётоми Хидэёси отправил в Корею 200-тысячную армию, которая высадилась в Пусане и через несколько недель заняла Сеул и Пхеньян, сопровождая свой победный марш по Корее неслыханными зверствами. Однако то, что японцы посчитали окончанием войны, было только ее началом. Они столкнулись с отчаянным сопротивлением корейцев, начавших в их тылу настоящую партизанскую войну. Затем корейский адмирал Ли Сунсин разгромил японский флот и стал господствовать на море, что подорвало снабжение японского экспедиционного корпуса. Сыграла свою роль и помощь со стороны минского Китая. Вскоре Сеул и Пхеньян были освобождены, и война — правда, не сразу, а после многих перипетий — завершилась изгнанием японцев.

Победа, однако, не способствовала, как это часто бывает, укреплению власти центра. В стране с еще большей силой разгорелась междоусобная борьба, в ходе которой наибольшим влиянием пользовались Северная, а затем Западная клики. А тем временем на севере Кореи консолидировалось молодое энергичное государство маньчжуров. Попытки корейцев поддержать минский Китай в его противоборстве с маньчжурами привели в 1618 году к первому столкновению с маньчжурской конницей. Затем были два вторжения маньчжуров в 1627 и 1636 годах, которые вынудили Корею признать себя вассалом империи Цин, тогда еще не завоевавшей Китай. Позже этот вассалитет был подтвержден, причем внешние сношения Корея могла иметь только через Китай (следствием этого было закрытие корейских портов для иностранцев и запрет населению страны покидать ее пределы). Исключение делалось только для строго ограниченной торговли с Японией.

В XVII — XVIII веках в Корее протекали сложные и противоречивые процессы. Совершенствовалась аграрная система и система налогов. В 1608 году был введен единый рисовый налог тэдонми, что, впрочем, не исключало существования некоторых дополнительных поборов. Росло частное землевладение, для противодействия которому (и для предотвращения разорения крестьян) правительство усилило значение государственного кредитования (система «возвратного зерна» хвангок). Ухудшение положения крестьян вело к восстаниям. Назревала необходимость более серьезных реформ.

Реформы короля Ёнчжо в середине XVIII века привели к облегчению налога с крестьян некоторых категорий и к повышению статуса неполноправных. Эти реформы проводились уже на фоне новых политических движений, которые были ориентированы на отказ от традиционных конфуцианских норм и заимствование европейских идей. Больших результатов реформы, впрочем, не дали. В конце XVIII — начале XIX века кризисные явления в экономике вновь проявились, причем на сей раз затронули и города. В первой половине XIX века произошли восстания крестьян и горожан, а в середине века такие восстания уже исчислялось десятками. Новая серия реформ регента Тэвонгуна в 60-х годах XIX века являла собой попытку снять напряжение в стране путем отдельных уступок крестьянам, но их результатом было обострение политической борьбы в верхах, причем в центре ее стоял вопрос будущего страны: продолжать политику изоляции или открыть Корею для внешнего мира.

Давление держав на Корею с требованием открыть порты для торговли и использование при этом в качестве посредника Японии в конечном счете привели к желаемому для колониального капитала результату: на рубеже 80-х годов XIX века Корея оказалась связанной серией неравноправных договоров, которые открыли страну для иностранцев и предоставили им немалые привилегии. Начался процесс превращения страны в полуколонию.

Япония до сёгунов (до XII века)

Заселение островов Японии уходит далеко вглубь тысячелетий, причем здесь, как и во всем островном мире Южной Азии, одни расово-этнические группы на протяжении тысячелетий наслаивались на другие, смешиваясь с ними либо оттесняя их. На основе смешения монголоидных маньчжуро-тунгусских племен с палеоазиатскими малайскими сложилось на рубеже нашей эры ядро собственно японцев, одна из групп которых — Ямато — в III — V веках сумела подчинить себе остальные, заложив фундамент первого на островах государства. Возможно, при этом сыграло свою роль влияние со стороны Китая с его к тому времени уже весьма развитой государственностью. Во

всяком случае, известно, что уже в III веке в Японии было немало мигрантов из Китая и Кореи, причем часть их со временем включили в сословие неполноправных бэ (или бэмин). Известно также, что в китайских источниках можно найти упоминания о связях с Японией и присылке подарков от племенных вождей с островов.

Внутренняя структура раннеяпонского государства была типичной: во главе стоял вождь-правитель, его окружала родовая знать, занимавшая ключевые административные посты, включая управление областями и округами, на которые уже тогда была поделена страна. Основную массу населения составляли платившие ренту-налог в казну крестьяне. Кроме них были бэ и рабы, в основном из числа иноплеменников. Эта категория людей находилась в собственности либо государства, либо высшей знати.

С VI века китайское влияние на островах стало ощущаться сильнее. Сначала оно шло вместе с буддизмом, распространявшимся в Японии из Китая через Корею и впитавшим в себя многое из традиционной китайской культуры. Чуть позже, особенно после сложения централизованной империи Суй и затем Тан, усилился поток конфуцианского влияния. Когда в конце VI века к власти в Японии пришел принц Сётоку-тайси, им были созданы знаменитые 17 статей («Закон из 17 статей», 604 год), в которых были сформулированы основанные на конфуцианстве и буддизме принципы существования и управления, в том числе главный из них — принцип высшего суверенитета правителя и строгого подчинения младших старшему. Сётоку щедро приглашал в Японию китайских и корейских монахов и ремесленников, а также посылал молодых японцев учиться в Корею и Китай.

Однако, несмотря на активное заимствование китайской модели организации общества и государства, правители Японии не были еще готовы создать стабильную и сильную централизованную систему администрации. Восходившее к недавнему родоплеменному прошлому японское общество раздиралось междоусобицами, причем все большим влиянием в нем начинали пользоваться знатные аристократические дома, среди которых выделялся род Сога, постепенно прибиравший власть к своим рукам. Но в середине VII века про-

тивники главы рода Сога Ируки устроили заговор и убили его («переворот Тайка», 645 год). В результате правителем страны стал принц Кару, который принял титул тэнно («сын Неба»). Правой рукой Кару стали представители дома Фудзивара, которые помогли ему свергнуть Сога.

Реформы, последовавшие за переворотом, были призваны решительно реорганизовать по китайской модели всю страну, начиная от администрации и кончая аграрными отношениями. Страна была разделена на провинции и уезды во главе с губернаторами и уездными начальниками. Само собой, вся деловая и прочая документация велась китайскими иероглифами. Население стало подразделяться на плативших налоги полноправных (рёмин) и неполноправных (сэммин), причем неполноправные бэ были повышены в статусе и оказались практически полноправными. Полноправные крестьяне получали подлежащие переделу раз в шесть лет государственные наделы, за что они были обязаны платить ренту-налог зерном и тканями, а также отбывать повинности. Чиновники имели служебные наделы, размер которых колебался в зависимости от должности и ранга. Часть влиятельных людей получила наделы в пожизненное пользование, иногда с правом передачи их по наследству на протяжении одного, двух или трех поколений, редко больше. На рабов также предоставлялись наделы (треть надела крестьянина).

Эти реформы создали условия для расцвета японской культуры периода Нара (VIII век), когда по образцу танской столицы Чанани была богато отстроена столица Японии Нара с многочисленными дворцами, проспектами, храмами, монастырями и т. п. В то же время древняя религия японцев синто («путь духов»), в значительной мере обогащенная за счет китайского даосизма, сумела найти много общего с буддизмом в рамках так называемого рёбу-синто, что заложило идеологическую основу японского государства. Все это, вместе взятое, дало сильный толчок развитию древнеяпонской литературы, мифологии, составлению хроник, географических описаний и т. п.

Японцы быстрыми темпами преодолевали свое отставание от великого соседа, заимствуя все, что только можно. Однако при этом сохранялось и то, что заметно отличало Японию

как от Китая и Кореи, так и от подавляющего большинства прочих неевропейских обществ. Особенности, о которых идет речь, были связаны с огромной ролью феодализирующейся родоплеменной знати и более явственной, нежели где-либо еще, тенденцией к возрастанию значения частного владения. Эти особенности проявились не сразу. В период Нара их еще почти не было заметно — на переднем плане господствовала всеми признанная и почитаемая китайская модель. Но с IX века ситуация стала понемногу меняться.

Прежде всего система государственной власти оказалась не столь прочной, как то было в Китае (даже в Корее). Божественный тэнно, как это выяснилось уже в конце VIII века, более царствовал, нежели реально управлял страной. Конфуцианской элиты чиновников-администраторов по китайскому образцу вокруг него не сложилось, как не возникла и система регулярного их воспроизводства с конкурсными экзаменами в качестве ее базы. Это было первое очень важное, даже принципиальное отличие японской модели от китайской, корейской и вьетнамской. Вакуум власти оказался заполнен влиятельным домом Фудзивара, представители которого из поколения в поколение не только наследственно становились регентами-правителями при императорах, но и женили императоров на женщинах своего клана.

Отстроив новый город Хэйян (Киото), опять-таки по китайскому образцу, дом Фудзивара перенес туда центр администрации страны, сделав, таким образом, Хэйян даже не второй, а фактически первой столицей Японии (794 год). В IX — XI веках влияние Фудзивара настолько усилилось, что императоры превратились почти в марионеток в их руках. И хотя императоры, опираясь на часть недовольной возвышением Фудзивара аристократической знати, пытались время от времени сопротивляться, к успеху это не привело. Напротив, сложился даже некий стереотип двойственной, со временем даже тройственной, власти. Как правило, каждый император не слишком долго оставался на троне: взойдя на него в малолетнем возрасте (дом Фудзивара обычно был заинтересован именно в этом), он в годы зрелости отрекался от власти в пользу своего малолетнего наследника и уходил в тот или иной буддийский монастырь, сохраняя при этом

за собой определенное влияние на положение дел в стране. Постепенно эта практика стала использоваться некоторыми экс-императорами для превращения своего монастыря в альтернативный политический центр, в чем были заинтересованы как соперничавшие с Фудзивара знатные роды, так и сами монастыри. Но, хотя альтернативные центры власти иногда обретали большое влияние, распыление власти между двумя-тремя центрами было в конечном счете на руку именно Фудзивара, чья ставка в Хэйяне продолжала главенствовать.

На что же опирался этот влиятельный клан в борьбе за власть? Дело в том, что при отсутствии налаженной системы воспроизводства чиновников-конфуцианцев система бюрократии по китайскому эталону неизбежно должна была оказаться неэффективной. Неудивительно, что посты губернаторов и уездных начальников захватили и удерживали за собой местные знатные дома, то есть возникла система, в рамках которой каждый сильный аристократ был в прямом смысле полным хозяином в своей местности, поскольку в его владение (сёэн) входили находящиеся в ней деревни. Конечно, часть своих доходов владельцы сёэн посылали в центр — все-таки они формально оставались представителями власти в уезде, но это было каплей по сравнению с тем, что они оставляли себе. Приблизительно с X века в Японии вся власть на местах оказалась в руках владельцев сёэн разных размеров. Собственно, эту структуру, сложившуюся в качестве альтернативы классической китайской конфуцианской бюрократической администрации, следует считать вторым принципиальным отличием японской модели организации государства и общества. Но и это еще не все.

Процесс сложения системы сёэн достаточно болезненно сказывался на крестьянах. Разорение крестьянских хозяйств приводило к восстаниям, особенно частым в IX — XI веках, а также к уходу крестьян с насиженных мест. Если в китайской империи такое считалось нежелательным, но, как правило, все же допускалось (не все ли равно в конечном счете, где оседет крестьянин, — лишь бы он платил налоги государству), то для владельцев сёэн все обстояло иначе. Крестьянские хозяйства кормили именно их, так что допускать уход крестьян было нельзя. Неудивительно, что стали предприниматься меры, на-

правленные на прикрепление крестьян, что опять-таки можно считать косвенным свидетельством феодальных тенденций в обществе. Но и этого мало. В целях борьбы с недовольными крестьянами владельцы сёэн стали создавать отряды воинов-дружинников, профессиональных военных, намного более жестко организованных по сравнению, скажем, с тем, что представляли собой отряды ополченцев и стражников во владениях сильных домов в Китае периода Троецарствия, Нань-бэй чао или даже конца Хань.

С течением времени боевые дружины воинов-профессионалов, в число которых вливались также искавшие покровительства у наиболее знатных и сильных владельцев сёэн мелкие землевладельцы, стали превращаться в замкнутое сословие воинов-самураев (буси). Возник и свято соблюдался кодекс воинской этики — свод норм поведения самурая, включавший в себя прежде всего классическую конфуцианскую идею верности господину, вплоть до безусловной готовности отдать за него жизнь, а в случае неудачи или бесчестия покончить с собой (сделать харакири), следуя при этом определенному ритуалу (бусидо).

Самураи превратились в грозное оружие крупных землевладельцев, которые вели между собой ожесточенную борьбу. Это привело к тому, что уже с XI — XII веков Япония начала весьма явственно отличаться от Китая и еще в одном принципиально важном плане: власть имущие и вся система администрации в этой стране опирались не на обычную практически для всех неевропейских обществ чиновную бюрократию либо воинскую прослойку, находившуюся на службе у государства и получавшую за это именно от него плату в форме чаще всего служебных наделов, а на находившихся в зависимости от знатных домов рыцарей-самураев, преданных своим господам.

Основные отличия японской модели общества и государства от классической конфуцианской многое объясняют в судьбах Японии. Но стоит заметить, что явственный уклон в сторону частнособственнического интереса и феодальной структуры не привел Японию в состояние раздробленности, что было бы естественным для иного общества в аналогичной ситуации. Вышло так, что центробежные тенденции в средневековой Японии уравновешивались сильными центростре-

мительными, вследствие чего создавался некий устойчивый и весьма специфический баланс власти. Особенно заметно это стало к концу XII века, когда усилившийся дом Минамото нарушил прежнюю гегемонию Фудзивара.

Япония при сёгунах (XII — XIX века)

В XII веке власть дома Фудзивара постепенно ослабевала, чему в известной мере способствовало противостояние регентов при императорах и экс-императоров, пребывающих в монастырях. На фоне этого ослабления все более заметным становилось соперничество двух других аристократических домов — Тайра и Минамото. Минамото, владевшие на северо-востоке страны наиболее крупным и хорошо организованным войском самураев, каждый из которых имел пожалованный ему господином надел с хорошим доходом и потому был готов сражаться за господина до смерти, в конечном счете одержали победу. В 1192 году Минамото Ёритомо был объявлен верховным военным правителем страны с титулом сёгун. Ставкой сёгуна и правительства (бакуфу) стал город Камакура.

Подавив сопротивление недовольных, сторонники Минамото конфисковали земли соперников и отдали их в качестве ленных владений своим самураям. Это заметно сказалось на изменении аграрной структуры страны: подавляющей формой земельного владения стало мелкое, самурайское, хотя продолжали существовать и крупные владения знатных домов, прежде всего самих Минамото, императора и его родни, а также некоторых всесильных вассалов Минамото. Влиятельнейшим из таких вассалов был Ходзё, потомки которого постепенно сосредоточили в своих руках всю фактическую власть и удерживали ее на протяжении почти столетия, до первой трети XIV века. В частности, именно Ходзё организовали сопротивление монгольским армиям Хубилая.

С XIII и особенно в XIV веке начинается эпоха расцвета японских городов, а также ремесел и торговли. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, увеличение числа ставок крупных аристократов, при дворах которых жило множество самураев, всякого рода челяди, ремесленников и пр. Во-вторых, увеличение количества буддийских сект

и соответственно числа монастырей, неподалеку от которых часто селились люди, обслуживавшие монастырь и паломников, — включая многочисленных торговцев и опять-таки ремесленников. В-третьих, развивались и превращались в большие города порты, становившиеся центрами ремесел, торговли и культуры.

На первых порах расцвету портовых городов содействовали японские пираты, возникшие как заметная самостоятельная сила именно в XI — XII веках. Позже, однако, главную роль в их процветании стала играть регулярная торговля с Китаем, Кореей и странами Юго-Восточной Азии.

В городах возникли профессиональные корпорации ремесленников и торговцев (дза), и некоторые из этих корпораций, правда, очень немногие, имели даже определенную автономию и самоуправление. Но самым главным результатом появления городов (в XIV веке их было 40, в XV — 85, а в XVI — уже 269) был заметный рост товарно-денежных отношений, что сыграло немаловажную роль в последующей эволюции японского общества.

Речь идет в первую очередь о самураях. Сословие это с его высокими запросами, но с низким в целом уровнем дохода уже в XIII — XIV веках оказалось в состоянии кризиса. Чтобы поддерживать достойный уровень существования, самурай нередко залезал в долги, а то и вынужден был продать свой лен. Это вело к разорению его и его потомков, что было весьма невыгодно как для его патрона, так и для государства (не следует забывать, что большинство самураев состояло на службе сёгуна, то есть государства). Поэтому следовали один за другим указы, предписывавшие выкупать, а то и просто возвращать самураям их земли, но жизнь брала свое, и самураи продолжали разоряться. Нужны были иные меры, и самураев начали переводить на положение дружинников, служащих господину или государству и получающих за это жильё, снаряжение и натуральный паек. Соответственно этому в очередной раз стали меняться аграрные отношения: все большее количество земли концентрировалось в руках крупных князей-даймё, которые также стали контролировать значительную часть японских городов с их ремеслом и торговлей. Возвышение князей сыграло свою роль в падении сёгунов из дома Мина-

мото и фактических правителей из дома Ходзё. В результате длительных усобиц верх взял бывший вассал Ходзё Асикага, который в 1335 году провозгласил себя сёгуном. Его потомки управляли Японией до 1573 года.

Сёгунат Асикага сложно назвать периодом мира и процветания. Напротив, с начала XV века против Асикага восставали то один, то другой влиятельный дом, а в 1467 — 1477 годах в стране разгорелась настоящая война, в ходе которой ключевые позиции в Японии захватили несколько домов (всего таких домов до начала войны насчитывалось 260; многие из них в ходе усобиц погибли). К началу XVI века власть сёгунов стала номинальной, а Япония практически распалась на несколько частей и погрузилась в разруху, что привело к резкому росту крестьянских восстаний, причем к крестьянам теперь нередко примыкали разорившиеся самураи (их низшая прослойка — кокудзин), странствующие самураи-ронины (не имевшие господина), а порой и городская беднота.

В середине XVI века в Японии из среды самураев выдвинулось несколько честолюбивых лидеров. Один из них, Ода Нобунага, сумел одного за другим одолеть нескольких даймё и в 1573 году сверг последнего сёгуна из дома Асикага. Одним из наиболее непримиримых противников Нобунаги оказались буддийские монастыри, что сыграло немалую роль в определении его благожелательного курса в отношении христианства.

Первые христиане появились в Японии в 40-х годах XVI века вместе с португальскими купцами. Затем в Японию прибыли миссионеры-иезуиты, в том числе знаменитый Франциск Ксавье. Их усилиями христианская религия стала распространяться довольно быстрыми темпами: уже в 1580 году в стране было около 150 тысяч христиан, 200 церквей и 5 семинарий; к началу XVII века христиан было около 700 тысяч. Этому способствовала, в частности, и политика южных даймё, заинтересованных в португальской торговле и, главное, в обладании огнестрельным оружием, доставка, а затем и производство которого в Японии были налажены именно португальцами-католиками.

В 80-х годах XVI века Нобунага овладел половиной провинций страны, включая столицу Киото, и провел реформы, на-

правленные на ликвидацию политической и экономической раздробленности (в частности, в 1568 году был лишен своей автономии торговый город Сакаи), на развитие городов и торговли. Но в 1582 году против него поднял мятеж военачальник Акэти Мицухидэ, и Нобунага, осажденный в буддийском монастыре, совершил харакири. После этого власть досталась его помощнику Тоётоми Хидэёси, выходцу из крестьян. Хидэёси сумел завершить дело объединения страны и даже лелеял мечту расширить свои владения за счет территорий на континенте. Но неудачная экспедиция в Корею похоронила эти мечты.

Реформы Нобунаги и Хидэёси оказались весьма эффективны. Была усилена централизованная власть, укреплен контроль за городами и торговлей, закреплены земли за крестьянами, способными исправно платить налоги в казну государства. В отличие от своего предшественника Хидэёси выступил против чрезмерно усилившихся иезуитов и вообще христиан. В 1587 году он издал указ об изгнании иностранных миссионеров, португальцев и испанцев, и организовал преследование японцев-христиан, включая уничтожение церквей и типографий, издававших церковную литературу. Преследуемые укрывались под защитой принявших христианство мятежных южных даймё, которые были разгромлены уже после смерти Тоётоми Хидэёси в 1598 году, когда власть перешла к одному из его сподвижников Токугава Иэясу. В 1603 году Иэясу провозгласил себя сёгуном. Началась длительная эпоха нового, третьего по счету после Минамото и Асикага сёгуната, продолжавшегося вплоть до 1867 года.

В классической формуле «начал, продолжил, завершил», обычно относимой к оценке деятельности всех трех выдающихся объединителей страны в XVI веке, на долю Токугава Иэясу приходится заключительная фаза. Объединив страну под властью дома Токугава сёгун, приступил к новой серии реформ. Даймё, которых к тому времени насчитывалось около двухсот, не только должны были признать авторитет сёгуна, но и в знак этого признания каждый второй год вместе с семьей, челядью и даже частью дружины проводить в специально построенной для этого дворцовой усадьбе в Киото.

При этом за ними сохранились некоторые традиционные права, включая суд и административную власть в пределах собственных владений, а также право иметь у себя на службе самураев, которые находились в основном на натуральном довольствии.

Своего рода заложничество даймё сыграло важную роль в укреплении власти центра. Кроме того, дом Токугава позаботился о том, чтобы враждебные ему даймё (а таковыми считались все, кто не был родней или вассалами сёгуна), именовавшиеся тодзама, не проживали компактно, а были территориально оторваны друг от друга. Ремесло и торговля в тех городах, где прежде осуществляли свою юрисдикцию даймё, были переданы в подчинение сёгуну вместе с самими городами. Все это значительно подорвало могущество князей и укрепило власть сёгунов.

Изясу провел и аграрную реформу, еще раз закрепив крестьян за их землями. Он же строго разграничил сословия (самураи, крестьяне, ремесленники, торговцы) и наладил систему полицейского надзора в стране. Выступив против католической церкви, закрыв порты и вообще изолировав Японию от внешнего мира, Токугава вместе с тем не стояли за строгую и полную изоляцию. Сёгуны, видимо, понимали, что при контролируемых контактах связи с европейцами могут дать стране немало пользы. Среди других европейцев ими были выделены голландцы — вся шедшая в Японию через посредство голландских купцов европейская наука и культура (ее именовали голландской наукой — «рангакуся»), особенно книги, оказывали немалое воздействие на японцев, привыкших перенимать все полезное. Известно, что последователи рангакуся из числа хорошо образованных японцев уже в XVIII веке активно и вполне осознанно использовали достижения европейской науки для совершенствования экономики страны.

Однако изоляция страны не вела к ее быстрому прогрессу. Если в XVII веке реформы привели к относительно процветанию экономики Японии, то XVIII век принес с собой начало экономического кризиса. Разлагался лишавшийся необходимого материального содержания корпус самураев, из которых в наихудшем положении были ронины. В критиче-

ском положении оказались крестьяне, часть которых вынуждена была идти в города либо как-то включаться в городское хозяйство. В упадок пришли большинство даймё, чьи доходы заметно сократились. Что касается сёгунов, то их могущество оставалось неколебимым, причем важную роль в этом играло возрожденное и усиленное в его чжусианской форме неоконфуцианство, которое не только было воспринято в качестве официальной идеологии, но и реально оказывало свое воздействие на образ жизни японцев (патернализм, преданность старшим, крепость семьи, культ этической нормы и многое другое).

Кризис токугавского сёгуната стал заметным на рубеже XVIII и XIX веков, но особенно явственным — с 30-х годов XIX века. Ослаблением могущества сёгунов воспользовались прежде всего наиболее крепкие и развитые княжества из числа тодзама южных районов страны, особенно Тёсю и Сацума. Они богатели за счет контрабандной торговли, активно развивали собственную промышленность, включая и военную, причем сёгуны уже ничего с этим поделать не могли. Сильный удар по авторитету дома Токугава нанесло насильственное «открытие Японии», сделанное США и европейскими державами в середине XIX века. После этого движения против иностранцев и власти сёгунов слились воедино, причем центром притяжения всех мятежных сил в стране стал императорский дворец в Киото.

Давно забытый, хотя и всегда всеми заботливо почитавшийся император вдруг превратился в национально-патриотический символ Японии. Императора активно поддерживали князья и самураи из Тёсю и Сацума. За него выступали стекавшиеся к его двору странствующие ронины. Наконец, антисёгунскую коалицию поддержала и заинтересованная в резком изменении политики Японии Англия. Словом, дни сёгуната были сочтены, и в 1868 году он перестал существовать. Власть в стране была передана императору, шестнадцатилетнему Муцухито (Мэйдзи). Япония вступила в полосу радикальных преобразований, равных которым не знала ни одна неевропейская страна.

Глава 14

Государства и общества средневекового Востока

Хотя эпоха восточного Средневековья выделена в работе условно, ибо структурно государства и общества в Средние века оставались теми же, что были и в древности, средневековый Восток тем не менее являет собой сущностно нечто новое, достаточно своеобразное по сравнению с восточной древностью. Разница не только в степени и уровне развития, что следует признать естественным и само собой разумеющимся (как-никак, а восточное Средневековье — это полторы-две тысячи лет эволюции, пусть прежде всего цикличной, но также и поступательной); разница в качестве, в совершенстве самой структуры как таковой и, что особенно важно, в цивилизационном ее обрамлении.

Конечно, цивилизационное качество восточных структур выявило себя еще в древности, о чем уже говорилось, когда шла речь о специфике Западной Азии, Китая или Индии, не говоря уже о Египте. Но в Средние века эта специфика не просто углубилась, она видоизменилась. Во-первых, потому что древние индо-буддийская и китайско-конфуцианская цивилизации обрели за полторы-две тысячи лет устойчивые системы ценностей и заверченный облик: что-то отсеялось и ушло в прошлое, что-то вышло на передний план и стало определяющим. Во-вторых, потому что вся ближневосточная зона оказалась под влиянием новой, возникшей именно в Средние века исламской цивилизации, корни которой уходят как в древний Ближний Восток, так и в иудеохристианскую традицию, не говоря уже об иранском влиянии с его зороастризмом и административно-политической культурой.

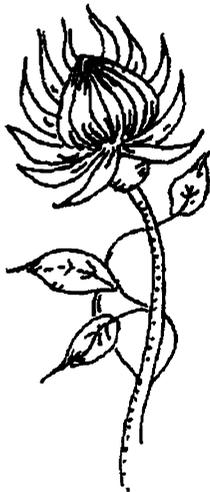
Иными словами, средневековый Восток в цивилизационном плане стал много более определенным, чем был Восток древний. Развитые религиозные системы (ислам и индо-буддизм) и приравненная к ним мощная этико-идеологическая система конфуцианства, в сущности, поделили между собой сферы не только культурного и политического, но также

и идейного, религиозного, мировоззренческого воздействия, которое, в свою очередь, формировало как образ жизни и менталитет людей, так и формы их привычной социально-семейной жизни, административные связи и государственность. Даже в тех регионах, где, как в Юго-Восточной Азии, заметно воздействие разных, а то и всех трех великих восточных религиозно-цивилизационных систем, каждая из них представлена своими специфическими элементами, которые достаточно легко вычлениаются. Важно подытожить именно то, что характерно только для Средневековья или появилось и стало особенно заметным и значимым в это время.

Исламская государственность

В первую очередь это ислам — ислам как религия, как цивилизация, как новая модель государственности. Будучи наиболее поздней из великих религий Востока, ислам вобрал в себя достаточно многое из религиозно-культурного наследия прошлого. Он преодолел религиозную рыхлость ближневосточной религиозно-культурной традиции древности и противопоставил ей стройность, даже жесткость догматической доктрины с ее пятью символами веры (исповедание, молитва, пост, милостыня и хадж) и полной безоговорочной покорностью воле Аллаха, а также олицетворяющего его на земле пророка либо его заместителя (халифа). Религиозная жесткость придала исламу нетерпимость к инакомыслящим (неверным), вплоть до религиозной войны с ними (джихад, газават), а также создала почву для укрепления невидимыми, но неразрывными узами мусульманской общины. Эта религиозная специфика сформировала и основные параметры исламской цивилизации с ее очевидной ориентацией на покорность обезличенной личности высшей силе и представляющей ее земной власти. Практически это нашло отражение в свойственной исламу и исламской цивилизации неразрывной слитности религии и политики, религии и власти.

Нечто похожее было и в Китае, где конфуцианская империя оказалась сильна и нерушима именно потому, что фундаментом ее было почитаемое в стране и игравшее роль главной официальной религии конфуцианство. Но в Китае конфу-

цианство не было никогда ни единственной, ни исключительной идеологической религиозной доктриной. Ислам же был именно исключительной религией, нетерпимой к любой другой. Поэтому исламская государственность, фундаментом которой были ислам как религия и ислам как цивилизация, оказалась наиболее сильной и воинственной, хотя и уступала во внутренней крепости и устойчивости той же китайской.

Именно она, исламская государственность, сыграла решающую роль в объединении всех столь различавшихся между собой в древности в этническом, культурном, историческом и цивилизационном плане стран и народов в нечто монолитное, цельное, внутренне спаянное и религиозно единое. Даже несмотря на то, что халифат оказался не слишком жизнеспособным, исламская государственность устояла и восторжествовала, а на территории халифата и после его крушения, за редкими исключениями вроде Испании, сохранилась именно исламская государственность, дожившая в этом своем качестве до наших дней и не собирающаяся сдавать позиции и сейчас. К тому же исламская государственность в силу своей внутренней установки на непримиримость к инаковерию и воинственность на протяжении всей второй половины Средневековья, то есть после своего становления и достижения первых впечатляющих результатов (создание халифата), продолжала расширять сферы своего влияния. Именно воины ислама принесли в политически рыхлую и аморфную Индию все ту же исламскую государственность. Именно ислам, пусть на сей раз не в ходе войн, а в результате транзитных торговых контактов оказал воздействие на формирование государственности (исламской!) в Тропической Африке и Юго-Восточной Азии. Наконец, ислам в конце Средневековья сумел вновь создать сильную империю (Османскую), которая вернула под свой контроль почти все земли халифата и в глазах просвещенных европейцев XVIII — XIX веков стала своего рода эталоном классической восточной деспотии.

Исламская государственность внутренне сильна не только неразрывной слитностью религиозного и политического начал, но и чрезвычайной простотой ее административной организации. Это обстоятельство тоже сыграло свою роль,

способствуя формированию государственных образований у отставших в своем развитии этнических общностей. Племенные государства, приняв форму султанатов, эмиратов или ханств, оказывались тем самым внутренне значительно более устойчивыми именно за счет подкрепления власти религией. Это видно также на примере Африки (с той неременной оговоркой, что даже ислам здесь не всегда помогал сделать внутреннюю структуру молодого государственного образования достаточно прочной — впрочем, это обычно было связано и с тем, что ислам воспринимался не целиком, не всеми, к тому же достаточно поверхностно), и Юго-Восточной Азии, и Центральной Азии (особенно у кочевников). Именно за счет распространения исламской государственности были в Средние века значительно расширены границы ойкумены, а в зону цивилизационного развития оказались вовлечены многие новые этнические общности, которые до того находились в своем развитии на уровне первобытности.

Наконец, сила исламской государственности была и в том, что, несмотря на огромную роль религии как таковой, на истовую религиозность мусульман, собственно религиозные обязательства подавляющего большинства населения (кроме ученых улемов) были не только до предела просты (молитва, пост, милостыня, хадж), доведены до элементарного обрядового автоматизма, но и всегда ориентированы на социально-политический стандарт. Иными словами, правоверные прежде всего обязаны быть лояльными членами общества, послушными подданными и в качестве таковых верными воинами ислама. Воинами в прямом и переносном смысле: если ты мусульманин, ты должен быть всегда готов к битве с неверными. Религиозная идеология на службе политике — это норма для стран ислама.

Транзитная торговля и кочевники

Обратим теперь внимание на другой существенный феномен восточного Средневековья — транзитную торговлю. Ее роль была необычайно большой уже в древности: именно благодаря транзитной торговле возвысились и расцвели финикийские города, она же способствовала расцвету и многих других

торговых центров начиная с Вавилона. Торговые связи по Великому шелковому пути или по трансаравийской дороге вдоль моря соединяли европейские страны с Индией и Китаем и способствовали не только торговым, то есть товарным, контактам, не только обмену вещами и раритетами, что само по себе очень важно, но и обмену достижениями культуры, идеями, нововведениями, открытиями.

Далеко не всегда, вопреки принятым формулам, этот обмен был равновеликим, эквивалентным. Как раз наоборот, чаще всего влияли одни, а воспринимали чуждое влияние другие; но это не мешало тому, что в конечном счете свою выгоду от обмена имели все стороны. Именно это и поддерживало всегда транзитную торговлю, побуждало тех, кто в нее вовлечен, включая многочисленных посредников, активизировать свою деятельность и решительно преодолевать все препятствия, коль скоро они возникали. Торговля и дороги, пересекавшие страны и континенты, были животворной кровеносной системой в масштабах всей ойкумены.

Однако этим роль транзитной торговли не ограничивается. Уже упоминалось, что благодаря торговле в отдаленные регионы проникали не только сами по себе идеи, в том числе религиозно-культурные, в частности исламские, но и живые носители этих идей, ревностно пропагандировавшие их и энергично способствовавшие их распространению и практическому воплощению. Ведь именно следствием транзитной торговли как таковой было создание в Юго-Восточной Азии городов и портов, становившихся анклавом ислама. А так как ислам воинствен и прозелитичен, то естественным и логичным было стремление выйти за пределы анклавов. Этому, впрочем, способствовала и слабость политической власти в юго-восточно-азиатских странах.

Еще одна важная функция транзитной торговли — влияние ее на отсталые этнические общности, на племена и народы, только-только вступившие на путь формирования государственности, только начавшие воспринимать цивилизованный образ жизни. Уже заходила речь о том, что Средние века отмечены приобщением новых территорий и целых регионов с населяющими их многочисленными племенами к цивилизации и государственности. Включение их в сферу торговых путей,

в обслуживание торговых операций как раз и становилось толчком для ускорения упомянутого процесса. Это хорошо видно на примере арабов.

Трансарабская торговля создала благоприятные условия как для приобщения к ней бедуинов, которые со своими верблюдами служили посредниками при перемещении товаров, так и для обогащения шейхов бедуинских племен, уже вставших на путь формирования протогосударственных образований. Одновременно с этим она способствовала возникновению и расцвету ряда арабских городов, таких как Мекка, которые стали в середине I тысячелетия крупными торговыми центрами и быстрыми темпами шли по пути формирования протогосударственных структур.

Если продолжать далее, то легко сформулировать и более важный вывод: возникший на рубеже VI и VII веков ислам также в конечном счете стал следствием и итогом транзитной торговли и всего, с нею связанного, включая распространение вдоль торговых путей различного рода идей и культурных ценностей. Транзитная торговля дала весомый толчок развитию арабов и подготовила условия для возникновения ислама, а ислам в форме воинственного религиозно-цивилизационного импульса преобразил весь Ближний Восток и в некотором смысле всю ойкумену.

Здесь важно оговориться. Транзитная торговля способствовала этому процессу не только и не столько непосредственно, то есть как само по себе важное в жизни народов явление, но также и опосредованно, через определенный народ, через арабов, прежде всего через арабских кочевников, бывших наиболее динамичной и энергичной частью арабской этнической общности. И это вплотную сталкивает нас с непростой проблемой кочевников.

Кочевники, как и транзитная торговля, существовали задолго до Средневековья. Уже на рубеже II и I тысячелетий до н. э. они были хорошо известны соседним земледельческим странам как люди, которые жили особым, отличным от земледельческого образом жизни и вели свое специфическое животноводческое хозяйство. Изучение кочевых племен показало, что в условиях изолированного от земледелия хозяйства, даже при сохранении спорадических контактов с земледель-

цами, в первую очередь торговых, кочевники в своем развитии не продвигались далее племенных протогосударственных структур, — да и эти структуры следует считать результатом этнической консолидации под воздействием опять-таки контактов с соседними государствами. Это в целом касается всех кочевников и может быть продемонстрировано на примере и бедуинов Аравии, и кочевников Великой Евразийской степи, и тем более кочевых племен африканской саванны. Другое дело, когда какое-то племя кочевников оказывается поблизости от мощного и постоянного источника цивилизующего воздействия и по какой-то причине начинает активно контактировать с этим источником.

Здесь может быть несколько близких друг к другу вариантов. Первый (киданьский) — когда сильное кочевое племя складывается на окраинах могущественной империи, многое у нее заимствует, но при этом стремится сохранить свою самобытность. Второй (тюркский) — когда воинственные кочевники решительно меняют места своего обитания, а затем привычный образ жизни, вторгаясь в зону существования земледельцев и подчиняя их себе. Третий (монгольский), своего рода компромиссный, — когда под внешним воздействием создается сильное воинственное государство, которое вторгается в зону существования земледельцев, подчиняя себе одно их государство за другим, но пытаясь при этом хоть сколько-нибудь сохранить свою самобытность. В конечном счете все три варианта приводят к одному и тому же результату, смысл которого до предела прост и очевиден: покидая привычные места своего обитания и вступая в тесный контакт с земледельцами, тем более становясь правителями завоеванных земледельческих стран, кочевники слезают с коней и перестают быть кочевниками, во всяком случае в лице своих потомков.

Сказанное означает, что кочевники остаются кочевниками, пока и поскольку они обитают в привычных своих кочевьях. Уйдя оттуда и вторгаясь в зону обитания земледельцев, они исчезают с лица земли как кочевники. Поэтому, рассуждая о кочевниках, мы вправе говорить только о тех, кто остается в кочевьях. Что характерно для них? Динамичность и то, что выше уже было названо пассионарностью. Я бы сказал даже

более определенно: именно кочевники прежде всего отличаются тем, что именуется пассионарностью, как то было продемонстрировано арабами, тюрками и монголами, не вспоминая уже о Великом переселении народов на рубеже древности и Средневековья.

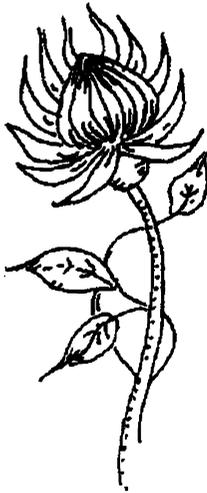
Пассионарность — это определенный заряд жизненной энергии, способность к изменению, к восприятию нового. Арабы под зеленым знаменем ислама внесли свой заряд и вдохнули новые жизненные силы в древние ближневосточные цивилизации — этот феномен в каком-то смысле можно назвать Возрождением. Тюрки проделали почти то же самое с одряхлевшей арабо-исламской цивилизацией спустя полтысячелетия. Менее всего сказанное относится к монголам: вся жизненная энергия монгольского этноса была отдана жестокому разрушению созданного другими. Но даже монголы, кардинально изменив облик и судьбы многих народов, сыграли немалую роль в обновлении мира.

Словом, факт остается фактом: кочевники пассионарны, то есть активны и полны жизненной энергии, которая способна проявляться от случая к случаю и чье проявление везде находило свое выражение в подчинении земледельцев кочевникам. Неудивительно, что по меньшей мере часть этой энергии была успешно использована той самой транзитной торговлей, услуги которой были необходимы и земледельцам, и кочевникам.

Выход на передний план феноменов транзитной торговли и кочевников — это один из значимых моментов средневековой истории Востока.

Власть и собственник

Еще одна из проблем, уходящих корнями в глубокую древность, но заслуживающих внимания в свете всего того, что характерно для средневекового Востока, — вопрос о собственности. Процесс приватизации, знаменовавший собой определенный этап формирования государственности, представлял акценты достаточно резко: государство как институт противостояло частному собственнику, видя в чрезмерном его усилении угрозу для своего существования. Поэтому по-

всюду предпринимались соответствующие меры, результатом которых стали достаточно четко отрегулированные взаимоотношения между властью и частником — даже в тех нередких случаях, когда высшие носители власти сами как индивиды были одновременно и собственниками, подчас достаточно крупными. Суть этих взаимоотношений везде была однозначна, а смысл их сводился к тому, что все государственное первично, а частное вторично. Этот стандарт стал своего рода нормативом и на соответствующей ступени эволюции воспроизводился везде. Таким образом, частная собственность превратилась в слугу государства, перестав быть его опасным соперником.

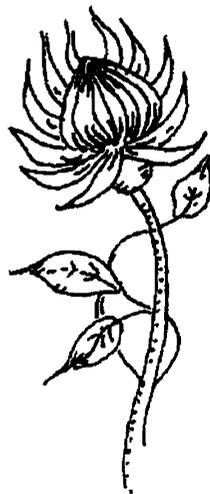
Но это не означает, что в дальнейшем ничего не менялось. Частный собственник, освоившийся с вторичностью своего статуса, постепенно не только свыкся с ним, но и обрел ту социальную нишу, которая соответствовала и его статусу, и его запросам, возможностям и потребностям. Соответственно сложился и рынок — пусть лишенный потенций для саморазвития, но зато достаточно богатый, не в последнюю очередь за счет той самой транзитной торговли. Этот рынок тоже вписался в предназначенное ему властями место, обрел свои формы и успешно реализовал свои возможности. Постепенно рынок и собственник на средневековом Востоке стали играть заметную роль, и, что особенно важно подчеркнуть, эта роль никоим образом уже не вела к ослаблению государства — во всяком случае, до тех пор, пока все оставалось в норме. Если ситуация выходила из нормы, как то наиболее рельефно видно на примере китайской империи с ее династийными циклами, то в ход пускался механизм реформ, ставивший на место зарвавшихся собственников. А если не помогало и это, то делал свое дело наступавший кризис: в огне социальных катаклизмов собственники гибли в числе первых, и после преодоления кризиса норма восстанавливалась.

В пределах же нормы рынок и собственник занимали ту нишу, которая не представляла угрозы государству. Соответственно складывался и менталитет собственника. Вообще-то говоря, этот менталитет исконно был сродни обычному менталитету подданного восточного государства. Никто из восточных собственников никогда и не мыслил себя иначе, как

покорным власти подданным, даже если он ворочал миллионами и был, выражаясь словами китайских источников, «богаче князей». Известно, что любой выходец из простолюдинов, став богатым (разумеется, это не относится к тем, кто шел наверх по административной лестнице, обретая с каждой ее ступенью законную новую порцию престижа и прилагавшегося к нему в строгом соответствии с рангом богатства), больше всего заботился о престиже. Далеко не случайно с легкой руки одного из основоположников легизма Шан Яна (390 — 338 до н. э.) государство в Китае, например, всегда в случае нужды запуская привычный механизм продажи рангов, должностей (чаще всего синекур) и даже ученых степеней (тоже с явственным знаком «проданная», «купленная»). Богатство возвращалось в казну, а богатый приобретал столь желанный и так высоко ценимый в обществе рангов и привилегий престиж.

Этот механизм, сводивший богатство собственника к престижу власть имущего или причастного к власти, так или иначе работал на Востоке везде и всегда. Соответственно стремление к постоянному росту дохода, увеличению богатства во что бы то ни стало и любой ценой гасилось в зародыше, не говоря уже о том, что сами по себе стоявшие за этим стремлением инициатива, предприимчивость, энергия новатора не имели почвы для своего расцвета и потому не расцветали. Понятие «время — деньги», характерное для любого связанного со свободным рынком предпринимателя, на Востоке не существовало и не могло там появиться. Зато желание уподобиться тому, кто имеет престиж, было постоянно действующим импульсом. Собственники всегда стремились вложить свое богатство в землю, даже если земля не приносила заметного дохода, по той простой причине, что владение землей давало землевладельцу престиж. Собственники вкладывали деньги в дом, в богатый выезд, в слуг и рабов — все это не приносило дохода и часто было связано с солидными расходами, но зато гарантировало престиж, то есть ставило владельца в ряд с теми, кто достиг административных высот и был причастен к власти. Я уж не говорю о желании собственников породниться с властью имущими со все той же целью обрести престиж.

Есть и еще один важный фактор, повлиявший на взаимоотношения собственника и государства. В условиях отсутствия свободного рынка сделки с землей всегда были как-то завуалированы, открытых торгов земельных участков на Востоке в принципе никогда не бывало. Для государства вопрос земельной собственности обычно сводился к вопросу фактического владения землей*. По сути, ему было все равно, кто платит налог: крестьянин-общинник или крупный собственник, который небольшими наделами сдает землю тому же крестьянину. Это вело к тому, что государство начинало смотреть на стремление крупных собственников приобрести побольше земли сквозь пальцы: не все ли равно, от кого поступают доходы?! И только явный выход за пределы нормы, который влек за собой социальную нестабильность, заставлял государство (прежде всего китайское) вмешиваться и восстанавливать статус-кво, возвращая землю крестьянам. А в Индии, где все аграрные отношения регулировались внутри общины и не вызывали угрозы социальных катаклизмов, не было и этого: государству было абсолютно безразлично, кто владеет землей, богатый или бедный, общинник или собственник; важно было лишь, чтобы положенную норму налогов община вносила в казну.

Обращает на себя внимание хорошо известное, но недостаточно осмысленное обстоятельство. Со времен III династии Ура или Древнего Египта Восток не знал ни системы плантаций, ни больших имений, ни барской запашки в поместьях, ни вообще чего-либо похожего, во всяком случае в сколько-нибудь экономически и социально значимых масштабах (небольшие хозяйства типа дворцовых, предназначенные для внутреннего обслуживания, можно в этой связи не учитывать). Все крупные земельные владения обычно дробились и раздавались в аренду небольшими клочками. Почему? Да потому, что условий для существования крупного товарного хозяйства

* Можно оставить в стороне те случаи, когда земля безусловно считалась государственной и выделялась в виде должностных наделов-кормлений. Речь идет также и не о землях наследственной знати или гуань-тянь в Китае. Имеются в виду лишь те земли, которые принадлежали их владельцам, будь то общины в Индии, крестьянские поля минь-тянь в Китае и т. п.

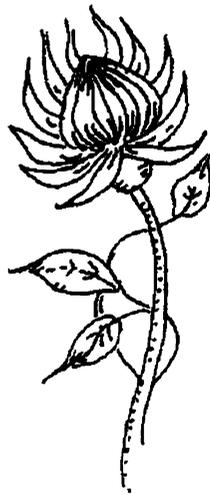
не было — опять-таки потому, что не было развитого свободного рынка.

Крупное товарное хозяйство — дело хлопотное, способное принести не только доход, но и убытки. И коль скоро сам факт владения землей дает богатому владельцу желанный престиж, который ценится выше, чем доход, то зачем, во имя чего стремиться к погоне за сомнительной прибылью? С потребностями же мелкого местного рынка отлично справлялись мелкие земледельцы и те же арендаторы. За снабжение городов и вообще всех слоев населения, не связанных с производством пищи, отвечало государство, имевшее для этого развитую систему перераспределения.

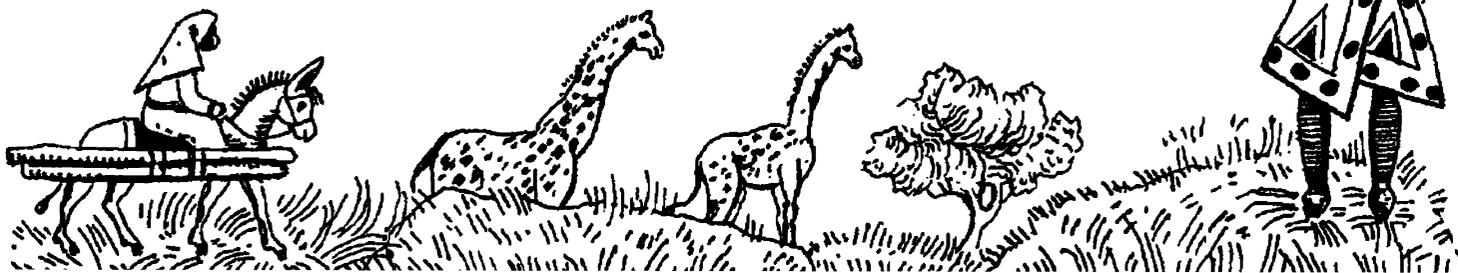
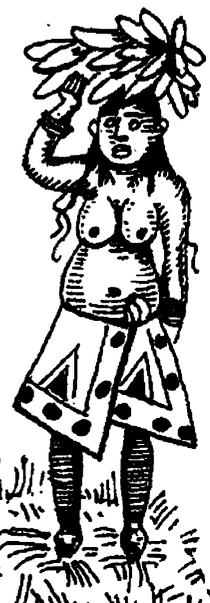

Государство и общество

Взаимоотношения с собственниками определяли судьбу восточного централизованного государства, но почти столь же важными были отношения государства, аппарата власти, с обществом в целом. Здесь перемены сводились к институционализации и легитимизации тех форм взаимосвязей, которые сложились в древности. Лучше всего это видно на примере Индии и Китая, чья история вполне отчетливо распадается на древность (период формирования структуры) и зрелость (период ее устойчивого существования в Средние века). Но в определенной мере это касается и Ближнего Востока, где эллинизм, прервавший связь традиций (до известной степени, разумеется), был заменен исламом, возродившим генеральную структуру, созданную древними.

О чем идет речь? Неевропейское государство, в отличие от европейского антично-капиталистического, никогда не было тем, что марксизм именует надстройкой над базисом. Оно не ставило и не могло ставить своей целью выражение интересов господствующего класса собственников, ибо такого класса не было, да и государство было иным. Неевропейское государство с незапамятных времен всегда и везде было не только неотъемлемой частью общества, но и вершиной его. Включая в себя социум, венчая его, оно всегда возвышалось над ним и подчиняло его себе. Иными были и его функции. Конечно, кое-какие из них — защита страны, охрана порядка,

организация внешних сношений, административно-территориальное правление, суд, взимание налогов и т. п. — вполне сопоставимы с функциями европейского государства, порой даже идентичны им. Но коренное отличие в том, что в неевропейском обществе государство являет собой высшую и ничем не ограниченную власть, перед которой трепещет и обязано трепетать все общество, снизу доверху, — в этом весь смысл разницы! И если в Европе власть зависит от баланса противоречивых тенденций в социуме (откуда и марксистская идея о классовых антагонизмах), то на Востоке авторитет власти ни от чего подобного не зависит. Он зависит только от силы самой власти, от эффективности централизованной администрации и в конечном счете от регулярного притока в казну гарантированной нормы дохода.

Именно такого рода стандарт веками складывался в древности. Он держался на силе традиций, опирался на сакральный авторитет богов и был нужен в конечном счете привыкшему к нему обществу. Нужен ради сохранения привычной и в целом благодатной для социума консервативной стабильности.

Выше уже не раз говорилось, что ослабление власти центра вело к феодализации. Но при этом феодальная децентрализация к изменению привычного статуса восточного государства не вела — изменялся лишь масштаб структуры. Но в том-то и суть, что изменение масштаба и появление вместо большого государства группы враждующих друг с другом государств мелких вовсе не безвредно для социума. Как это хорошо видно на примере позднечжоуского Китая или раннесредневековой Индии, группа враждующих государств создает эффект нестабильности, что в конечном счете болезненно отражается на социуме. Неудивительно поэтому, что социум объективно, да и субъективно, всегда был за сильное государство. Сильное же государство, гарантируя желанную стабильность, надевало на шею социуму крепкое ярмо. В итоге получалось, что социум сам стремился к ярму, ибо с ним привычно и есть гарантия от крупномасштабных бедствий.

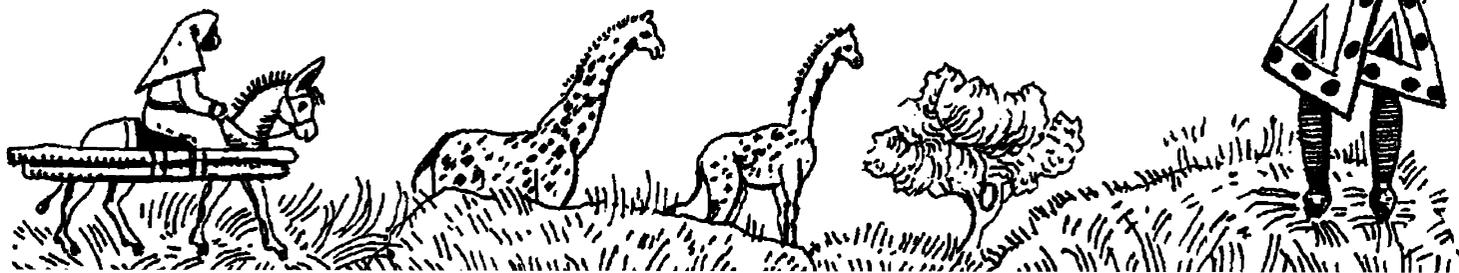
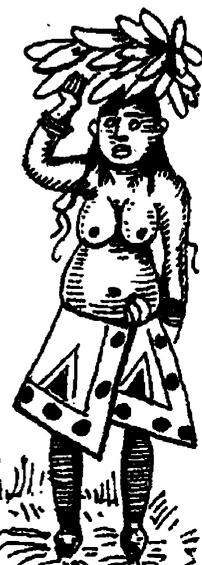
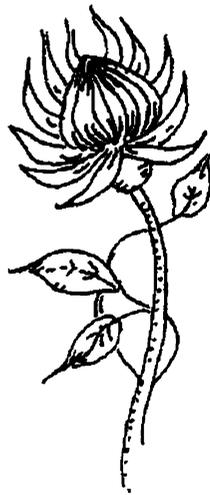
Выработке такого рода поведения и психологии способствовала сама жизнь. Но надо сказать, что в том же направлении действовали и институциональные факторы. Система

социальных корпораций, которая сложилась в древности (семья, клан, община, каста, секта, цех, землячество и т. п.), постепенно приспособлялась к нуждам государства, пока не достигла в этом смысле своего рода совершенства. Речь идет об идеально отлаженном конфуцианском административном аппарате, низовой ячейкой которого были старшие в деревнях и ответственные в рамках пятидворок или десятидворок, на которые нередко делилось сельское население. То же самое можно увидеть в идеально отработанной системе джаджмани, свойственной средневековой индийской общине. Да и мусульманская махалля (квартал) и некоторые другие формы организации сельского и городского населения в странах ислама отражают ту же тенденцию.

На страже этой стабильности теперь, в Средние века, стояли уже не ранние формы религии, а развитые религиозные системы — китайское конфуцианство, средневековый индуизм, ислам и буддизм в различных их модификациях. Этот фактор внес свой вклад во все тот же процесс стабилизации и консервации взаимоотношений государства и социума.

Санкционированные религией этические нормы были законом для средневекового восточного общества. Религиозным (или санкционированным равной религии системой, какой было конфуцианство) был и сам закон в таком обществе. Лучше всего это видно на примере мусульманского шариата, которым руководствовались в своих действиях и решениях все кадры мусульманского мира. Но приблизительно то же самое можно видеть и там, где, как в танском Китае, существовали многотомные своды законов. Казалось бы, законы эти — административные и уголовные. Однако стоит познакомиться с ними поближе, чтобы убедиться в том, что они — конфуцианские. Иными словами, они своим авторитетом служили все тому же неколебимому авторитету конфуцианства с его вошедшими в жизнь и ставшими традицией моральными и вытекающими из них иными, в том числе пенитенциарными, нормами.

Нормы, о которых говорится, не всегда были общими и одинаковыми для всех. Они могли быть различными у разных групп населения даже в рамках одного и того же государства. Но в любом случае возникали господствующие

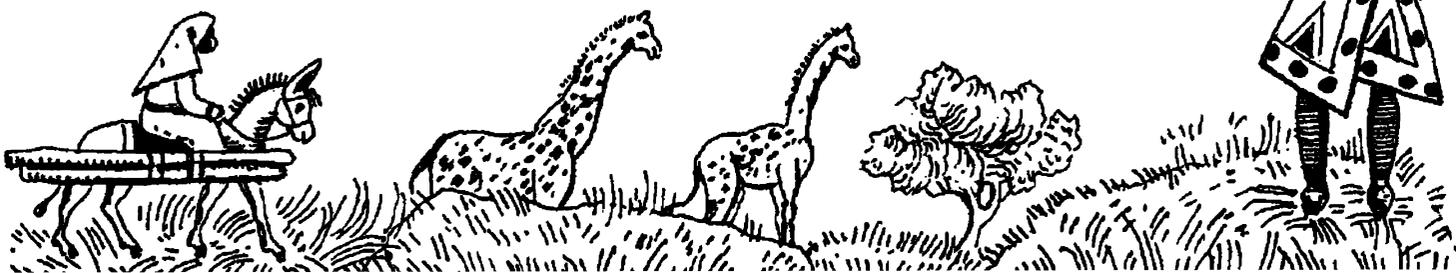
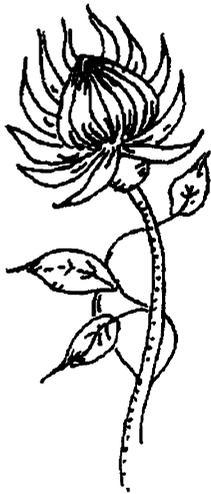
традиции, привычки, стереотипы, обязательные для всех членов общины. Без этого люди просто не могли нормально существовать.

Особенно это заметно, если уделить внимание феномену крестьянских восстаний. В отечественной марксистской историографии принято было считать, что эти восстания «антифеодалные», что они призваны были выразить недовольство народа существующим строем и тем послужить «локомотивом истории», то есть способствовать переходу к новому строю, новой формации. Нет ничего более бездоказательного, чем подобный постулат. Начнем с того, что крестьянское восстание не в состоянии создать почву для нового строя (иной формации — по истмату). К тому же они не могли быть «антифеодалными», и не только потому, что на Востоке не было феодализма как формации, но также вследствие того, что восставшие крестьяне никогда не выступали против землевладельцев как враждебного им класса. Направленность всех крестьянских движений на традиционном Востоке, независимо от того, какой облик эти движения принимали, какую роль играла в них религиозная оболочка, всегда была в принципе одинаковой и сводилась к требованиям вернуть разрушенную норму, восстановить статус-кво.

Крестьяне обычно наиболее консервативны по образу и основам их жизни. Существующую норму они привычно считают приемлемой, даже справедливой, а государство в лице его представителей воспринимают в качестве гаранта этой нормы. Гарантированная стабильность в жизни крестьянина — едва ли не высшая ценность. Конечно, это не исключало сохранение в крестьянском подсознании восходящих к первобытной древности идеалов эгалитаризма. Но утопии такого рода были при сохранении нормы в латентном состоянии, да и то чаще всего лишь у сравнительно бедных и обездоленных. И пусть в периоды кризисов эти эгалитарные представления порой выходили на передний план и задавали тон всему движению восставших, реальной целью движения недовольных крестьян всегда оставалось стремление к восстановлению утраченной нормы и гарантированной стабильности существования.

Поэтому крестьянские восстания не только не были «антифеодальными», но и вообще не ставили своей целью выступление против существующего строя как такового. Напротив, их целью было восстановление порядка, ранее существовавшего и нарушенного в результате злоупотреблений. Корень зла крестьяне видели обычно не в государстве, а в его нерадивых представителях на местах. Восстановление попорченной справедливости восставшие видели только и именно в ликвидации богатых собственников и в восстановлении той привычной нормы, когда существуют заботящиеся о низах верхи (государство и его придерживающиеся справедливой нормы представители на местах) и обслуживающие потребности — разумные потребности! — верхов низы, то есть прежде всего производители-крестьяне.

Если считать, что крестьяне это и есть общество, во всяком случае базовая основа восточного традиционного социума, то есть основание повторить уже высказанный тезис: само общество нуждалось в безусловном подчинении его государству при обязательном условии осуществления этим государством эффективной власти, гарантирующей устойчивую консервативную стабильность. А коль скоро так, то нельзя не признать, что система политической администрации в традиционных восточных обществах базировалась на весьма прочных основах. Общество в лице прежде всего крестьянства не претендовало на права и правовые гарантии, не ставило перед властями требований об уважении и достоинстве. Это общество довольствовалось минимумом нормативных стандартов и выше всего ценило тот самый отеческий порядок, ту самую крепкую руку с палкой, которая одна только и могла, по существующим и восходящим в глубокую древность представлениям, обеспечить столь желанную для крестьянина стабильность существования. И метафора о «поголовном рабстве» на Востоке во многом восходит именно к этой психологии, столь разительно контрастирующей с теми стандартами, что были выработаны в рамках гражданского общества в Античности, — при всем том, что там рядом с гражданами существовали и противопоставленные им в правовом и социальном плане рабы — рабы настоящие, в полном смысле этого слова, а не по своей психологии.

Традиционное восточное общество и его потенции

Если традиционное восточное общество и его базовая основа — крестьянство — в принципе вполне соответствовали классическому восточному государству, если между обоими этими институтами было достаточно гармоничное взаимодействие, если государство уверенно доминировало и господствовало над обществом, а общество было заинтересовано именно в этом, то резонно поставить вопрос о том, каковы потенции эволюции восточных структур.

Государство, опирающееся на власть-собственность, имеющее немислимо высокий статус, абсолютное могущество, высший авторитет, полную власть, — такое государство само по себе ни в какой эволюции не заинтересовано. От добра добра не ищут! Традиционное восточное государство в наивысшей степени консервативно и заинтересовано в устойчивой стабильности и в регенерации в случае кризиса. Тенденция его эволюции — от неполной устойчивости к полной, от недостаточной централизации к наивысшей из возможных, от критически ослабленного состояния (если таковое наступило) к полной силе. Собственно, в этой тенденции проявляется и та динамика исторического процесса с ее спирально-цикловым движением, о которой уже достаточно подробно шла речь. Но это государство. И хотя именно государство в традиционных восточных обществах определяет структуру в целом, теоретически можно поставить вопрос и о потенциях социума.

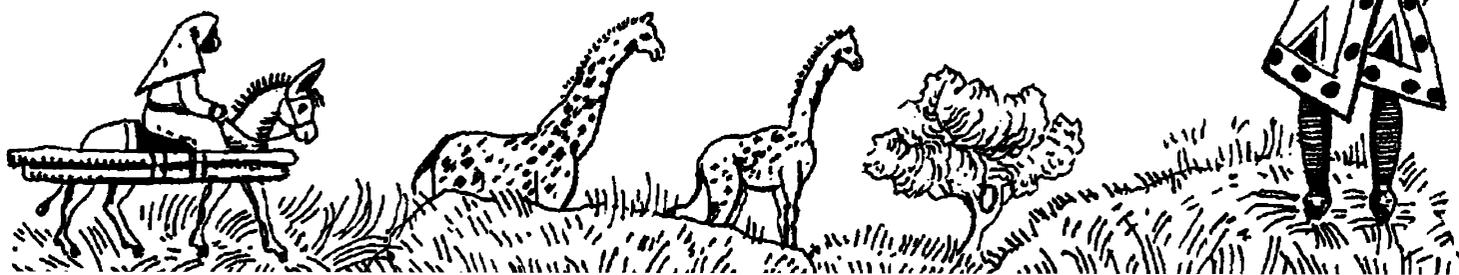
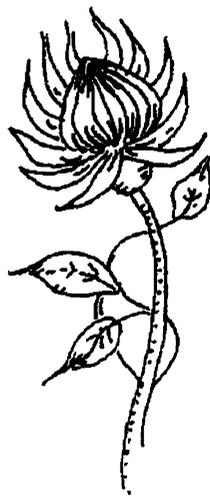
Только что на примере крестьянских восстаний уже было показано то, что традиционный восточный социум не только соответствовал восточному государству, но и был заинтересован в сохранении статус-кво. Если бы дело обстояло иначе, общество в лице определенных влиятельных его слоев вполне могло бы — скажем, в те же моменты массовых народных движений — избавиться от ненавистной ему опеки всесильного государства и создать нечто новое.

Впрочем, иногда нечто подобное действительно проявляло себя — вспомним о сектантских движениях карматов или даосов, создававших свои государства. Но не следует путать видимость с реальностью, выдавать желаемое за действитель-

ное. Да, карматы и даосы создавали новые государственные образования, в рамках которых государство принимало религиозно-сектантскую форму и несколько внешне видоизменялось. Но менялась ли при этом его суть? Становилось ли оно более демократичным, не претендующим на абсолютное повиновение подданных и власть над ними, открывающим принципиально новые просторы для эволюции?

Нет и еще раз нет. Все эти государства, да и вообще все теократические структуры (а речь идет в данном случае именно о них), наиболее заметной из которых в позднем Средневековье можно считать тибетское государство далай-ламы, сохранившее свой традиционный облик и после включения его в империю Цин, принципиально отличались от остальных разве что тем, что чиновниками в них были священники, а функции политической администрации выполняла религиозная организация. Во всем же остальном это были не только типичные восточные государства с их претензией на абсолютную власть, но и в некотором смысле государства в квадрате, ибо верхи в рамках этих государств претендовали не только на светскую, но еще и на духовную абсолютную власть над низами. И если роль палки, функции аппарата насилия, выполняло духовное давление, суть не менялась. Общество в рамках такого рода теократического государства могло быть только еще более приниженым, невежественным и отставшим в своем развитии, чем в обычном восточном государстве.

Вернемся к исходному тезису: традиционный восточный социум полностью соответствовал своему государству и, более того, был заинтересован в сохранении этого соответствия, то есть в дальнейшем пребывании под давлением со стороны государства. Любое ослабление давления, связанное с ослаблением государства, вело к критическим явлениям и вызывало нарушения, которые болезненно сказывались на социуме. Неудивительно поэтому, что социум был в не меньшей мере, нежели государство, заинтересован в сохранении устойчивой консервативной стабильности. Но если так, то как обстоит дело с потенциальными средневекового восточного социума? Вопрос можно поставить и еще конкретнее: как выглядели и в чем проявлялись эти потенции — если они все же были —

на средневековом Востоке, особенно накануне или в условиях уже начавшейся колонизации?

О крестьянстве как важнейшем базовом элементе традиционного восточного общества уже много говорилось. И хотя средневековое крестьянство социально не безлико, а в его среде всегда была пусть небольшая, но влиятельная прослойка людей богатых и связанных с рынком, с частной собственностью, в целом интересы крестьян сводились к сохранению статус-кво, нарушение которого было чревато непредсказуемыми последствиями и в силу этого нежелательно как для всей крестьянской массы, так и для ее верхнего богатого слоя. Поэтому мы вправе говорить, что крестьянство не демонстрировало, да и не имело необходимых потенций для изменения структуры. Да оно и не желало перемен, опасалось их.

Но сводится ли общество и его потенции только к крестьянству? Вполне очевидно, что нет. И это особенно характерно для средневекового восточного общества с его большими городами, развитыми ремеслами и торговлей. Как же обстояло дело с городами и городским населением?

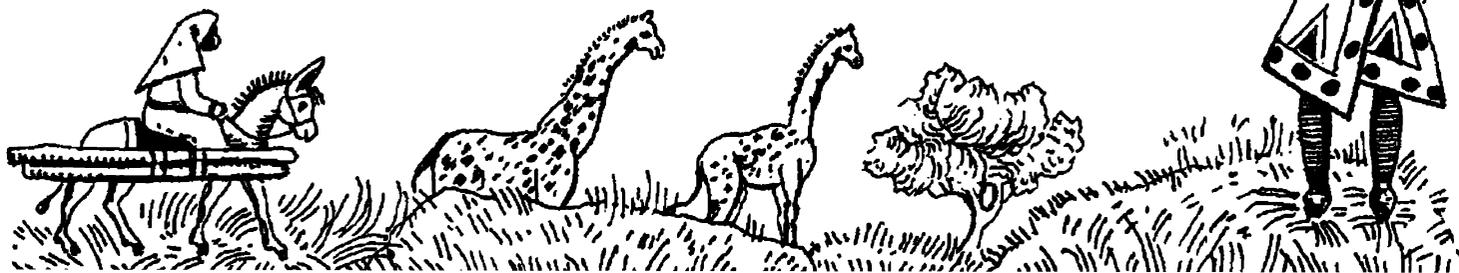
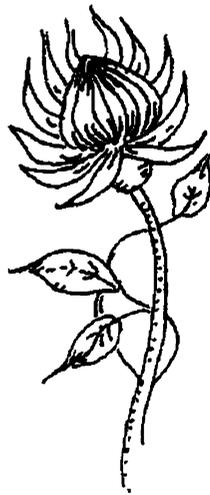
Социально городское население представляло собой весьма пестрое собрание лиц различных занятий и очень разного статуса — от правящих верхов до изгоев. В городах жили чиновники и жрецы, ремесленники и торговцы, военные, множество обслуги, включая рабов, немалое количество учащихся и грамотеев, лица так называемых свободных профессий — гадатели, актеры, врачеватели и т. д., вплоть до нищих и проституток. Чем все они могли быть довольны или недовольны, к чему стремились, какова была их социальная сила?

Следует сразу же заметить, что традиционный восточный город в целом был точно так же строго ориентирован на стабильное существование и сохранение статус-кво, как и все общество, как и государство в целом. Каждый из перечисленных его слоев был по-своему приспособлен к существованию в рамках занятой им ниши. Это не значит, что никто не стремился к лучшему и не поменял бы свое место при случае на более престижное и выгодное. Но, если не считать кастовых ограничений в Индии, обычно никому это и не возбранялось. Дерзай, если можешь и хочешь. Социальная мобильность на традиционном Востоке, кроме кастовой Индии, весьма за-

метна, ее не сравнить с сословной замкнутостью в феодальной Европе. Вчерашний раб нередко становился всесильным эмиром, бедняк — высокопоставленным чиновником-интеллектуалом в системе правящей китайской бюрократии и т. д. Но это касалось только взаимозаменяемости в пределах, если можно так выразиться, личного состава того или иного социального слоя. Сам же слой от такого рода перемен в индивидуальных судьбах своего статуса не менял и оставался в пределах своей традиционной ниши. Поэтому индивидуальные потенции человека реализовывались сравнительно беспрепятственно (даже в кастовой Индии не все двери были закрыты для способных и настойчивых). А вот что касается потенций социальных и социально-экономических, то с ними сложнее.

Ремесла и тем более торговля, да и весь городской быт тесно связаны с рынком. Именно здесь широкий простор для инициативы, предприимчивости, деловой энергии. Вспомним, что китайцы в Юго-Восточной Азии, оказавшись вне пределов всесильного китайского государства, в условиях сравнительно слабых государственных образований, довольно быстро забирали в свои руки чуть ли не весь местный рынок. Это значит, что о возможностях по крайней мере какой-то части городского населения можно говорить с немалой долей уверенности. Но, во-первых, государство прочно закрывало выход за пределы дозволенной и строго контролируемой нормы (просто пределы этой нормы, скажем, в Китае и в Юго-Восточной Азии были разными). Во-вторых, столкнувшись с реальностью и смирившись с нею (плетью обуха не перешибешь!), городские слои привычно гасили свои стремления и традиционно вписывались в статус-кво.

Как бы подводя итоги восточному Средневековью, следует заметить, что колониализм в XVI — XVIII веках немало сделал для решительной ломки традиционного Востока. Вторгаясь на восточные рынки, навязывая собственные взгляды и принципы социального и этического поведения, властно диктуя закон прибыли, он кое-чего добился. Но даже те восточные государства, которые оказались его жертвами, отнюдь не спешили подстроиться под его стандарты, принять его требования и изменить привычной норме.

Это не значит, что ничего не менялось, — особенно там, где колонизаторы были хозяевами, как в Индии или Индонезии. Но изменения были во многом внешними и несущественными. Показательно, что, даже лишившись традиционного восточного государства, своего гаранта консервативной стабильности (его место в той же Индии заняли англичане с их в принципе построенной на совершенно иных основах администрацией), восточный социум упорно стремился сохранить привычные формы существования — настолько, насколько это возможно. Именно на это самосохранение и были мобилизованы все его немалые потенции.

Словом, вплоть до середины XIX века Восток в сердцевине своей оставался таким же, каким был на протяжении предшествующих веков.

Содержание

Глава 1. Средневековье как этап истории Востока	5
Глава 2. Ближний Восток и Иран: от эллинизма до ислама.	12
Глава 3. Арабский халифат.	27
Глава 4. Османская империя (Турция)	43
Глава 5. Позднесредневековый Иран.	54
Глава 6. Средневековая Индия до ислама	66
Глава 7. Индия под властью мусульманских правителей	74
Глава 8. Китай в раннем Средневековье: эпоха Хань и кризис империи.	86
Глава 9. Китайская конфуцианская империя в период расцвета (VI — XIII века).	103
Глава 10. Закат китайской империи. Династии Юань, Мин, Цин	123
Глава 11. Юго-Восточная Азия: Цейлон и страны Индокитая	145
Глава 12. Юго-Восточная Азия: островной мир.	168
Глава 13. Дальний Восток: Корея и Япония	182
Глава 14. Государства и общества средневекового Востока.	200

- Васильев Л.**
В19 Средневековый Восток / Леонид Васильев. — М. : Ломоносовъ. — 2019. — 232 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-511-1

Обзорная работа одного из крупнейших отечественных востоковедов и религиоведов Леонида Васильева посвящена средневековому Востоку. На относительно небольшом пространстве текста изложена — кратко, но емко — история доисламского Ближнего Востока и сасанидского Ирана, Арабского халифата и Османской империи, государств на территории Индии и империи Великих Моголов, раннесредневекового Китая и китайской конфуцианской империи, Кореи и Японии, стран Индокитая и островного мира Юго-Восточной Азии. Определив гранями восточного Средневековья первые века нашей эры и середину XIX века и охватив гигантскую территорию, автор тем не менее сумел создать цельную картину, связанную воедино взаимовлияниями и разнообразными контактами азиатских народов. При этом нашлось место для описания особенностей их религии, культуры, быта. Словом, эта книга для тех, кто мало что знал об истории Востока, но хотел бы узнать обо всем сразу в доступном и понятном изложении.

Леонид Васильев (1930 — 2016) — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения Российской АН.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Леонид Васильев

Средневековый Восток

Редактор Я. Левин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 24.01.2019.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 800 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87